

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

И.И.МЕЩАНИНОВ

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ
УРАРТСКОГО
ЯЗЫКА

Часть первая

ИМЕННЫЕ
ЧАСТИ РЕЧИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва · Ленинград
1 9 5 8

В книге содержится описание особенностей графики и фонетики языка древней Биайны (Урарту), а также морфологии именных частей речи этого языка. Изложение иллюстрируется большим количеством примеров из бийанских (урартских) клинописных памятников, примеры даны в транслитерации.

Книга рассчитана на специалистов по древним языкам Кавказа и Передней Азии.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Древнейшие письменные памятники, найденные на территории Советского Союза, относятся к IX—VI векам до н. э. и принадлежат народу, называвшему свою страну Биайной. История этой страны восстанавливается по ассирийским источникам, в которых она именуется Урарту. В научной литературе закрепилось ассирийское название этой страны. Цари ее именуются урартскими, хотя сами они называли себя царями Биайны.

Заимствуя у Ассирии ее систему письма, Биайна приспособляла ее к передаче своей несемитической речи, что привело к неизбежным отклонениям от строго выдержанного чтения ассирийской графики. Применяя ее слоговые клинописные знаки, биайнскому писцу пришлось комбинировать их и даже, местами, оставлять за ними произношение одним согласным. Традиционное чтение биайнских текстов не учитывает этих особенностей, вызванных использованием чужеземной системы письма. Это отразилось на искаженной передаче ряда слов и собственных имен, в том числе царя Менуа, имя которого (Минуа) не поддавалось точному написанию средствами наличного силлабария. Писец не имел в своем распоряжении особого знака -mi-, что вынуждало его или дать такое же чтение имевшемуся знаку -me-, или же отделить его огласовку добавлением гласного -i-, что сохраняло за самим силлабарным знаком сокращенное его произношение.

Считая необходимым проводить указанные уточнения в чтении анализируемых текстов и предлагаемом обзоре граммати-

ческих форм, я все же вынужден считаться с укоренившейся в научной литературе передачей отдельных имен, например, того же Менуа. По той же причине я сохраняю в заголовке моей работы наименование страны Урарту, хотя в самих наличных текстах Биайны такое ее ассирийское название нигде не встречается. Нарушение мною установленной традиции могло бы быть понято только весьма узким кругом специалистов.

Число обнаруженных надписей Биайны-Урарту достигает почти четырех сотен. В них содержатся сведения по топонимике нашего Закавказья первой половины I тысячелетия до н. э., говорится об обитавших в нем племенах, имеется ряд сведений об их экономике и быте. Все эти данные представляют значительный интерес для историка края. Не менее ценный материал содержится в грамматическом строе языка Биайны. В работах исследователей особое внимание обращается на его синтаксические и морфологические конструкции (эргативный строй предложения, наличие видовых аспектов и весьма сложная суффиксация показателей субъекта в глаголах). Выясняется также основной состав лексики. Уточняемая структура языка даст возможность выявить его место среди других и его возможные связи с языками Кавказа и соседящими языками Передней Азии.

Полное собрание текстов Биайны-Урарту издавалось А. Сэйсом начиная с 1882 г. в последовательной серии публикаций, помещаемых в *Journal of the Royal Asiatic Society*. Издание текстов, предваренное кратким грамматическим очерком, ограничилось здесь их передачей в транскрипциях. В том же виде опубликован свод тех же надписей Ж. Сандаджианом (1900 г.). Прекрасное издание текстов с их фототипическим воспроизведением дано М. В. Никольским в «Клинообразных надписях Закавказья» (1896 г.), но его капитальный труд ограничен надписями, найденными только в Армении.

Фундаментальное издание всех текстов в их транскрипции, сопровождаемых фототипическими воспроизведениями, начато К. Ф. Леманн-Гауптом в его «*Corpus Inscriptionum Chaldaica-*

rum». Вышли два тома (1928 и 1935 гг.) с приложением двух альбомов с ясно читаемыми фототипиями. К сожалению, за смертью автора не вышел намечаемый к изданию третий том и подготавливавшийся полный указатель используемых в надписях слов и собственных имен. Эту задачу с исчерпывающе полнотою выполнил Г. А. Меликишвили, поместивший в № 1 «Вестника древней истории» за 1954 г. указатель идеографических знаков, собственных имен и всех встречающихся в надписях слов в их различных написаниях. В том же журнале за 1953 г. дан краткий грамматический очерк и опубликованы сами тексты. Их транскрипция точно сверена с наличными оригиналами, имеющимися в фотографиях, гипсовых слепках и эстампажах. Как те, так и другие тут же воспроизводятся, но в ограниченном количестве — с использованием только имеющихся в собраниях Музея Грузии.

Привлекая богатейший материал, даваемый Г. А. Меликишвили, приходится все же ссылки на соответствующие надписи делать по альбомам корпуса К. Ф. Леманн-Гаупта и по тем отдельным изданиям надписей, в которых имеются не только транскрипции, но и воспроизведение текстов фототипиями.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ** — Вестник древней истории.
- ДАН** — Доклады Академии наук СССР.
- Даш-Керпи** — Н. Я. Марр. Надпись Сардура II, сына Аргиштия, в Даш-Керпи. Записки Кавказского музея, сер. В—I, Пгр., 1919.
- Звартноц** — И. И. Мещанинов. Халдоведение, табл. XXII. Баку, 1927.
- ИАК** — М. В. Никольский. Новооткрытая в Эриванской губернии клинообразная надпись. Известия Археологической комиссии, вып. 37, М., 1910.
- Кар.-Бл.** — Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур. Ереван, т. I, 1950; т. II, 1952.
- Келишин** — билингва, ее текст см.: Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи (под № 19). ВДИ, № 1, 1953.
- Кологран** — И. И. Мещанинов. Кологранская надпись. Изв. АН СССР, 1932.
- М. Гр.** — Г. В. Церетели. Урартские памятники Музея Грузии. Тбилиси, 1939.
- Маку** — Н. Я. Марр. Надпись Русы II из Маку. Записки Восточного отделения Русск. Археол. общества, т. XXV, Пб., 1921.
- Мелик.** — Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи ВДИ, 1953, №№.1—4.
- Ник.** — М. В. Никольский. Клинообразные надписи Закавказья. Материалы по археологии Кавказа, вып. V, М., 1896.

- Нор-Баязет — И. И. Мещанинов. Халдская надпись из Нор-Баязета. ДАН, 1928.
- Сард. лет. — Н. Я. Марр. Надписи Сардура Второго из раскопок ниши на Ванской скале. Археологическая экспедиция 1916 года в Ван. Пб., 1922. (Заглавными буквами указываются соответствующие столбцы надписи по их нумерации, проведенной Tseretheli).
- стк. — строка (надписи).
- Сурб-Погос — И. И. Мещанинов. Стела Сардура в Ване, Сурб-Погос. Изв. АН СССР, 1932.
- Топсау — билингва, ее текст см.: Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи (под № 264). ВДИ, № 4, 1953.
- Хорхор — летопись Аргиштия I, ее текст см.: Г. А. Меликишвили, ук. раб. (под № 127). ВДИ, № 3, 1953.
- Caucasica — I. Friedrich. Beiträge zu Grammatik und Lexikon des Chaldischen. Сб. Caucasica, вып. VII и VIII, Лейпциг, 1931.
- Corpus — C. F. Lehmann-Haupt. Corpus inscriptionum chaldicarum [альбомы надписей], I—1928: III—1953, Берлин—Лейпциг.
- Einführung — I. Friedrich. Einführung ins Urartäische. Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft, B. XXXVII, Лейпциг, 1933.
- Sayce — A. H. Sayce. The cuneiform inscriptions of Van. Journal of the Royal Asiatic Society, Лондон, 1882, 1888, 1894, 1901, 1906.
- Tseretheli — M. v. Tseretheli. Die neuen haldischen Inschriften König Sardurs von Urartu. Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Гейдельберг, 1928.
- ZA NF — I. Friedrich. Zur urartäischen Nominalflexion. Zeitschrift für Assyriologie, Neue Folge, VI, Берлин, 1931.

ГРАФИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В ПЕРЕДАЧЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРИ НАПИСАНИИ ИМЕН И ИХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ

Фонетические особенности, состав фонем и их произношение в языке биайнской клинописи, благодаря заимствованной у ассирийцев системе письма, не могут быть установлены с требуемой точностью произношения отдельных звуков. Заимствованная система графики привела к необходимости применить выявляемый по слоговым знакам алфавит к языку явно не семитическому и приспособить эти знаки к передаче имевшихся фонетических расхождений. Биайнский писец, используя ассирийскую клинопись, вносил в нее лишь частичные свои изменения, главным образом в приемах начертания отдельных знаков, избегая перекрещивания клиньев. Что же касается оттенения самих фонем, то местами наблюдается неустойчивость в их использовании, местами же, наоборот, известного рода последовательность. Так, различаемые в ассирийских текстах два написания гласного у (-u, -ú) иногда в биайнских словах смешиваются, например в написании: ḥa-u-ni и ḥa-ú-ni, иногда же явно оттеняются устойчивым использованием только одного из этих двух различных изображений названного гласного, например в собственном имени Менуа (Menua, Meīnuā), в котором, при повторении огласовки слога -nu, последовательно помещается -ú, ср.: Me-nu-ú-a-še, Me-nu-ú-a-ni, Me-nu-ú-a-ḥi-ni-e-i.

Писцу приходилось, при написании слов родного языка, использовать приемы, выработанные на сложной системе сло-

говых знаков, приспособленной к передаче семитической речи, что и вызвало ряд затруднений как в практике биайнского письма, так и в нашей дешифровке поступившего довольно обильного материала. Возможно, что темный пока вопрос о точном произношении биайнских слов сделается более ясным при расширении лексических сопоставлений биайнского языка с иберийско-кавказскими и армянским, но пока такие сопоставления носят эпизодический характер. Что же касается самой системы написания, то по отношению к ней все же имеют место отдельные наблюдения, получающие существенное значение для проводимого анализа словарного состава и его грамматического оформления.

При интерпретации изучаемых надписей следует иметь в виду, что биайнская клинопись заимствовала ассирийскую силлабарную графику, в которой отдельный знак мог получать различное значение. При транслитерации наличных знаков исследователи остановились на однозначном чтении, основываясь на вариантах написания одного и того же слова, например: Ar-gi-iš-ti-e-ḫi и Ar-giš-ti-ḫi. Из выступающих в этом имени трех знаков: -gi, -iš, -giš два последних имеют в ассирийском силлабарии несколько чтений, а именно, второй из них — -iš, -mil, а третий — -is, -iz, -giš. При ясном чтении первого знака (-gi) уточняется произношение и двух последующих, так как знак -iš только в этом его значении дает с первым (-gi) построение слога, передаваемого одним знаком — -giš, который и должен выступать в данном его чтении, так как лишь сочетание gi-iš дает заменяющий их слоговой знак -giš.

Уточняющим пособием оказывается также широко применяемое писцами повторение гласного исхода, помещаемого вслед за клинописным знаком. Например, в глаголе za-du-ni 'сделал' средний знак -du получает в ассирийском ряд значений: -du, -gub, -kub, -qur, -gin, kîn. В биайнских текстах неоднократно встречается расширенное дополнительной огласовкой написание того же слова: za-du-ú-ni. Повторный гласный свидетельствует о предшествующем открытом слоге,

каковым из перечисленных значений примененного знака выступает только -du. Чтение отдельных слов в их биайнском произношении могло бы подкрепиться наличием биайно-ассирийских билингв; однако последние вскрывают значение слов, но не их произношение, за исключением собственных имен, повторяющихся также в ассирийских летописях. Ассирийские заимствования в лексическом составе в точности не прослежены, но отдельные слова, например: *kubuše*, графически *ku-bu-še-e* 'шлем', сближаются с их ассирийским соответствием *kubšu*, *pulusi* 'каменная глыба, стела' с ассирийским *pułani* 'известняк' и тем самым устанавливаются в произношении соответствующих слоговых знаков. Такие примеры остаются единичными. Ими устанавливаются правильное чтение данного знака в данном слове, но вовсе не подтверждается такое же его чтение в других словах. Заключительные строки с заклинаниями (формулы проклятия), с которых началось чтение биайнских надписей, аналогичны таким же ассирийским только по содержанию, но исчерпывающих данных для фонетического чтения не представляют.

При таких условиях не имеется полной уверенности в том, что принятое только однозначное чтение применимо ко всем заимствованным знакам клинописи во всех случаях их использования в различных словах. Поэтому возможно, что в предложенном чтении отдельных слов содержатся ошибки. Соответствующая проверка может быть проведена только путем привлечения к сравнению лексики родственных языков. Эти замечания относятся, главным образом, к словарному составу, что же касается грамматического строя, то он, в своей клинописной передаче, выступает более ясно, выявляя действующую систему оформления глагола и имен, хотя и здесь требуется учет наблюдаемых особенностей в использовании силлабарной графики.

Осложнением в чтении биайнских текстов является отсутствие полной уверенности в том, что слоговой знак всегда читался в целом его составе, сочетающемся с гласным. При действовавшей системе графики писец не всегда мог

использовать слоговой знак в полном его чтении, в особенности, когда требовалась передача двух сочетающихся согласных. Так, например, для написания глагола *partu* 'они захватили' можно было взять знаки с одним и тем же гласным в исходе и начале: *pa-ar-tu*, но таких возможностей не было для глагола *tertu* 'они установили', так как знак *-er* в биайнской клинописи отсутствует. Писцу пришлось его заменить близким по огласовке знаком *-ir*, что графически дало *te-ir-tu*, в чтении же *tertu*. При написаниях *pa-ar*, *te-ir*, передающих один слог *-par*, *-ter*, нужно было из числа помещенных знаков читать некоторые в одном их согласном составе: *pa-(a)r-tu*, *te-(i)r-tu*. Но к подобному однофонемному чтению писец прибегал иногда и в тех случаях, когда ему вовсе не было необходимости комбинировать слоговые знаки, чтобы из их сочетания составить требуемый слог, полностью не представленный одним знаком, как это имело место при написании слогов *-par* и *-ter*. Например, при неоднократно встречающемся начертании слова *zadu-ni* 'он сделал' тремя знаками, *za-du-ni* можно найти и такое, в котором слоговые знаки усекаются в одногласный, ср.: *za-a-du-ú-ni* (*Corpus*, 4).

Что писец нередко использовал слоговые знаки клинописи в их однозвучном согласном составе, это подтверждается повторным помещением гласного вслед за слоговым знаком, в состав которого он же входит, например: *pu-na-a-bi* (*nunabi*), *pa-ru-ú-bi* (*parubi*), *ma-a-nu* (*manu*), *ša-a-li* (*šali*), *ku-ú-li* (*kuli*), *ku-ul-me-e* (*kulme*). В последнем примере писец и не мог избежать однозвучного чтения слогового знака, так как для передачи слога *-kul* в его распоряжении не было одного клинописного знака и ему пришлось использовать два знака с одним и тем же гласным, в одном случае исходным, а в другом начальным (*ku-ul*). Возможно, что именно поэтому и последний слог *-me* писец изобразил двумя знаками, читая первый из них лишь согласным: *m(e)-e*. Явно одногласное чтение клинописного знака имеем в параллельном написании географического названия *Ka-a-ma-ni-ú-i*, переданного в другом месте иным сочетанием знаков: *Ka-am-ni-ú-i*, что дает фонетическое

чтение *Kamniui*, каковое, очевидно, имелось в виду и при первом из приведенных начертаний того же имени (Сард. лет. D, стк. 51; F, стк. 23). Уточнив огласовку первого знака (ка-а), писавший надпись уже лишил себя возможности передать весь слог *kam* иными средствами, чем те, к которым он и прибегнул, используя знак *-ma* в его усеченном виде: *Ka-a-m(a)-ni-ú-i*.

Допускавшееся местами неполное чтение слогового знака вело, в свою очередь, к осложнению письма дополнительными знаками, передававшими соответствующую огласовку и в тех случаях, когда полное чтение слогового знака уже содержало требуемый гласный звук, вновь особо повторяемый. Поэтому, например, при написании слова *alsuišini* 'великий' пишущий прибегал к различному его начертанию с использованием соответствующих знаков то в их одиночном виде, то в сопровождении гласного, повторяющего гласный звук данного слога, ср.: *al-su-i-ši-ni* и *al-su-ú-i-ši-ni*. Первое из них при однозвучном чтении слогового знака можно было бы произнести *al-s-i-ši-ni*, в связи с чем писец специально подчеркнул огласовку знака *-su*, помещая рядом с ним гласный повтор. Такая манера письма, получившая широкое применение, свидетельствует о желании подтвердить огласовку слогового знака, а вовсе не оттенение долготы гласного. В связи с этим затрудняется вопрос о различении в биайнском языке долгих и кратких гласных. Сложность выделения отдельных фонем в системе слогового письма привела к использованию различных сочетаний имевшегося запаса клинописи, что осложнялось еще и установившимися правилами, не допускавшими переноса слов. Поэтому повторение гласного вызывалось иногда также и необходимостью заполнить строку удлинением написания соответствующих слов.

Все же в некоторых случаях писец бывал вынужден со специальной целью оттенять гласный предшествующего слогового знака, тем самым обращая его в одногласный. Это имело место тогда, когда в составе биайнской клинописи отсутствовал слоговой знак с требуемой огласовкой. В этих

случаях или брался близкий по произношению слоговой знак, который и читался с соответствующим его изменением, или же таковой дополнялся уточняющим его чтение гласным, который уже не являлся в данном его применении простым гласным повтором. Так, например, в клинописи Биайны отсутствует знак -le, поэтому показатель пермансива, выражаемый данным слогом, передавался в клинописи знаком -li, а иногда сочетанием этого же знака с гласным -e, графически — li-e, в чтении в обоих случаях -le. Равным образом, в клинописи не имеется знака -se, в связи с чем слово, обозначающее 'камень, стела, надпись', puluse писалось в форме как pulusi, так и pulusie (Corpus, 89—96). То же самое получилось с передачей слога -mi, не имеющего соответствующего клинописного знака. В связи с этим для написания данного слога пришлось взять знак с близкою огласовкою -me и, сохраняя за ним однозвучное чтение -m, рядом поместить требуемую огласовку -i. Это получилось в написании царского имени Менуа, передаваемого в письме как в форме Me-nu-a, так и Me-i-nu-a, а в отдельных случаях даже с явно однозначным чтением всех используемых знаков, ср.: Me-i-nu-ú-a (Corpus, 64, стк. 2,8).

Тем самым устанавливается чтение этого имени Minua, а не Menua, как это ошибочно оказалось общеупотребительным во всех биайноведческих работах, основывающихся на более распространенном начертании Me-nu-a и не считавшихся с особенностями клинописной графики, вынужденной прибегать к слоговым обозначениям не всегда достаточно точным. Знак -me в этом имени, очевидно, читался так же, как он же с добавлением соответствующего гласного: -me-i. Сам же слог -me, с его наличною огласовкою, мог выступать в других словах полнозначным слогом, что подтверждается повторением его же огласовки, ср.: meše 'дань', графически me-še, me-e-še (Сард. лет. А, стк. 18; F, стк. 21).

Сочетание -me-e, с повторным гласным, противопоставляется сочетанию -me-i с уточняющим гласным, ср.: -me-e (me), me i (mi). Выступающая и в том и в другом положении

огласовка может быть понята и как подкрепление чтения предшествующего слогового знака, и как чтение его с одним только согласным звуком. Поясняющим примером может служить приведенное собственное имя правителя Биайны в указанном его более сложном написании, поставленном в эргативном падеже: Me-i-ni-ú-a-še. Поскольку все предыдущие знаки читаются в данном случае однозвучно, возникает вполне оправдываемое сомнение в правильности полного чтения также и последнего знака -še, ср.: m(e)-i-n(u)-ú-a-š(e), что имеет непосредственное отношение к грамматической форме эргативного падежа биайнского языка.

Такое же сомнение возникало и при чтении имени бога Тейшеба, передаваемого в большинстве текстов ассирийскою идеограммою ^dIM (Адад). В отдельных более редких случаях дается его биайнское произношение, например в надписи Sause, 20: Te-e-i-še-ba-a-še (с окончанием эргативного падежа -še). Признавая за знаком -še полное его произношение, я в свое время предлагал изменить обычное чтение данного собственного имени Теишба на, как казалось мне, более правильное Тейшеба.¹ Затем, углубляясь в изучение самой системы биайнской графики, я пришел к обратному выводу, усмотрев в написании Te-e-i-še-ba-a-še однозвучное использование всех взятых в данном примере клинописных знаков t-e-i-š-b-a-š. Последний знак, передающий падежное окончание, непосредственного отношения к основе собственного имени не имеет, остается Teišba.

К такому заключению ведут, казалось бы, и все только что приведенные мною выводы, учитывающие действовавшую систему клинописной графики. Но биайнский писец, основательно владеющий родным для него языком, не встречал затруднений в чтении помещаемых им знаков и потому мог одно и то же слово в его письменной передаче как оттенять огласовками, так и не прибегать к подобного рода детализации. Даже в одном и том же столбце Сардуровских летописей можно найти различные написания слов: ra-ru-bi, ra-ru-ú-bi

¹ См. мою работу Халдоведение (Баку, 1927), стр. 123.

‘я захватил’ (А, стк. 10, 21, 23, 27); ḥa-ši-al-me, ḥa-ši-al-me-e
 ‘они помогли мне’ (Е, стк. 7,47); e-ba-ni-ú-ki-di, e-ba-ni-ú-ki-e-di
 ‘в мою страну’ (Е, стк. 18, 24); e-ba-ni-e-di, e-ba-ni-gi-di
 ‘в страну’ (А, стк. 5; Е, стк. 49), и т. д. Пишущий мог различными приемами использовать знаки также и в границах одного и того же слова, например, читать слог -še в имени бога Тейшеба в полном виде в середине основы и в усеченном в конце слова: Т(e)-e-i-še-b(a)-a-š(e). К более уверенным выводам нужно было приходиться не по имевшемуся одиночному написанию отдельно взятого слова, а путем сопоставления ряда написаний одного и того же слова в одной и той же грамматической форме. Если в текстах написано слово, обозначающее ‘дань’, один раз двумя знаками: те-še, а другой раз тремя: те-е-še, причем полное чтение окончания имен существительных на -še устанавливается рядом других примеров, как-то: ku-bu-še-e ‘шлем’ (Кар.-Бл. II, стр. 50), al-su-i-še-e ‘величие’ (Corpus, 85, стк. 7), то отсюда можно прийти к выводу, что основой данного слова было теše. Но таких графических сопоставлений при восстановлении имени Тейшеба в моем распоряжении тогда не имелось. На чтении Teišba мне и пришлось бы остановиться, если бы в самые последние годы не были получены данные, подтверждающие правильность моих первоначальных объяснений.

В одной, хотя и весьма дефектной, надписи из Арджеша (Corpus, 148—149) все же ясно выступает начертание того же имени с повторною огласовкою слогового знака -še в основе слова Те-і-še-е-ба.¹ Оказывается, таким образом, что биайнский писец не был последователен в использовании слоговых знаков, помещаемых то в их полном, то в усеченном виде, причем даже в написании одного и того же слова. При некоторых знаках он оттенял их огласовку, при некоторых же оставлял без такого уточнения. Так и получилось в отмеченном выше Те-е-і-še-ба-а, в котором слог -še, несмотря на отсутствие гласного повтора, наличного при всех

¹ См.: I. Friedrich. Die Namen des urartäischen Sonnen- und Mondgottes. *Orientalia*, IX, fas. 3, 1940, стр. 214—215.

остальных слоговых знаках, тем не менее читался в его полном составе. В связи с этим в научной литературе последних лет оказалось принятым не старое чтение Теишба (К. Ф. Леманн-Гаупт, *Corpus*), а уже исправленное — Тешеба (И. Фридрих, А. Гётце), что, равным образом, представляется мне необоснованным.

Биайнский писец, конечно, не преследовал цели однообразного использования употребляемых им знаков. Он иногда уточнял огласовку слогового знака, иногда оставлял его без таких уточнений, но там, где он умышленно помещал дополнительный знак (гласный), он следовал более точной фонетической передаче изображаемого в письме слова. Поэтому, если в написании Те-е-і-še-ба-а подчеркивается чтение первого слога -te, графически -te-e, то следующий за ним -і уже выступает в своем самостоятельном значении, что, при полном слоговом произношении знака -še, графически -še-e (по надписи из Арджеша), обуславливает чтение имени бога не Теšeба, а Теіšeба (Тейшеба). Проведенный анализ касается основы собственного имени, но не его грамматического оформления (Теіšeба-še), которое нуждается в таком же специальном исследовании.

Ознакомление с системой биайнской графики оставляет под сомнением полнозвучное чтение падежного окончания -še, оформляющего подлежащее при переходном глаголе (эргативный падеж). Грамматические формы в их графической передаче оказываются в тех же сложных условиях в особенности, когда они получают слоговое выражение. Здесь, равным образом, приходится для установления их чтения прибегать к расширенным сопоставлениям их написания в различных словах, причем и тут опорным пунктом может служить дополнительная огласовка, играющая существенную роль при транслитерации силлабарного письма.

Окончания слов в надписях нередко снабжаются уточняющей огласовкой, которая выявляет соответствующую грамматическую форму. Так, например, именительный падеж в наименовании страны Игани представлен в Сардуровских летописях специальным гласным -і, который уточняет основу

тем, что ее последний слог *-ni* в свою очередь оттеняется наличием в нем гласного: *I-ga-ni-i*, что образует стечение гласных *-i-i*, из которых один относится к основе, а другой выделяет ее огласовку. Получилось написание имени *Iganii*, представляющего собою основу слова, стоящего в именительном падеже (*Iga-ni-i*), ср. в фонетическом чтении: *karuni* ¹Карурини *ŠARRU MĀTU Jganii* 'покорил Капурины, царя страны Игани' (Сард. лет. F, стк. 7). Таким образом выясняется, что основой имени является *Igani*. Поэтому, когда в той же Сардуровской летописи строкою выше стоит: *uštadi MĀTU Iganiedi* 'я направился в страну Игани', можно с достаточным основанием заключить, что в получившемся здесь сочетании знаков *-ni-e* каждый из них выступает самостоятельно, давая полное чтение слогового знака *-ni* с этою его огласовкою и падежный суффикс *-edi* (направительный падеж).

Таким путем уточняется чтение как самих слов, так и их грамматических форм, ср. также название страны Кумахахали (Куммух), получившей в именительном (неоформленном) падеже написание: *Qu-ma-ḥa-ḥa-li-i*, что фонетически дает *Qumaḥaḥali* с исходною огласовкою *-i*: *karuni MĀTU Qumaḥaḥali* 'покорил страну Кумахахали' (Сард. лет. E, стк. 36—37). Такое же уточнение гласного исхода падежных окончаний можно встретить неоднократно, ср. направительный падеж во множественном числе *-ašte* (графически *-aš-te-e*) в написании названия страны Биайны: *Vi-a-i-na-aš-te-e* (там же, стк. 45), ср. также написание *giš-šu-ri-e*, *giš-šu-ri-i-e* в одном и том же контексте: *uštabi masinie giššurie* с условным переводом 'выступило воинство'. Последние два слова прослеживаются в следующих вариантах: *ma-si-i-ni-e giš-šu-ri-e* (Сард. лет. A, стк. 1), *ma-si-ni-e giš-šu-ri-i-e* (там же D, стк. 46), *ma-si-ni-i-e giš-šu-ri-e* (Corpus, 31, стк. 1—2). Конечный гласный *-e* выделяется в обоих словах путем помещения особой огласовки в слоге *-ri* (*-ri-i*) и в слоге *-ni* (*-ni-i*). То же самое можно видеть и в таких написаниях, как ¹*Hal-di-i-e e-ú-ri-i-e* (Corpus, 66, стк. 2), фонетически ¹*Haldie eurie*, с выделением окончания

дательного падежа ^dHaldi-e euri-e 'богу Халду владыке', ср. также варианты словословия 'Халдовым величием (величием бога Халда)': ^dHal-di-ni-ni al-su-i-ši-ni (Сард. лет. А, стк. 6), ^dHal-di-i-ni-ni al-su-i-ši-ni (там же G, стк. 1), ^dHal-di-i-ni-i-ni al-su-ú-i-ši-ni (там же B, стк. 36—37). В последнем примере отделяется огласовкою основа имени Haldi (Hal-di-i), суффикс принадлежности -ni (-ni-i) и окончание аблатива -ni, повторяющееся в слове 'величие': alsuši-ni.

Такого же выделения огласовки в окончании эргативного падежа -še в биайнской клинописи мне встречать не приходилось.¹ Не получая нигде специально выраженной огласовки, знак -še, в его использовании в падежном назначении, имеет в то же время свои варианты с одним только написанием согласного звука. Это можно встретить не только в тех случаях, когда слово осложняется дополнительным суффиксом (энклитикою), ср.: ^dHal-di-iš-me: iu ^dHaldiš-me ŠARRU tuḫi aguni 'когда бог Халд мне царство даровал' (Сард. лет G, стк. 2), но и в словах, заканчивающихся одним только указанным падежным окончанием, ср.: Iš-ru-i-ni-iš (Corpus, 10, стк. 1). Преобладающим является другое написание того же собственного имени с исходным -še, где этот его последний слог никогда не получает повторения своей огласовки: Iš-ru-ú-i-ni-še (Corpus, 9 и др.). Помещение знака -še в конце слова без сопровождения отдельно стоящим -e обращает на себя внимание в особенности, когда другие слоговые знаки получают повторение гласного звука. Поэтому особый интерес возбуждает встречающееся начертание со сплошными гласными повторами: Iš-ru-ú-i-ni-i-še (Corpus, 4, 6). Если при имеющемся здесь выделении гласных звуков читать предшествующие им знаки лишь в их согласном составе и, таким образом, все слоговые знаки с конечным гласным произносить одним согласным звуком, то в итоге получится то же самое фонетически передаваемое целое, какое

¹ В надписи Corpus, 36 на строке 8 в стереотипном тексте формулы проклятия стоит (a-lu)-še-e. Текст дефектен и воспроизводится не по подлиннику, а по копии Белька.

выступает в редко встречающемся *Išruiniš*, ср.: *Iš-p(u)-ú-i-n(i)-i-š(e)*.

Сомнение в чтении данного имени вызывает только то, что в биайнской клинописи слоговой знак вовсе не всегда сопровождался соответствующею отдельно стоящею огласовкою и, следовательно, читался полным слогом. Он использовался как однозвучный тогда, когда писец встречал препятствие в передаче одного согласного звука, но именно с согласным *-š* у него, при наличии знаков *-iš*, *-aš*, *-uš*, таких затруднений не было. Тем не менее все сказанное относительно падежного окончания *-š(e)* продолжает оставаться в силе благодаря наличию хотя и редкого, но все же встречающегося написания данного падежного окончания *-š*, к тому же не в одном только отмеченном выше случае.

Заслуживает также внимания встречающееся в Келишинской билингве такое же написание имени Халда, стоящего в эргативном падеже. В заключительной формуле проклятия вместо обычного *Ḫaldiše* в билингве стоит *Ḫaldiš* (Corpus, 12, стр. 40). С этого имени начинается божественная троица, представленная еще двумя идеограммами богов грозы (луны) и солнца. Все три собственных имени стоят в эргативном падеже, но с различным его написанием в отмеченных двух вариантах: *Ḫal-di-iš ADAD-še* *ḪAMAŠ-še*. Хотя в распоряжении писца были требуемые слоговые знаки с согласным звуком в исходе (*-aš*, *-iš*), но он их при идеографическом изображении имен богов не использовал, ср. возможность их записания при фонетическом чтении данных идеограмм: *ADAD-še* (*Te-i-še-ba-aš*), *ḪAMAŠ* (*Ši-ú-i-ni-iš*). Все же написание Халда с конечным согласным *-š* (*Ḫal-di-iš*) дает основание предполагать, что и при перечне остальных богов добавляемый слоговой знак *-še* произносился одним согласным. Изложенное оправдывает чтение суффикса эргативного падежа *-š*, графически передаваемого в большинстве случаев слоговым знаком *-š(e)*.

При использовании данного слогового знака для передачи окончания эргативного падежа не встречается повторного

гласного -е, но когда тот же знак оканчивает основы имен и в этом случае выступает в полном своем чтении, то повторение исходного гласного допускается, ср.: *alsuiše* 'величие', графически *al-su-i-še-e* (Corpus, 84, стк. 7); *kubuše* 'шлем', графически *ku-bu-še-e* (Кар.-Бл. II, стр. 50). Но приведенные слова стоят в именительном (неоформленном) падеже и их окончание -še не имеет никакого отношения к суффиксу эргативного падежа. Ряд имен существительных в биайнском языке оканчивается на слог -še, передаваемый как одним слоговым знаком, так и с добавлением его огласовки: *ul-gu-ú-še* *ri-su-ú-še al-su-i-še-e* 'жизнь, радость, величие' (Corpus, 84, 85, стк. 7). Между тем падежное окончание -š изображается в письме только с помощью слогового знака, содержащего в себе согласный -š или в конце (-iš) или в начале (-še), что и устанавливает грамматическую форму, ограниченную одним этим согласным звуком (эргативный падеж).

Повторение гласного звука оказывается для писца вовсе не обязательным, так как принятая им графическая система вовсе не сводит все знаки к передаче одного звука (ср. в древнеперсидской клинописи). Биайнский писец использует слоговые знаки в их полном чтении. Сокращение этих знаков до одного согласного звука допускается только в тех случаях, когда комбинируются слоговые знаки так, чтобы из их сочетания образовалась требуемая грамматическая форма с одним согласным, получить которую можно было только сочетанием слоговых знаков, так как отдельных знаков для передачи одного согласного не имелось. Тогда брались подходящие для этого знаки, например *-ni-iš* (ср.: *Iš-ri-ú-i-ni-iš*). Огласовка *-iš* повторяет исходную огласовку предшествующего знака *-ni* и тем самым утрачивает свое самостоятельное чтение. Но в манере биайнского писца наблюдается и другая, отмеченная выше особенность. Имея в своем запасе ограниченное число знаков, писец местами оттеняет огласовку слогового знака. Такое повторение гласного звука, несомненно, способствует более правильному чтению соответствующих слов и их грамматических форм. Там, где грамматическая форма, предшествующая

ленная слоговым знаком, не повторяется в своей огласовке, полное ее чтение остается под сомнением только потому, что падежное окончание, оставаясь одним и тем же, но оформляя разные слова, нигде не сопровождается дополнительной огласовкой. Поэтому, например, окончание именительного падежа собственных имен при глаголах движения и в царской титулатуре обычно получает суффикс *-ni*, который, выступая в этом его значении, нигде не сопровождается гласным *-i* (*-ni-i*). Там же, где такое построение имеет место, оно дает иную грамматическую форму, а именно форму родительного падежа; ср. написание одного и того же имени с окончаниями *-ni*, *-ni-i* на щите Аргиштия: ^mAr-gi-iš-ti-ni-i ú-ri-iš-ḥu-si-ni-e-i ^mMe-nu-ú-a-ḥi ŠARRU DAN.NU ŠARRU al-su-ú-i-ni ŠAR MĀTU Vi-i-a-i-na-ú-(e) a-lu-si-e Tu-uš-ra ĀLU 'Аргиштиева крепости сына Менуи этот щит. Аргишти сын Менуи царь могучий, царь великий, царь страны Биайны, властитель города Тушпы'. (Кар.-Бл. II, стр. 51). Имя царя Аргишти встречается в данном тексте два раза. В одном месте, в конце надписи, оно стоит в именительном падеже Ar-gi-iš-ti-ni и оканчивается на упомянутый суффикс *-ni*, в другом поставлено Ar-gi-iš-ti-ni-i, связанное с последующим словом ú-ri-iš-ḥu-si-ni-e-i. Оба слова стоят в родительном падеже: Argišṭini-i urišḥusini-ei 'Аргиштиева крепости', чем и объясняется постановка отдельного гласного *-i*, заканчивающего собственное имя, стоящее в притяжательной форме: Argišṭi-ni-i. Наличие гласного *-i* в родительном падеже слова Argišṭini-i, ср. также: Menua-i pili 'Менуи канал', выделяет этот гласный на самостоятельное место, оставляя знак *-ni* (Argišṭi-ni) в том же неясном его полном или усеченном чтении. Не устраняется поэтому возможность видеть в окончании именительного падежа одно *-n*, что, при отмечаемой многозначности суффикса *-ni*, заслуживает особого внимания, исключая это падежное окончание из числа различных значений данного суффикса.

Чтение биайнских собственных имен подкрепляется их же упоминанием в ассирийских летописях, но грамматическое их оформление получает в биайнских текстах свои отличия. Так,

эргативный падеж на -š(e) в ассирийских надписях отсутствует. Равным образом нет в них и именительного падежа на -n(i). Имя Ишпуина передается в ассирийском тексте Келишинской билингвы: Iš-ru-u-i-ni apil Sar-dur 'Ишпуини сын Сардура'. Это имя выступает в биайнском тексте в именительном падеже: pu-na-be ^mIš-ru-ú-i-ni-ni 'направился Ишпунни' (Corpus, 12, стк. 17). Собственное имя заканчивается падежным суффиксом -n(i). Основою имени остается Išruini. Полное чтение последнего слога его основы -ni подтверждается написанием этого слога с его повторною огласовкою: Iš-ru-ú-i-ni-i-ni (Corpus, 15, стк. 11). Таким образом, ассирийское чтение этого имени совпадает с биайнским. Имя Сардура в том же падеже выявляет основу Sarduri, по ассирийски Sardur, ср. в биайнском: uš-ta-a-bi ^mSAR-du-ri-ni (Сард. лет. С, стк. 24); uš-ta-bi ^mSAR-du-ri-i-ni (там же А, стк. 3), в обоих случаях имеем фонетическое чтение: uštabi ^mSardurin(i). Повторение гласного при слоге -ri (-ri-i) указывает на полное чтение соответствующего слогового знака, давая тем самым основу Sarduri, ср. SAR-du-ri (Ник. XIII, стк. 2). Такое чтение подтверждается также написанием того же имени в эргативном падеже: SAR-du-ri-i-še (Кар.-Бл. II, стр. 50).

Уточнение чтения имен существительных использованием дополнительных огласовок может быть прослежено и в производных формах от тех же собственных имен. То же имя Сардура, выступая отчеством, получает дополнительное обозначение hi-ne, фонетическое чтение которого, равным образом, устанавливается сличением различных вариантов его написания; ср. с частым повтором гласного: ^mIš-ru-ú-i-ni-i-še ^mSAR-du-ú-ri-e-ḥi-ni-e-še i-ni Ê-e za-a-du-ú-ni, фонетически: Išruiniš(e) Sardureḥineš(e) ini Ê zaduni 'Ишпуин сын Сардура это сооружение воздвиг' (Corpus, 4). Падежному окончанию -š(e) предшествует в имени Ишпуина полностью читаемый слог -ni, в имени же Сардура тот же падеж -š(e) заканчивает суффикс отчества, графически представленный слогами hi-ni-e-še. Падежное окончание -š(e) стоит после основы слова, поэтому знак -e должен относиться к ней, то есть уточнять огласовку

предшествующего слога имени отчества -ni, читаемого -ne. За отсутствием в биайнской клинописи специального знака для слога -ne последний графически передается тем же знаком -ni; ср. в именах отчества: ĥi-ni-še, ĥi-i-ni-e-še (Corpus, 64, 65, стк. 2). Тем самым устанавливается чтение имени отчества: ĥine, в усечении: ĥe.

Приведенные примеры, устанавливающие чтение суффикса имен отчеств ĥine, подтверждают значение таких дополнительных огласовок при установлении основ слов, их словообразовательных и словоизменительных морфем. Но далеко не во всех случаях помещение повторного гласного становится столь же ясным в своем назначении. И если суффикс отчества в имени SAR-du-ri-e-ĥi-ni-e-še получил свое уточнение повторением гласного -e, стоящего перед падежным окончанием (ĥine), то наличие того же гласного перед названным суффиксом нуждается в особом объяснении, так как, не являясь окончанием падежа, гласный -e в данном случае должен быть отнесен к основе самого собственного имени, устанавливаемого в своем чтении, как мы видели, с гласным исходом -i. Между тем конечный слог основы -ri получил в этом написании имени царя дополнительную огласовку -e, вместо ожидаемого -i (Sarduri). Основа слова в данном его положении (в именах отчества) выступает в различных написаниях с теми же двумя гласными: SAR-dur-ĥi-ni-(še) (Corpus, 10, стк. 1); SAR-du-ri-ĥi-ni-(še) (Кологран, стк. 2); SAR-du-ri-e-ĥi-ni-(še) (Corpus, 13, стк. 3). SAR-du-ri-e-ĥe, SAR-dur-e-ĥe (Келишин, стк. 18, 27).

Все эти разновидности одного и того же содержания сводятся, кроме первого примера, к чтению Sardureĥe, так как такое его ясное написание в последнем из приведенных примеров оправдывает как помещение двух знаков -ri-e (в чтении: -re), так и одного -ri, которое, очевидно, соответствовало тому же чтению за отсутствием в биайнской клинописи отдельного знака -re. Следовательно, выступая в именах отчества, Sarduri под влиянием, может быть, ассимиляции изменило свою огласовку. То же самое имеет место и с другими именами, в частности с именем Аргишти. Его основа на -i высту-

пает в написании: Ar-gi-iš-ti-še, Ar-giš-ti-i-še (Ник. VIII, стк. 2; XXII, стк. 1), но в именах отчества гласная основа переходит в -e; ср. в Сардуровских летописях: Ar-giš-ti-ḥi (А, стк. 4); Ar-gi-iš-ti-e-ḥi (В, стк. 11). Чтение знаков -ti, -ti-e как -te подтверждается написанием того же имени в Атамханской надписи: Ar-giš-te-ḥi-ni-še (Ник. XVI, стк. 2) и на бронзовом запоре с надписью Русы: Ar-giš-te-ḥi-ni-i (Кар.-Бл. II, стр. 63). Отсюда можно признать, что и в имени Сардура произошла такая же как и в имени Аргишти перегласовка (Sardureḥine). Такого рода перегласовка встречается нередко в именах, оканчивающихся на гласный -i.

Продолжая разбор грамматических форм в том же направлении, приходится обратить внимание на то, что в последнем из приведенных примеров (Ar-giš-te-ḥi-ni-i) исходный гласный -i, стоящий после суффикса ḥini, противоречит только что выясненному произношению данного суффикса с конечным -e (ḥine). Это встретившееся написание ḥi-ni-i, вместо ḥi-ni-e, имеет свое объяснение, ясно подтверждающее сложность клинописи в передаче требуемых грамматических форм и в то же время далеко не случайное использование писцом имеющегося в его распоряжении ограниченного запаса клинописных знаков. Написание ḥi-ni-i в имени Аргишти вовсе не меняет чтения ḥine, так как добавочный -i в ḥi-ni-i не является огласовкою предыдущего слогового знака -ni и занимает самостоятельное место, выступая окончанием родительного падежа, что ясно следует из сочетания: Ru-sa-a-i Ar-giš-te-ḥi-ni-i, где оба имени (Руса сын Аргиштия) стоят в родительном падеже на -i: Rusa-i Argišteḥini-i (Кар.-Бл. II, стр. 63). За отсутствием специального знака для передачи слога -ne писец и в этом случае использовал близкое к нему -ni, дав чтение ḥine-i, ср. также надпись на щите: Ar-gi-iš-ti-ni-i ú-ri-iš-ḥu-si-ni-i 'Ме-ну-а-ḥi-ni-i i-ni a-še 'Аргиштиевой крепости сына Менуи этот щит' (Кар.-Бл. II, стр. 51).

Те же особенности биайнской графики могут быть использованы и для выяснения ряда других грамматических форм. Так, например, окончание дательного падежа ясно выступает

при сопоставлении следующих, уже упоминавшихся, трех вариантов обращения к богу Халду: Ḫal-di-e e-ú-ri-e , где чтение знаков di-e , -ri-e допускает как двугласное, так и одногласное произношение (Corpus, 83, стк. 8); $\text{Ḫal-di-i-e e-ú-ri-e}$, где уточняется чтение Ḫaldie (Corpus, 56, стк. 1—2); $\text{Ḫal-di-i-e e-ú-ri-i-e}$, где уточняется также и чтение eurie (Corpus, 63, стк. 3, 9). После сделанных сопоставлений выделяется падежное окончание: Ḫaldi-e eurie 'Богу Халду владыке'. Такое же графическое выражение грамматических форм можно видеть в написании слова ebani 'страна': $\text{MĀTU e-ba-a-ni a-tu-ú-bi}$ 'страну я истребил', $\text{MĀTU e-ba-ni-i aš-gu-bi}$ 'страну я захватил' (Сард. лет. С, стк. 8, 9). Слово ebani 'страна' в таком его чтении устанавливается повторением гласного в слоге -ba-a в первом примере и слога -ni-i во втором. В обоих случаях ebani выступает прямым дополнением, следовательно стоит в именительном падеже; ср. то же слово в родительном падеже: $\text{ka-ru-ni}^m \text{Ra-šu-ú-ni ŠARRU MĀTU Ru-i-ši-a-ni-e-i MĀTU e-ba-ni-i-e}$ 'покорил Рашуни царя страны Руишиани' (там же, стк. 50—51). Название страны и слово ebani стоят в родительном падеже: $\text{Ruišiani-ei, ebani-e}$. В последнем слове гласный -i , следующий за слогом -ni , уточняет огласовку его основы. Тем самым заключительный -e выступает на самостоятельное место падежного окончания, или изафетной частицы.

Все же проводимый в указанном направлении анализ построения слова встречается с рядом затруднений, вызываемых чисто фонетическими особенностями биайнского языка. К числу их должно быть отнесено смешение гласных -e и -i , очевидно фонетически сближающихся в биайнском языке. В связи с этим параллельно с написанием глагола в 3-м лице единственного числа nuna-bi 'он направился' можно встретить и написание nuna-be (Келишин), ср. ušta-be 'он выступил' (Corpus, 28, стк. 1). В клинописи имелись отдельные знаки как для -bi , так и для -be , но писец, используя в большинстве случаев первый из них, помещал иногда и второй. Следовательно, в окончании 3-го лица непереходного глагола высту-

пает открытый слог с исходным гласным е/і. Преимущество в написании этого суффикса дается первому из названных двух знаков (-bi). То же самое, но с большим упором на гласный -е, имеется в усеченном написании суффикса отчества, для которого, равным образом, могли быть взяты отдельные знаки с различной огласовкою: -hi и -he. Такое сокращенное написание имен отчества представляется тремя вариантами: -hi, -hi-e, -he: Me-nu-a-hi, Me-nu-a-hi-e (Ник. VI, стк. 5, 8); Iš-ru-u-i-ni-e-hi (Corpus, 48, стк. 11), Iš-ru-ú-i-ni-e-he (Corpus, 49, стк. 9) и др. Передавать слог -he для писца затруднений не представлялось, так как в его распоряжении имелся специальный для этого знак, который он иногда и использовал, хотя чаще для передачи того же слога брал знак hi. Чтение же при всех таких различных написаниях: -hi, -hi-e, -he, оставалось, очевидно, одним и тем же, вероятно, под влиянием огласовки последнего слога полного суффикса hine, возможно с тем же гласным оттенком и в первом слоге. Повторение огласовки в этом слоге -hi упорно избегается, из чего можно заключить о наличии тут беглого или редуцированного гласного звука. Что же касается усеченного суффикса -he, то, имея в своем распоряжении особый для него знак и оттеняя его огласовку при использовании другого знака (-hi-e), автор текста все же широко применяет знак -hi для передачи того же гласного.

Подобное смешение огласовок -е/і уже приходилось отмечать в написании имени отчества Аргишти, когда, при наличии знаков -te и -ti, писец прибегал то к одному из них, то к другому, ср.: Ar-giš-ti-hi, Ar-gi-iš-ti-e-hi (Сард. лет. А, стк. 4; В, стк. 11), Ar-giš-te-hi (Маку, стк. 13). Можно полагать, что такое сближение в биайнском языке названных двух гласных, получивших неустойчивость в своей передаче, приводит в отдельных случаях к редуцированному звуку, который можно усмотреть в тех же именах отчества, когда гласный исход основы получает различное написание с чередованием -е/і и даже с полным его выпадением: SAR-du-ri-hi-ni-še (Corpus, 15, стк. 2), SAR-du-ú-ri-e-hi-ni-e-še (Corpus, 4, стк. 1), SAR-dur-hi-ni-še (Corpus, 10, стк. 1).

В системе биайнской графики особое место занимает также написание дифтонгов, о которых придется говорить при обзоре глагольных форм. Наиболее ясно выступает дифтонг *-ai*, получающий в письме различное выражение. Часто встречается полное его написание, иногда сокращаемое до одного гласного. Показательным примером разновидностей графической передачи названного дифтонга служит написание названия страны Биайны, передаваемого в клинописи двумя основными вариантами: *Vi-a-i-na*, *Vi-a-na*. Дифтонг *-ai* получает здесь как полное написание двумя гласными *-a-i*, так и одним гласным *-a*, очевидно произносимыми одинаково, так как оба эти варианта встречаются в одних и тех же надписях, например в Сардуровских летописях. Такое же выражение дифтонга получается и при склонении данного наименования страны, когда падежное окончание, прибавляемое к основе слова, дает стечение тех же гласных *-a-i*, что имеет место в оформлении направительного падежа. Его суффикс *-idi*, присоединяемый к основе, заканчивающейся на гласный *-a*, образует тот же дифтонг, получающий в письме такое же двойное изображение или обоими гласными *-a-i*, или одним *-a*, ср.: *Vi-a-i-na-i-di*, *Vi-a-na-i-di*, *Vi-a-i-na-di* (Сард. лет. В, стк. 19, 35; Е, стк. 23). Их одинаковое произношение образует стечение в одном слове двух сходных дифтонгов, в основе слова и в падежном окончании. Графически или оба они передаются полностью (*Viainaidi*), или же один из них дается парным написанием гласных (*-ai*), а другой — одним гласным (*-a*), причем когда он представлен полностью в основе слова, он же в падежном окончании усекается до одногласного написания, и наоборот: *Viainadi*, *Vianaidi*.¹

¹ Г. А. Меликишвили усматривает здесь выпадение гласного. И. Фридрих признает выпадение гласного и замену одного другим (*-i* — *-e*), а также выпадение одного из слагаемых дифтонгизированного звука (*-ai*, *-a*; *-au*, *-a*; *-ui*, *-ue*, *-u*, *-iu*, *-i*) см.: Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи. ВДИ, №1, 1953, стр. 259—262; I. Friedrich. Einführung ins Urartäische. 1933, стр. 2—4; *Caucasica*, VIII, стр. 116.

Свободно пользуясь полным и усеченным написанием дифтонгов, получившихся в итоге стечения гласных -a-i, писец в то же время учитывал фонетическую сторону передаваемой речи, и там, где чтение соответствующего слова могло вызвать затруднения, избегал сокращенных написаний. Он не всегда прибегал к передаче -ai одним гласным. Например, в написании имени Менуа в его притяжательном оформлении, когда суффикс -ini, сочетаясь с основой собственного имени на -a, дает такое же стечение гласных, в текстах выступает полная форма Менуа-ini. Имя Менуа в именительном падеже на -ni пишется Менуа-ni: uš-ta-bi ^mMe-nu-a-ni 'выступил Менуа' (Corpus, 27, стк. 5). Это же имя, когда оно оформлено притяжательным суффиксом -ini, не сокращается в получившемся стечении гласных (-a-i) до одногласного звука -a, что привело бы к совпадению с предыдущим. Сохраняется полное написание Менуа-ini, в родительном падеже Me-nu-a-i-ni-e-i (Corpus, 57, стк. 1), ср. то же на чашах из Кармир-Блура: ^mMe-nu-a-i-ni-e-i ú-ri-is-ḥu-si-ni-e-i 'Менуева арсенала (крепости)'. Проводимое здесь различие между Менуани и Менуаини объясняется или тем, что тут дифтонга не образовалось, или же тем, что различие грамматических форм нуждалось в их оттенении.

Особое внимание обращает на себя встречающееся в письме вклинивание по-видимому спирантизованного -g перед гласным, чаще в интервокальном положении. Такие вставки дополнительного знака встречаются сравнительно редко, но в словах и грамматических формах весьма часто употребляемых, например, в производных формах от слова ebaní 'страна'. Вклинивание такого знака не придает словам какого-либо нового значения. Оформленные им слова оказываются в тех же самых контекстах, как и представленные в обычном написании, что служит свидетельством наличия в биайнском произношении соответствующих слов с йотированным или спирантизованным звуком, не поддающимся точной передаче клинописною системою письма и потому вовсе опускаемого или передаваемого сложною графикою, ср. основу слова ebaní 'страна' в назывательном падеже: e-ba-ni-di, e-ba-ni-gi-di, e-ba-ni-e-di. Падеж-

ное окончание *-edi*, известное в своих разновидностях *-idi*, *-di*, добавляемое к слову с гласным исходом (*ebani*), образует плохо улавливаемый звук, по-видимому близкий к йоту или спирализованному *-h*, используемому иногда в слогоразделительном назначении. Помещение знака *-gi* между основой и падежным окончанием слова *ebani* указывает на то, что данное слово в этой его грамматической форме получило более сложное произношение, чем то, которое обычно представляется в письме (*e-ba-ni-e-di*). Начертание *e-ba-ni-gi-di* отмечает наличие звука, не передаваемого обычным написанием данного слова: *ebani-g-idi*, фонетически: *ebanihidi*, *ebanihed*, отсюда графические варианты: *ebanigidi*, *ebanidi*, *ebaniedi*¹.

Приведенные примеры со словом *ebani*, в направительном падеже *ebanigidi*, вовсе не являются единичными. Такое же вклинивание знака *-gi* выступает и в названии страны Уеликуни, равным образом, при постановке его в направительном падеже, ср.: *U-e-li-ku-ni-gi-di* (Сард. лет. F, стк. 17); то же в имени страны Иштулуани в том же падеже: *Iš-te-lu-a-ni-gi-di* (там же, стк. 14). Но писец непоследователен в передаче отмеченных оттенков используемых им знаков и в одной и той же строке наряду с уточненными формами ставит другие без фонетической детализации, ср.: *uš-ta-a-di MÂTU Iš-te-lu-a-ni-gi-di MÂTU Qa-di-a-i-ni-e-di MÂTU A-pu-ú-ni-ni-e MATU e-ba-ni-i-e-di* (Сард. лет. F, стк. 13—14). Возможно, впрочем, что в данном случае второе имя лишено вставки спирализованного звука в связи с наличием дифтонга *-ai* в основе слова, чего нет в имени *Iš-te-lu-a-ni*, так же как и в слове *e-ba-ni*, но и последнее в той же строке стоит в своем общеупотребительном начертании *e-ba-ni-i-e-di*, а не *e-ba-ni-gi-di*, как то имеет место в пятой строке столбца А летописей Сардура: *uš-ta-a-di, MÂTU Ba-bi-lu-ni-e MÂTU e-ba-ni-gi-di ha-ú-bi MÂTU Ba-bi-lu-ú MÂTU e-ba-a-ni*. Название страны в именительном падеже *Babîlu* стоит в конце взятого абзаца. В начале его то

¹ Формы *e-ba-ni-e-di*, *e-ba-ni-gi-di* встречаются в летописях Сардура (А, стк. 5; Е, стк. 49 и др.), форму *e-ba-ni-di* приводит И Фридрих (ук. раб., стр. 3, ZA NF, VI, 1931, стр. 270).

же имя поставлено в родительном падеже с притяжательным суффиксом -ni (Babilu-ni-e) 'выступил я в Бабилову страну. Захватил я страну Бабилу'. В том же построении выступает и приведенный выше отрывок той же Сардуровой летописи: uš-ta-a-di... MÂTU A-ru-ú-ni-ni-e MÂTU e-ba-ni-i-e-di (F, стк. 13—14). Название страны поставлено в родительном падеже с притяжательным суффиксом (Aruni-ni-e, ср.: Babilu -ni-e), но следующее за ним слово ebaniedi лишено отмеченного дополнительного знака (-gi), имеющегося в предыдущем примере (ebanigidi). Писец местами уточняет чтение, местами приводит его в принятом виде сочетания основы слова с окончанием падежа -edi.

В том же положении выступает тот же -g, отделяя основу от суффикса -ni и послелога (-kai) в оформлении слова giššuri, получившем написание giššur-gini-kai-ni, графически giš-šur-gi-ni-ka-i-ni (Сард. лет. F, стк. 26). Хотя значение данного слова не ясно ('войско, воинство?'), все же как сама основа, так и выступающая здесь суффиксация находят в текстах свои параллели. Слово giššuri выступает в различных грамматических формах, выявляя основу в этом ее виде. Послелог -kai в значении 'перед, пред' устанавливается Келишинскою билинговю, где биайнскому ^dHaldikai (стк. 25) соответствует ассирийское: ina rap ^dHaldie (стк. 22) 'перед Халдом'. Послелог примыкает к неформальной основе (Haldi-kai), ср. также: Menua-kai, 'перед Менуей' (Corpus, 21, стк. 3). По аналогии можно giššurgini рассматривать, как осложненную основу того же имени существительного с присоединением к ней послелога (giššurgini-kaini). В эту производную основу, в данном ее написании, вклинивается звук -g, отделяя саму основу слова giššur(i) от суффикса -ini, в котором легко усмотреть уже неоднократно упоминавшийся суффикс притяжения, представленный тут с обычно опускаемым спирантом в начале hini, графически: gi-ni, i-ni. При таком толковании данного грамматического построения можно прийти к выводу о наличии в притяжательном суффиксе -ini начального спиранта, в письме обычно опускаемого, что ставит его в тесную связь

с другим притяжательным суффиксом *ḫini* (*ḫine*), выступающим и в именах отчества.

Чаще *-g* выступает в интервокальном положении, иногда на границе слова, отделяя основу от производной суффиксации, иногда внутри самой основы, ср. варианты написания одного и того же слова: *ṣi-da-gu-ri*, *ṣi-da-ú-ri* (*Corpus*, 10, стк. 1—2; Маку, стк. 5 и др.). Если усмотреть в этом слове глагольную форму медио-пассива на *-uri*, то вставка знака со спирантом *-h*, графически переданном знаком *-gu*, окажется отделяющей основу от глагольного окончания, ср. также: *tu-a-gi* (*Сард. лет. E*, стк. 54), *tu-a-i-e* (*Sayce*, XLV, стк. 20, 24) 'блестящий', где тот же звук *-g* находится в самой основе слова, уточняя его чтение. Подобные слова пишутся и с таким дополнительным оттенком выступающих в них звуков и без него, причем само произношение слова оставалось, конечно, одним и тем же. Здесь мы встречаемся с чисто графическими затруднениями, которые должны были быть значительными, так как помимо непередаваемых письмом спирантов имелись еще и йотированные звуки, равным образом не везде отмечаемые клинописью.¹

Наличие йотированных звуков, с трудом передаваемых принятой системой письма, подтверждается применяемым писцом слитным написанием гласных *-i*, *-a*. Проводя заметные интервалы между отдельными знаками, он же иногда соединяет эти два гласные, помещая их одним знаком наряду с другими, ср.: *-a-ni-ia-ar-du-ni* 'независимый, враждебный' (*Сард. лет. E*, стк. 42); *bi-du-ia-še* 'на обратном пути, обратно, снова' (*Даш-Керпи*, стк. 5); *bi-du-ia-še uš-ta-di MÂTU E-ri-a-ḫi-ni-e-di* 'снова я

¹ И. Фридрих сводит графическое *-g* к интервокальному *-i* (йоту). Г. А. Меликишвили видит в нем обозначение какого-то слабого согласного звука, не всегда помещаемого в письме и используемого во избежание зияния (*hiatus*). Такое же его назначение признается И. Фридрихом и М. Церетели, см.: Г. А. Меликишвили, *ук. раб.*, стр. 250, I. Friedrich, *Einführung...* стр. 2—3; *Archiv Orientaln*, IV, № 1; стр. 65; *Caucasica*, VIII, стр. 120; M. v. Tseretheli. *Die neuen haldischen Inschriften König Sardurs von Urartu. Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften*. Гейдельберг, 1928, стр. 31.

выступил в страну Эрах' (Сард. лет. F, стк. 12). Особенно ясно присутствие такого йотированного звука выступает в написании первого из этих двух слов, где знак -ia оказался в соседстве тех же двух гласных, представленных в слогах -ni, -ar (a-ni-ia-ar-du-ni). В слове же bi-du-ia-še тот же йотированный звук представлен одним слитным знаком -ia, тогда как в том же столбце тех же летописей строкою ниже стоит глагол той же основы, но с не менее точно выведенным раздельным написанием названного йотированного звука: bi-di-i-a-di; bi-di-i-a-di uš-ta-a-di MÂTU Iš-te-lu-a-ni-gi-di 'я повернул [и] выступил в страну Иштелуани'. Отметив спирантизованный звук в названии страны (gi-di), автор надписи тут же не отменил йотированного гласного, поместив раздельно то, что строкою выше начертал слитно.

Наличие спирантизованных и йотированных звуков в биайнском языке не подлежит сомнению. Тем самым осложняется графическая передача соответствующих слов. Тот же спирантный звук в сочетании с йотом можно усмотреть в различных начертаниях глагола kuguni в одной и той же фразе: "Menuaše ini puluse kuguni 'Менуа эту надпись начертал' (Corpus, 92, стк. 3—5 и др.). Глагол kuguni, стоящий в 3-м лице аориста единственного числа, представлен в данной фразе в различных вариантах. Часто встречается написание без уточнения огласовок: ku-gu-ni (Corpus, 90, стк. 4). Нередки написания с повторною огласовкою второго слога: ku-gu-ú-ni (Corpus, 83, стк. 3) и обоих слогов: ku-ú-gu-ú-ni (Corpus, 56, стк. 5). Этими тремя вариантами уточняется чтение kuguni, выступающее в первом примере, но это чтение, как увидим ниже, неверно. Знаки клинописи не передали в данном случае точного произношения слова. Это засвидетельствовано наличием в текстах, в той же самой фразе, реже встречающегося более осложненного написания того же слова, указывающего на неточность передачи наличных в нем звуков простым их отмеченным выше начертанием двумя слогами: ku-gu(ni)-u.

Каждый из этих слогов осложняется йотированным звуком, который и выступает в следующих вариантах: ku-gu-i-ú-ni,

где присутствие йота отмечается во втором слоге: *gu-i-ú* (Corpus, 93, стк. 15) и *ku-ú-i-gu-ú-ni*, где тот же йот отмечается и в первом слоге (Corpus, 95, стк. 6). Устранение личного окончания *-ni* обнаруживает основу переходного глагола в ее различном написании: *kugu*, *kuigu*, *kugiuu*, в которых вступает сложность изображения в письме гласного *-u* в его дифтонгизированном (йотированном) виде *-ui*. Развернутое его написание содержится один раз в первом слоге (*kui-gu*) и другой раз в последнем (*ku-gui*), в связи с чем можно прийти к заключению о присутствии такого осложненного гласного в обоих слогах: *kuigui*. Но и это чтение вызывает сомнение наличием глагольной формы *ku-ú-i-tu-ú-ni*, стоящей в той же фразе, но в 3-м лице множественного числа, так как действующими лицами выступают два лица, Ишпуин и Менуа: ^m*Iš-ru-ú-i-ni-še...* ^m*Me-i-nu-ú-a-še...* *i-ni ru-lu-si-e ku-ú-i-tu-ú-ni* 'Ишпуин [и] Менуа эту надпись начертали' (Corpus, 15, стк. 2—4). Субъектно-объектные окончания (*i*)*tu-ni* 'они — его' присоединены к глагольной основе *kui*. Выпадение здесь знака *-gu*, отмечаемого в основе *kuigui*, указывает на то, что и тут данный знак обозначал спирантизованный звук, исчезновение которого в письме тем самым оправдывается. Таким образом, более часто используемое сокращенное написание *kuguni* 'он начертал' оказывается в его произношении осложненным, а в графической передаче упрощенным.

Подобного рода сокращенные написания осложненного гласного встречаются довольно часто, причем графически нередко выделяется одна из его составных частей, по-видимому превалирующая в своем произношении и предшествующая в построении осложненного звука. Например, сочетание *-iu*, *-ui* иногда передается полностью, иногда одним гласным *-u*, в зависимости от составных частей звука, ср. *qiuṛa*, *qira* 'земля, почва': *qi-ú-ra-a* (Ник. XVII, стк. 6), *qi-ú-ra-a-ni* (Ник. IX, стк. 6), *i-ra-ni* (Ник. XXIV, ст. 4); *arniušinili*, *arnišinili* 'дела, подвиги': *ar-ni-ú-ši-ni-li* (Сард. лет. E, стк. 35), *ar-ni-ši-ni-li* (Ник. IX, стк. 10); *alsuiše*, *alsuše* 'величие': в форме аблатива *al-su-i-ši-i-ni* (Ник. XIII, стк. 11), *al-su-ú-ši-ni* (Ник. XXI, стк. 17),

al-su-ši-ni (Ник. VI, стк. 8); производная от той же основы форма прилагательного alsuini, alsuni 'великий': al-su-ú-i-ni (Сард. лет. G, ст. 12; Ник. IX, стк. 12), al-su-ni (Ник. VI, ст. 9) и др. То же наблюдается в написании собственного имени Ишпуина (Išruini, реже Išruni), ср. в имени отчества: Iš-ru-ú-i-ni-ḥi-ni-še (обычное написание, см. Corpus, 14 и сл.), Iš-ru-u-ni-ḥi-ni-še (Corpus, 42, 59, 61, 62, 87).

Этими же особенностями биайнской графики объясняются неоднократно встречаемые написания то двух гласных -ue, то одного -u. Очевидно, таким способом передавался один огубленный звук, лабиализованный -u, ср. различные написания названия страны: Diaueḥini, Diauḥini: Di-a-ú-e-ḥi-ni-i (Corpus, 27, стк. 7, 13, 19), Di-i-a-ú-ḥi-ni (Sayce, XLV, стк. 4, 23, 34). Такой же гласный в тех же графических разновидностях представлен в начале названия страны Удури-Этиуни: U-e-du-ri-E-ti-u-ni-i (Сард. лет. D, стк. 48), U-du-ri-E-ti-ni (Ник. XVI, стк. 7). Составное наименование страны Удури-Этиуни получило в приведенных примерах выражение обоих осложненных гласных -ue, -iu, передаваемых в клинописи как полностью, так и одним знаком: Ueduri, Uduri; Etiuni, Etini.

Такие сложные гласные выступают, главным образом, в основах слов, в грамматических же формантах огласовка значительно яснее, но и тут отмеченная выше близость отдельных гласных и затруднения в передаче йотированных получают свое отражение. Если различное написание гласных -ui, -iu подтверждается в основах слов многими примерами, — ср. также название страны: Uiteruḥi, Uteruḥi, графически U-i-te-ru-ḥi (Corpus, 13, стк. 12, 19; 14, стк. 5), U-te-ru-ḥi (Corpus, 13 об., стк. 5, 10), — то все же в грамматических формах склонения имен подобного же рода огласовки поддаются различному толкованию. Так, например, в перечне покоренных царей четырех стран Удури-Этиуни упоминаются: Ar-gu-qi-ú-ni, Ka-a-ta-ni-ú-i, Lu-e-ru-ni-ú-i (Сард. лет. D, стк. 50—52). Первая из названных стран получает в надписях такие же, как и уже отмеченные варианты написания -iu двумя гласными

(i-u) и одним (-i): Ar-gu-qi-ú-ni (Сард. лет. D, стк. 50), Ar-gu-qi-ni (Ник. XV, стк. 4). Имя Ка-а-та-пи-ú-и имеет разночтение Ка-ат-пи-ú-и (Сард. лет. F, стк. 23), объясняемое не выпадением гласного -а (Kamniui, Kamniui), а графическими затруднениями в начертании двух сочетаемых согласных (-m-n), для чего использованы клинописные знаки -am-ni в одном случае и знаки -(k)а-та-пи в другом, при произношении знака -та одним согласным.

Основа слова Kamniui, таким образом, выясняется, но окончание его, так же как и другого названия страны Lueguniui, продолжает оставаться неясным как в своем чтении, так и в значении грамматической формы. Все три имени могут быть поняты, как стоящие и в родительном падеже и в именительном. В первом случае гласный -i должен выделяться (Kamniui-i, Lueguniui-i). При именительном падеже, наоборот, тот же гласный входит в основу, образуя сложный гласный звук -ui. В этой форме то же имя повторяется в другой столбце тех же летописей Сардура, где в перечне покоренных стран оно стоит наряду с другими в том же именительном падеже (F, стк. 23). Определение падежных форм в таких случаях приходится устанавливать контекстом фразы и глагольным управлением. Следует также иметь в виду, что при передаче собственных имен писец встречается с затруднением в написании местных названий, произносившихся на языках, чуждых биайнскому. Так, в другой надписи (Кологран, стк. 4—5) в таком же перечне четырех стран рядом с Arguqini упоминается Lueguhe, в котором не трудно видеть иной вариант написания названия той же страны Сардуровских летописей Lueguniui.

Наибольшие затруднения в выявлении словоизменительной суффиксации вызывают гласные -e, -i в тех случаях, когда они в письме передаются слоговыми знаками, оканчивающимися на -i. Наличие одного слогового знака оставляет под сомнением чтение его огласовки, повторное же написание гласного здесь уточняет конечный звук как в основах имен, так и в их грамматическом оформлении, ср. указанные выше варианты: ru-lu-si, ru-lu-si-e 'надпись', pi-li, pi-li-e 'канал', фо-

нетически везде *puluse, pile*. Таким же путем выясняется грамматическая форма пермансива, в котором при общеупотребительном написании *-lie* глаголы получают иногда окончание *li*, ср.: *dulie, duli* 'сделает', *tiulie, tiuli* 'скажет', *ulu-lie, ululi* 'повергнет': *a-lu-še a-i-ni-e-i i-ni-li du-li a-lu-še ú-li-še ti-u-li* (Corpus, 34, стк. 8—9); *a-lu-še a-i-ni-e-i i-ni-li du-li-e a-lu-še ú-li-še ti-i-ú-li-e* (Corpus, 35, стк. 8—10) 'кто для кого-либо это сделает, кто другой скажет'. Выступающие тут глаголы *dulie, tiulie* получают местами еще более точное чтение их последнего слога: *du-li-i-e* (Corpus, 53, стк. 12), *ti-i-ú-li-i-e* (Corpus, 47, стк. 16). Другие глаголы в пермансиве получают такое же развернутое написание огласовки, ср.: *pi-tu-li-i-e* 'повредит', *tu-li-i-e* 'сломает', *ḥa-ar-ḥa-ar-šu-li-i-e* 'разрушит' (ИАК, 37).

В показателе пермансива, как явствует из приведенных примеров, вовсе не выступает слог *-le*, графически *-li-e*. Помещение повторного *-i* перед *-e* (*-li-i-e*) дает чтение *-lie*; выражение же его, хотя бы и редко, одним слогом *-li* указывает на наличие не двух гласных (*-i-e*), а одного, осложненного в своем произношении. В огласовке слога *-li* отмечается йотированное *-e* (*lye*), что и получает свое графическое выражение в указанных вариантах: *-li-i-e, -li-e, -li*. Последнее написание в этом его однослоговом виде (*-li*) совпадает с формой множественного числа в глаголах и именах (*-li*), но совпадение показателя множественного числа *-li* с показателем пермансива, представленным в письме одним слоговым знаком без гласного повтора, оказывается лишь в графике, но не в произношении биайнских слов. Показатель множественного числа *-li*, при весьма широком своем применении, не получает таких же дополнительных огласовок.

Отмеченная сложность графической передачи грамматических форм приводит иногда к совпадению разных падежных окончаний, передаваемых в клинописи одинаково и не улавливаемых в их различном произношении даже при учете всех выступающих вариантов их начертания. Так, окончания родительного и дательного падежей обоих чисел передаются

шутся одними и теми же знаками. Оба названные падежа получают окончания с различными сочетаниями гласных -e, -i, близость которых обуславливает схождение форм этих двух падежей, ср.: ^dHaldi-i patari (Corpus, 56, стк. 10—11), ^dHaldi-ei ÂLU (Нор-Баязет, стк. 6) в одном и том же значении 'бога Халда город'. В собственном имени с основой на -i (Haldi) падежное окончание пишется одним гласным (-i) и двумя (-e-i). Возможно, что и тут выступает один дифтонгизированный звук (-eu), получающий в графике различное написание (-ei, -i). В именах с основой на -a тот же родительный падеж оканчивается как на -i, так и на -e, ср.: ^mMenua-i pile tini 'Менуи канал имя [его]' (Corpus, 49, стк. 4); ŠAR MÂTU Bîaina-e 'царь страны Биайны' (Corpus, 34, стк. 5); alusi ÂLU Tušra-e patari-e 'властитель города Тушпы' (Corpus, 49, стк. 11—12). Слово patari 'город' стоит в том же родительном падеже и, несмотря на то, что основа этого слова оканчивается на -i, падеж выражен гласным -e, то есть тем же, которым оформляется дательный падеж, ср.: ^dHaldi-e euri-e 'богу Халду владыке'.

Несмотря на имеющиеся схождения грамматических форм, все же парадигма склонения имен, так же как и парадигма спряжения глагола, устанавливаются в своих основах и могут быть даны с учетом изложенных выше особенностей их передачи графикой силлабарной клинописи. Действующая система грамматического строя общенародного языка, выступая в письменных памятниках, свидетельствует об ее устойчивости и прослеживается без значительных изменений на всем протяжении трех веков существования письменного языка.

Вполне естественно, что нами привлекается к исследованию не графика сама по себе, а ее использование для передачи действовавшего грамматического строя. Абстрагируясь от конкретного написания тех или иных слов, мы по ним выявляем то общее, что составляет специфику данного изучаемого нами языка. Подбирая соответствующие знаки клинописи, писавший тексты, конечно, использовал их для передачи тех общих норм, которые лежали в основе его родной

речи и которые подлежат нашему изучению. Графика не влияла на строй биайнского языка, она лишь привлекалась для его передачи в письме. Система графики, тем самым, становится на свое место.

Изучается не письмо, а грамматический строй языка по сохранившимся письменным памятникам давно исчезнувшего государства. В них выступает стройная система как морфологии, так и синтаксиса. Резкие нарушения установленных правил ограничиваются случайными примерами искаженной передачи слов инородною системою письма. Например, при строго соблюдаемой норме полного написания суффикса имен отчества *-hine*, с допущением его сокращения лишь в последнем слоге, только в одиночных случаях имеет место усечение первого слога, ср. обычное написание имени Аргишти в эргативном падеже: ^mArgišti-še ^mMenua-hine-še и его же усеченное написание: ^mArgišti-še ^mMenua-ḥe 'Аргишти сын Менуи'. Такие параллели, как ^mArgišti-še ^mMenua-ni-še, имеющиеся на шлеме и щите Аргишти (Кар.-Бл. II, стр.50—51), являются одиночными исключениями, выступающими в графической передаче данного слова. Действующих правил грамматики такие случайные примеры не нарушают.

Установление грамматического оформления слова получает в биайнской клинописи особое значение, так как, при господстве морфологической системы суффиксации, наличие падежного окончания и показателя лица в глаголе устанавливают конец слова, который в тексте никакими особыми графическими приемами не выделяется. Письмо идет точно размеренными строками в их горизонтальном положении с последовательным размещением знаков слева направо. Знаки идут один за другим без разделения не только предложений, но и отдельных слов. Переносы слова с одной строки на другую не допускаются. Поэтому писцу иногда приходилось, чтобы заполнить строку, увеличивать промежутки между отдельными знаками или осложнять слово повторением огласовок. В последнем случае наличие дополнительного гласного объясняется не сложностью передачи грамматической формы,

а чисто графическими условиями. Возможно, что при этом пишущий клинописный текст местами переходил, в целях заполнения строки, на однозвучное чтение слогового знака. Границы слова в конце и начале строк, благодаря отсутствию переносов, устанавливаются с достаточной точностью. Например, постоянно встречающееся в заклинательной формуле в числе лиц, близких к совершителю преступного деяния, слово *arḫiuruliani* ('семья, потомство, домочадцы') в некоторых надписях разбивается на два слова, помещением их в двух смежных строках, ср.: *ar-ḫi ú-ru-li-a-ni* (*Corpus*, 27, стк. 34—35; 53, стк. 14—15).

В середине строки конец слова выступает ясно, когда следующим словом является собственное имя, предваряемое соответствующим детерминативом, или когда стоящее рядом слово представлено идеограммой, хотя и выведенной такими же самыми клинописными знаками, но хорошо известными во всех системах клинописи и потому легко выделяемыми в их идеографическом значении, ср.: *ŠAMAŠ di ILU aš te MĀTU bi a i na aš te a lu si ni ni al su ú i ši ni...* (*Сард. лет. F*, стк. 3). Первая идеограмма бога солнца заканчивается суффиксом направительного падежа единственного числа *dī*, вторая идеограмма бога имеет в конце тот же направительный падеж, но во множественном числе *-ašte*. Помещенная дальше идеограмма страны относится к собственному имени Биайна, стоящему в том же падеже (*Biaina-ašte*). Следующие два слова оканчиваются каждое на суффикс *-ni* (аблатив): *alsuini-ni*, *alsuiši-ni*. Получившаяся разбивка слов дает следующее их чтение в русском переводе: '(обратимся с мольбою) к богу солнца, к богам страны Биайны, господним величием...'

Идеограммы чередуются со слоговыми знаками. Их последовательная серия разбивается на слова, границы которых устанавливаются, главным образом, знанием основ словарного состава по другим текстам и грамматическим оформлением слова. И то и другое дают основание для разбивки сплошного текста на его составные части, на отдельные грамматически оформленные слова, ср. например, начало надписи

Сурб-Погос (Corpus, 14): (1) ^dḥal-di-i-e-e-ú-ri-i-e — ^miš-pu-ú-i-ni-še (2—3)...i-ni-pu-lu-si-e (4) ku-ú-i-tu-ú — ^dḥal-di-ni-uš-ta-a-bi (5) ma-si-ni-e-giš-šu-ri-e-ka-ru-ni — ^mú-i-te-ru-ḥi (6) ka-ru-ni — ^mlu-ú-ša-a-ka-ru-ni — ^mka-a-tar-za-a. В первой строке детерминативом лица выделяется имя Ишпуина, предшествующие же знаки разбиваются на два слова, из которых первое начинается с детерминатива бога, имя которого в биайнских текстах выступает неоднократно. Это имя (Ḥaldi) стоит в дательном падеже (Ḥaldi-e). То же падежное окончание имеет и следующее за ним слово, заканчивающееся перед именем Ишпуина (euri-e). Это слово в аналогичных контекстах заменяется идеограммой BÊLU(EN) 'владыка', биайнским фонетическим чтением которой оно и является. Таким способом выясняется разбивка слов первой строки надписи, гласящей: 'богу Халду владыке Ишпуин'. Пропущенные здесь вторая строка и начало третьей содержат ясно выделяемые детерминативом лица собственные имена царей Ишпуина (конец первой строки) сына Сардура и Менуи сына Ишпуина (в эргативном падеже на -še). Конец третьей строки является продолжением текста, непосредственно следуя за царским именем. Остающиеся в этой строке слоги -i-ni-pu-lu-si-e устанавливаются в своей грамматической форме последующим, начинающим четвертую строку переходным глаголом, при котором стоящие перед ним слова выступают прямым дополнением. Последнее, в эргативном строе предложения, должно стоять в именительном падеже, неоформленном падежным окончанием. Следовательно, конечное -e в слове pulusie выступает огласовкой последнего слога основы (puluse) и, заканчивая строку, может относиться только к этому слову. В других контекстах слово puluse встречается иногда без сопровождения -i-ni, что указывает тем самым на его самостоятельное значение. Это слово в других текстах, в сочетании с иными словами, и в Келишинской билингве выступает в значении местоимения 'этот'. Речь в разбираемом нами тексте идет о надписи, начертанной на стеле. Первое слово четвертой строки выделяется стоящим за ним собственным именем с детерминативом бога

(Haldini). Остается *ku-ú-i-tu-ú*. В написании данного слова наблюдается повторное помещение знака *-ú*, один раз в основе слова (*ku-ú*) и другой раз в конце его (*tu-ú*), что в чтении полного слова дает *kuitu* — глагол, стоящий в 3-м лице множественного числа аориста на *-itu*. В той же строке выступает другой глагол *uštabi*, часто встречающийся в этой его грамматической форме в целом ряде надписей (непереходный глагол в 3-м лице единственного числа аориста). С этого глагола в других контекстах начинаются описания походов. Предшествующий ему знак *-ni* должен относиться к собственному имени Халда (Haldini), оформленному притяжательным суффиксом. Неperеходный глагол требует постановки подлежащего в именительном падеже, в котором и должны стоять следующие за ним слова, начинающие пятую строку (*masinie giššurie*),¹ и отделяемые глаголом *karuni*, который повторяется дважды в шестой строке, где он ясно выделяется следующими за ним собственными именами с их детерминативами и, в свою очередь, устанавливает их же конечные звуки: *ka-ru-ni*^m *Lu-ú-ša-a* | *ka-ru-ni* | ^m*Ka-a-tar-za-a*. Проведенный анализ текста дает следующую его разбивку на слова: (1) ^dHaldie eurie ^mIšpuiniše (2)...(3)... ini puluse (4) *kuitu* ^dHaldini *uštabi* (5) *masinie giššurie karuni* ^mUiteruḫi (6) *karuni* ^mLuša *karuni* ^mKa-tarza (1) 'богу Халду владыке Ишпуин (2) сын Сардура, Мена (3) сын Ишпуина эту надпись (4) начертали. Халдово выступило (5) воинство покорило [оно] Уитерухи (6) покорило Луша покорило Катарца'.

Таким путем разбивается сплошной текст на составляющие его слова. Но как корнеслов, так и словоизменительная суффиксация выясняются путем крайне сложной работы над словом, передаваемым клинописною графикою. Сама применяемая система письма до некоторой степени отвечала потребностям языка, в своей основе агглютинирующего. Действующая система агглютинации облегчала передачу суффиксов

¹ Возможно, что *masini-e giššuri-e* выступает не подлежащим, а косвенным дополнением. В таком случае исходное *-e* является падежным окончанием.

клинописью с ее однозвучным чтением гласных и устойчивостью слогового произношения, сочетающего гласный с согласным. Все же сама письменность в ее графическом начертании не была выработана согласно нормам живой биайнской речи. Клинопись заимствована у ассирийцев, которые, в свою очередь, взяли ее у своих предшественников (Шумер, Элам). Но ассирийская письменность приспособила клинопись, внося дополнительное чтение знака, сообразуясь с потребностями изображения в письме звуковой стороны родной речи. Если биайнская письменность не сделала того же самого, то все же и она приноровила клинопись к особенностям своего языка, выявить которые по одним лишь материалам надписей Биайны не удастся. Тем самым затрудняется фонетическая передача читаемых биайнских текстов.

Фонетические особенности биайнского языка полностью не укладывались в заимствованную систему письма, лишенную возможности передачи имеющихся оттенков в гласных -e -i, в дифтонгах и в спирантизованных звуках. Отсюда идет неустойчивость в использовании применяемых знаков клинописи, условность их чтения, графическая передача разных морфем одним и тем же знаком. Тем не менее дешифровка текстов продолжает оставаться доступною. Полное чтение слогового знака и его же усечение при повторной огласовке выясняются анализом грамматической формы слова и его корневого состава. Силлабарный знак клинописи, передающий гласный с одним, а иногда и с двумя согласными (ср. три отдельных знака: -gi, -iš, giš) брался в полном его чтении, сокращаемый до одного согласного только в тех случаях, когда писец встречал препятствия в передаче требуемого сочетания звуков. В связи с этим можно прийти к выводу, что если произношение слова, по данным одной биайнской клинописи, продолжает оставаться приблизительным, то все же структура слова и его грамматическое оформление поддаются анализу. Уточнению грамматических форм содействует в биайнской письменности также их наличие при нередко встречающихся идеограммах.

В биайнских надписях, взамен фонетического написания слов, широко используются идеограммы с тем же их значением, с каким они выступают в письменах Ассирии, ср.: BĀBU (KĀ) 'ворота', TUPPU (DUB. TE) 'надпись', ŠARRU (LUGAL) 'царь', ĀLU (URU) 'город', MĀTU (KUR) 'страна', ABNU (NA), 'камень, стела', BĪTU (Ē) 'здание, сооружение', и др. Иногда такие идеограммы заменяются их биайнским чтением, например: ŠARRU-erela 'царь', ĀLU-patari 'город', MĀTU-ebani 'страна'. Подобного рода замена выступает ясно в тех случаях, когда в соответствующих контекстах, там, где обычно ставится идеограмма, помещается отвечающее ей биайнское слово, ср.: ŠARRU DAN.NU ŠARRU RABŪ ŠAR MĀTU MĀTU ŠAR ŠARRANI^{meš} alusi^{alu}Tušpaе ĀLU (Ник. XV, стк. 8—9); ŠARRU taraie ŠARRU al(a)suinie ŠAR MĀTU šuraue ŠAR MĀTU Biainaue ŠAR erielae alusi^{alu}Tušpa-patari (Corpus, 64—65, стк. 5—7; то же ср. Corpus, 49, стк. 10—12) 'царь могучий, царь великий, царь стран, царь страны Биайн, царь царей, властитель Тушпы-города'.

Приведенная титулатура биайнского царя в указанных двух надписях расходится лишь отсутствием в первой из них упоминания страны Биайны, в остальном они сходятся полностью. В первом примере изобилуют идеограммы, во втором некоторые из них даны в фонетическом чтении, а именно, вместо идеограммы DAN.NU стоит ее биайнское чтение taraie. Идеограмма RABŪ встречается реже. Она обычно заменяется биайнским словом, получающим написание: alsuini, alsuinie, alsuni. Преобладает первое из них (Corpus, 33—36, 49 и др.), реже используется второе (Corpus, 31, 64), еще реже третье (Corpus, 47, 48). Наличие гласного исхода (-e) во втором написании: al-su-ú-i-ni-e (Corpus, 31, стк. 19) указывает на близость данного гласного к -e в конечном слоге -ne, графически -ni-e, -ni. Варианты: alsuini, alsuni говорят о наличии дифтонга -ui, передаваемого в письме также одним гласным -u, ср.: kuguni (Corpus, 90), kuiguni (Corpus, 95, 96). Таким образом, все три указанные варианта сводятся к их

единому фонетическому чтению. Значение данного слова в точности устанавливается ему соответствующею идеограммой RABÛ 'великий'. Столь же ясными выступают значения слов er(i)ela и patari, заменяющих в сопоставляемых надписях идеограммы ŠARRANI^{meš} и ÂLU. Первое из этих слов стоит в родительном падеже множественного числа ŠAR e-ri-e-la-a-ú-e 'царь царей'. Окончание падежа (-ue) прибавлено к основе ege^{la}, графически e-ri-e-la-a, где слог -re, не имеющий для своей передачи одного клинописного знака, представлен двумя знаками (-ri-e). Чтение идеограммы города (patari, графически pa-a-ta-ri) дается редко, но в приведенных выше сопоставлениях не возбуждает сомнения, ср.: Tušra-ÂLU, Tušra-patari.

Сравнение одних и тех же текстов, представленных в разных надписях идеограммами и фонетическим чтением, устанавливает точное значение слов, даваемых взамен их идеографического изображения. В царской титулатуре идеограммы заменяются биайнскими словами в соответствующих словосочетаниях, остающихся одними и теми же в той же самой последовательной серии титулов. Упоминаемые среди них taraie, alsuine дают точное чтение соответствующим идеограммам, но там, где контекст несколько отходит от общепринятого трафарета, значение идеограммы в ее биайнском произношении становится менее ясным. Так обстоит со словом šuga, выступающим в той же царской титулатуре, но в различных сочетаниях с другими титулами. Царская титулатура бывает полною и краткою. В последней упоминается 'царь могучий, царь великий, царь страны Биайны, властитель города Тушпы', причем и второй титул иногда опускается (Corpus, 71; Ник. VIII и др.). Полная титулатура приведена в двух разбираемых нами надписях 'царь могучий, царь великий, царь стран, царь страны Биайны, царь царей, властитель города Тушпы'. Такая развернутая титулатура находит себе место в надписи Ник. XV: ŠAR MÂTU MÂTU. Этот титул, стоящий вслед за taraie и alsuine, не получает такой же определенной словарной замены, что привело к различному толкованию значения слова

šura. С одной стороны ŠAR MÂTU šuraue сближается с ŠAR MÂTU Biainaue, как бы указывая на топонимическую синонимику: 'царь страны Шура, царь страны Биайна'. Оба имени стоят в родительном падеже множественного числа (-ue). При этом толковании получается несколько названий для одной и той же страны: Биайна, Шура, Нара (Наири), Урарту. Такого объяснения данного термина придерживалось большинство исследователей, в том числе за него стоял и я.

ŠAR MÂTU šuraue встречается в царской титулатуре столь же редко, как и идеограмма ŠAR KIŠŠATI 'царь вселенной'. В разбираемой нами надписи (Ник. XV) на месте этой последней идеограммы поставлены обычные для большинства текстов идеограммы: ŠAR MÂTU MÂTU (LUGAL KUR^{meš}) 'царь стран'. По местоположению этому титулу соответствует в другой надписи (Corpus, 64—65) ŠAR MÂTU šuraue, что дает основание видеть в них одинаковое значение. В таком случае ŠAR MÂTU šuraue может быть признано за биайнское чтение идеограммы ŠAR KIŠŠATI, имеющейся как в надписи Сардура I, начертанной на ассирийском языке, так и в Келишинской билингве, где в биайнском тексте стоит: ŠAR MÂTU šuraue ŠAR MÂTU Biainaue (стр. 18), а в его ассирийском переводе: ŠAR KIŠŠATI ŠAR MÂTU Nairi (стк. 16). Ассирийскому названию Nairi соответствует местное Biaina, тогда как биайнскому ŠAR MÂTU šuraue (LUGAL KUR šuraue) дается ассирийский перевод ŠAR KIŠŠATI 'царь вселенной'. При таком, более подходящем, толковании данного термина слово šura(ue), стоящее в родительном падеже как определение к идеограмме царя, оказывается не синонимом Биайны, а фонетическим чтением идеограммы KIŠŠATI, которая обычно заменяется в биайнских текстах идеограммами: MÂTU MÂTU (KUR^{meš}) 'страны', получающими свое чтение: ebanî-li. Чтение этой последней идеограммы (MÂTU) устанавливается, равным образом, тем же путем сравнительных сопоставлений.

Такого же рода сопоставления могут быть проведены и с другими идеограммами их сличением со словами в сходных контекстах с различными сочетаниями идеограмм и слов,

ср., например: $\hat{A}LU^{me\check{s}}$ $\check{S}AR\hat{A}PU-bi$ $\hat{E}KALLU^{me\check{s}}$ $\check{h}ar\check{h}ar\check{s}u-bi$ (Хорхор; Sayce, XXXVII, стк. 7). Значение представленных здесь идеограмм уже известно по ассирийскому первоисточнику: $\hat{A}LU$ (URU) 'город', $\check{S}AR\hat{A}PU$ ($GIBIL$) 'пожирать, уничтожать', $\hat{E}KALLU$ ($\hat{E}.GAL$) 'цитадель, крепость', буквально: 'большой дом'. Стоящий в конце глагол $\check{h}ar\check{h}ar\check{s}ubi$ встречается неоднократно в биайнских надписях в противопоставлении глаголу $\check{s}idi\check{s}tubi$. Последний означает 'воздвигать', первый имеет противоположное значение 'разрушать'. Во всей фразе дается лишь одно фонетическое чтение ($\check{h}ar\check{h}ar\check{s}ubi$). Остальные слова представлены идеограммами. Из них первая ($\hat{A}LU$), как мы видели, вскрывается царской титулатурой в своем биайнском произношении: $patari$. Чтение идеограммы $\hat{E}.GAL$ продолжает оставаться без своего уточнения. Вся приведенная фраза гласит: 'города я сжег, цитадели разрушил'. В параллель к данному тексту можно привести ряд других: $\hat{A}LU^{me\check{s}}$ $\check{S}AR\hat{A}PU-bi$ $\check{h}ar\check{h}ar\check{s}u-ú-bi$ 'города я сжег, разрушил' (Сард. лет. E, стк. 21); $\hat{E}KALLU^{me\check{s}}$ $\check{h}ar\check{h}ar\check{s}u-ú-bi$ $\hat{A}LU^{me\check{s}}$ $a-ma\check{s}-tu-ú-bi$ (Хорхор, Sayce XXXIX, стк. 57).

В приведенных трех различных контекстах излагается примерно одно и то же с незначительными отклонениями в их вариантах. В одной из этих надписей (во второй) идеограмма $\check{S}AR\hat{A}PU$ ($GIBIL$) и глагол $\check{h}ar\check{h}ar\check{s}ubi$, оба стоящие в 1-м лице ($\check{S}AR\hat{A}PU-bi$, $\check{h}ar\check{h}ar\check{s}u-bi$), передают действие, направленное на $\hat{A}LU$ (URU) во множественном числе — 'города'. В двух других надписях одно действие имеет объектом $\hat{E}KALLU$ ($\hat{E}.GAL$) 'цитадели', а другое — $\hat{A}LU$ 'города' (оба объекта во множественном числе), причем глагол $\check{h}ar\check{h}ar\check{s}ubi$ противопоставляется глаголу, выраженному идеограммой $\check{S}AR\hat{A}PU$. Следовательно, он не является ее фонетическим чтением. В третьей надписи $\check{h}ar\check{h}ar\check{s}ubi$ остается, а вместо $\check{S}AR\hat{A}PU$ поставлен глагол $ama\check{s}tubi$ (может быть, имя и глагол: ama $a\check{s}tubi$), ср.: $\hat{A}LU^{me\check{s}}$ $\check{S}AR\hat{A}PU-bi$ $\hat{E}KALLU^{me\check{s}}$ $\check{h}ar\check{h}ar\check{s}u-bi$; $\hat{E}KALLU^{me\check{s}}$ $\check{h}ar\check{h}ar\check{s}u-bi$ $\hat{A}LU^{me\check{s}}$ $ama\check{s}tubi$ 'цитадели я разрушил, города я сжег'; в предыдущей надписи говорится о том же, но в обратном порядке сочетаемых частей фразы. Таким путем

устанавливается биайнское чтение идеограммы ŠARĀPU. Она заканчивается суффиксом 1-го лица переходного глагола, тем самым, которым оформлен и соответствующий ей глагол: ŠARĀPU-bi 'я сжег', по-биайнски amaštu-bi (ama aštu-bi).

Путем таких же сопоставлений устанавливается чтение ряда других идеограмм, например: AKĀLU (KŪ) 'пожирать, уничтожать', ср.: ĀLU^{meš} ŠARĀPU-bi MĀTU-ni AKĀLU-bi 'города я сжег, страну изничтожил' (Сард. лет. С, стк. 33). В этом примере имеются только одни идеограммы, из которых лишь первые две уже выяснены в их биайнском произношении: *ĀLU^{meš} ŠARĀPU-bi MĀTU-ni atubi (там же, стк. 36); ĀLU^{meš} ŠARĀPU-bi MĀTU ebani AKĀLU (там же Е, стк. 14); ĀLU^{meš} ŠARĀPU-bi ḥarḥaršubi MĀTU ebani atubi (там же В, стк. 16—17). Первые две идеограммы, уже известные в своем чтении (patari amaštubi), остаются теми же во всех четырех примерах. Глагол ḥarḥaršubi в своем значении 'я разрушил' устанавливается другими контекстами. Остается идеограмма AKĀLU (-KŪ) 'пожирать, уничтожать'. Она в приведенных примерах передается биайнским словом atubi, стоящим в 1-м лице (atu-bi), так же как и идеограммы: ŠARĀPU-bi, AKĀLU-bi. Кроме того, тут же получает свое чтение также и идеограмма MĀTU (KUR) 'страна', которая в двух упомянутых надписях снабжается дополнительным слоговым знаком -ni (MĀTU-ni), передающим конечный слог заключенного в идеограмме слова. Последнее в своем развернутом виде выступает в двух других надписях, где вслед за тою же идеограммой MĀTU стоит ее полное фонетическое чтение ebani, представленное в двух других надписях лишь своим исходным слогом (-ni).

Несколько сложнее обстоит с чтением идеограмм в тех случаях, когда их биайнское произношение следует непосредственно за самим идеографическим знаком, который для выявления соответствующей грамматической формы снабжается падежными и личными окончаниями. Эти суффиксы иногда добавляются прямо к самой идеограмме, иногда к последнему слогу передаваемого идеограммой слова. Хотя такие приставки

обычно ограничиваются последним слогом слова, все же далеко не всегда можно с уверенностью судить о том, дается ли в добавлении к идеограмме часть такого слова, или же оно целиком, ср. наиболее часто встречаемые в надписях идеограммы, дополняемые слоговыми знаками: MĀTU (KUR)-e-ba-ni 'страна', ABNU (NA)-ru-lu-si 'камень, стела', ALPU (GUD)-ra-ḥi-ni 'крупный рогатый скот, бык', IMMERU (UDU)-ṣu-še 'мелкий рогатый скот, овца', SAL-lu-tu 'женщина'. Вопрос о чтении таких идеограмм разрешается легко только в тех случаях, когда сопровождающие идеограмму слоговые знаки составляют слово, которое может быть в том же значении использовано и без сочетания с идеограммой. Так, например, слово puluse в том же значении 'камень, стела' одинаково часто встречается в биайнских надписях как одно, так и с ему соответствующей идеограммой: ini pulusi kuguni (Corpus, 48, стк. 7); ini ABNU-pulusi kuguni (Corpus, 33, стк. 1, 19—20) 'эту стелу начертал'. Слово ebanī обычно следует за идеограммой MĀTU 'страна': MĀTU-ebanī amaštubī 'страну я сжег' (Corpus, 27, стк. 9), но в Колагранской надписи оно же стоит без этой идеограммы: ieše inili ebanili... buraštuli (стк. 2—3). Местоимение и имя существительное — оба поставлены во множественном числе: ini-li ebanī-li, на тот же суффикс оканчивается также и глагол buraštuli 'я эти страны... подчинил'. Здесь слово ebanī, так же как и pulusi в предыдущем примере, остается при том же значении и без его сопровождающего и ему соответствующего идеографического знака.

В подобных случаях чтение идеограммы полным словом не возбуждает никаких сомнений. Писец использовал как условное идеографическое обозначение, так и его биайнское чтение, иногда соединяя одно с другим в их едином произношении, при котором помещение идеограммы оказывается уже излишним. Значительно труднее определить положение идеограммы в тех ее сочетаниях со слоговыми знаками, когда образуемое последними слово не встречается в текстах без стоящего перед ним идеографического знака. Составляя с ним одно целое и только в этом виде исполь-

звук в надписях, такие построения дают возможность видеть в них как детерминированное, следовательно не читаемое, определение к слову (ср. детерминатив лица при собственных именах), так и составную часть самого слова, начатого идеограммой и законченного слоговыми знаками. Решать вопрос о том, предшествует ли слоговым знакам детерминатив или идеограмма, бывает в отдельных случаях затруднительным. Все же некоторые из них, при своем частом употреблении в сочетании с разными словами, дают основание видеть в них не подлежащий чтению детерминатив, выделяющий тем самым цельное слово. Но в этом случае выступает уже не чтение идеограммы, а слово, относимое детерминативом к определенному классу имен, что далеко не всегда является достаточным для их точного перевода.

Так, например, идеографический знак AMÊLU (LU) в значении 'человек' сопровождается различными сочетаниями слоговых знаков: gu-nu-ši-ni-i (Сард. лет. А, стк. 10); A.SI^{meš}-še (там же, стк. 12); hu-ra-di-ni-li (там же F, стк. 2); ir-di (там же D, стк. 9); ši-a (там же, стк. 29); tu-ḥi (там же E, стк. 26); ú-e-di-a-ni (там же А, стк. 20); ú-e-li (там же F, стк. 16); ú-ru-ur-da-a-ni (там же G, стк. 11); ta-ar-šu-a-ni (там же E, стк. 29).

Детерминативное значение отдельных знаков выступает в некоторых сочетаниях идеограмм достаточно ясно, но только тогда, когда независимо от детерминатива и отдельно от него помещается соответствующая идеограмма. В этом случае детерминатив определяет идеограмму, которая в случае ее замены словом придает последнему точную значимость. Выступая вместо идеограммы, это слово сохраняет при себе тот же знак детерминатива, который в этом своем положении устанавливается тем самым с полной определенностью. Например, знак AMÊLU (LU), стоящий перед ta-ar-šu-a-ni, называется детерминативом, что ясно видно из того, что идеографическим изображением слова taršuanī является знак UN, а не AMÊLU, ср.: AMÊLU UN^{meš}MU (Sayce, XL, стк. 37; 41, стк. 8 и др.); AMÊLU UN^{meš}ša-a-li-e (Sayce, XXXIX, стк. 14);

AMÊLU ta-ar-šū-a-ni^{meš} MU (Sayce, XLIII, стк. 27); AMÊLU ta-ar-šū-a-ni^{meš} ša-a-li-e (Sayce, XXXIX, стк. 41), в одном и том же значении, 'люди года (люди, собранные в течение года)'. В первом примере имеются одни лишь идеографические знаки, числом три. В последнем примере два из этих знаков представлены в их фонетическом чтении, которое устанавливается вторым и третьим примерами, где одна из идеограмм заменяется ей соответствующим словом. Идеограмме MU 'год' соответствует слово šale, фонетическим чтением которой оно и является, тогда как слово taršuanī заменяется его идеограммой UN (NĪŠU). При наличии последней знак AMÊLU выступает уже детерминативом. Следовательно, taršuanī^{meš} šale, заменяемые в других текстах им соответствующими идеограммами, оказываются словами, которым предшествует детерминатив, относящийся к первому из них: AMÊLU taršuanī 'люди, народ'. Этот детерминатив, определяющий класс имен существительных (люди), остается неизменяемым во всех четырех примерах. Как классный определитель имен он не читается и не подлежит переводу, противопоставляемый читаемой идеограмме, которая поэтому и может передаваться соответствующим, ею заменяемым словом.

Таким же детерминативом выступает тот же знак AMÊLU (LU) в сочетании со словом ħuradinīli, которое встречается также и без данного идеографического знака, ср.: AMÊLU ħuradinīli (во множественном числе с его суффиксом -li) 'войскá': AMÊLU ħu-ra-di-ni-li ú-e-li-du-bi 'войскá я собрал' (Сард. лет. F, стк. 2); ħu-ra-di-na-a 'войско, воинская сила' (в 66 колесниц, 1460 всадников, 15 760 пеших воинов; Corpus, 14, стк. 13—14; Сурб-Погос, стк. 15—17). Не оказываясь идеограммой, AMÊLU не выступает здесь взамен слова ħuradinīli, которое, в свою очередь, не является фонетической передачей этого знака. Детерминатив и тут остается определителем слова, но не выразителем его конкретного значения, поэтому он не произносился и в письме иногда опускался. Таким же определителем выступает AMÊLU в сочетании со словом ħunišini, восходящем к имени существительному ħuniša

‘бой, сражение’: *gu-nu-ša-a ḥa-ú-bi* ‘в бою я взял’ (Сард. лет. А, стк. 16; В, стк. 22; Е, стк. 13). Производное от имени существительного субстантивированное прилагательное *gunišini* ‘принадлежащий к бою, причастный к бою, боец, воинство’ относится уже к классу людей и может получать соответствующий детерминатив, но встречается и без него, ср. в перечне добычи: *AMĒLU gu-nu-ši-ni-i* ‘[6000] воинства’ (Сард. лет. А, стк. 10); ср. также без детерминатива: *ši-a-bi ka-ú-ki-i gu-nu-ši-i-ni-e su-ú-i-du-lu-ú-bi* ‘пришло против меня воинство, я устранил-его’ (Сард. лет. Е, стк. 9—10).

Не менее показательным выступает самостоятельность слова в его сочетании с идеографическим знаком в тех случаях, когда одно и то же слово, сохраняя свое построение, получает различную детерминацию. Так, например, разные детерминативы получает не вполне ясное по своему значению слово *tu-ḥi* в его различных написаниях, как с детерминативом *AMĒLU (LU)* ‘человек’, так и с детерминативом *ŠARRU (LUGAL)* ‘царь’, ср. с первым из названных детерминативов: *tu-ḥi* (Сард. лет. Е, стк. 26); *ta-ú-tu-ḥi* (там же В, стк. 39); *ta-tu-ḥi* (там же D, стк. 32); со вторым детерминативом: *tu-ḥi*, *tu-ḥi-ni* (там же G, стк. 2). Замена одного идеографического знака другим указывает на то, что следующие за ними клинописные знаки составляют отдельное слово. Помещение же при нем двух детерминативов различного значения свидетельствует о том, что это слово не является чтением идеограммы, а устанавливается детерминативом как относимое в одном случае к ‘человеку’, а в другом — к ‘царю’. Этим оттеняется самостоятельное значение данного слова, дополняемого идеографическим знаком и подтверждающего детерминативное содержание последнего. Но точное значение самого слова тем самым вовсе не устанавливается. Оно не является чтением идеограммы, так как перед ним стоит не идеограмма, а детерминатив. Этим объясняются даваемые данному слову различные толкования. Одни усматривают в нем значение ‘пленный’: ‘человек-пленный’, ‘царь-пленный’ (К. Ф. Леманн-Гаупт, М. Церетели, И. Фридрих в более ранних своих работах, см.: Сау-

casica, VII, стр. 55). Другие же передают то же слово в его сочетании с детерминативом человека понятием 'население', а в сопровождении детерминатива царя — 'царство, царская власть', что не противоречит содержанию контекста, так же как и первое (И. Фридрих в более поздних работах, см.: Einführung..., стр. 63); *iu* ^dḪaldišme ŠARRU tuḫi aruni paḥadi... 'когда бог Халд-мне царство даровал, пошел я...', или 'когда бог Халд-мне царя пленника дал, пошел я...' (Сард. лет. G, стк. 2); *ali* AMĒLU tuḫi III MĀTU ebana I šali zadubi... 'кого пленными в трех странах в один год я сделал' (далее идет перечень: '12 735 юношей я взял, 46 600 женщин я захватил...'.—Сард. лет. A, стк. 25—26). Самостоятельная позиция слова *tautuḫi*, сокращенно *tuḫi*, не подлежит сомнению, но значение самого слова продолжает оставаться неясным, тем более, что относимое разными детерминативами к различным группам слов оно может в связи с этим получать различные оттенки в своей семантике.

Такая же двойная детерминизация имеет место со словом *uediani*, но в иных, более ясных, сочетаниях и с детерминативами, более близкими друг к другу по своему значению. Данное слово не может являться чтением двух различных идеографических знаков. Следовательно, оно полнозначно, а идеографические знаки выступают при нем детерминативами. Наличие же детерминативов, а не идеограмм, содействует уточнению, но не дает точного перевода этому слову. Его значение при таких условиях выясняется сравнением сходных по содержанию контекстов. Слово *uediani* встречается в перечне уводимой добычи, ср.: 8135 TUR (DUMU)-še^{meš} paḥu-bi 25 000 AMĒLU ú-e-di-a-ni^{meš}... ra-gu-bi '8135 юношей (мужчин) я взял, 25 000 девушек (женщин)... я увел' (Сард. лет. A, стк. 10), ср. в подобном же перечне: SAL ú-e-di-i-a-ni (Sayce, XXXVII, стк. 13). В одном случае *uediani* определяется детерминативом AMĒLU (LU) 'человек', а в другом оно же получает детерминатив SAL 'женщина'. Замена одного детерминатива другим явно свидетельствует и здесь о самостоятельном значении связанного с ними слова.

Это слово противопоставляется в приведенных примерах идеограмме TUR (DUMU) 'молодые люди',¹ так же как в ряде других надписей, перечисляющих захваченную добычу, противопоставляются плененные мужчины ('аše) пленным женщинам (SAL lutu). Отсюда можно прийти к выводу, что идеограммой TUR передаются взятые в плен юноши, а словом uediani с его разными детерминативами, передается понятие 'девушки'. Таким образом, это слово определяется детерминативами в их близком значении — как 'человек-девушка' и как 'женщина-девушка'. В последнем варианте получается сближение с только что упомянутым и чаще встречающимся словом SAL lutu 'женщина', на место которого иногда и ставится uediani: 3500 TUR-še^{meš} 15 000 AMĒLU ú-e-di-a-ni 4000 AMĒLU^{meš} gu-nu-ši-ni-i ra-ru-ú-bi '3500 мужчин (отроков) 15 000 женщин (девушек) 4000 воинов я увел' (Сард. лет. А, стк. 20—21); 12 735 TUR-še na-ḥu-bi 46 600 SAL lu-tu^{meš} ra-ru-bi 12 000 AMĒLU^{meš} gu-nu-ši-ni-i ra-ru-ú-bi '12 735 мужчин (отроков) я взял 46 000 женщин я увел 12 000 воинов я увел' (там же, стк. 26—27), ср. такую же замену в другом контексте: 'a-še AMĒLU ú-e-di-a-ni ra-ru-bi MĀTU Bi-a-na-i-di (Даш-Керпи, стк. 7—8); 'a-še SAL lu-tu ra-ru-bi MĀTU Bi-a-i-na-i-di (Сард. лет. В, стк. 18—19) 'мужчин [и] женщин (девушек) увел я в страну Биайну'. Возможно, что в некоторых контекстах uediani и SAL lutu сближаются как синонимы; все же они, несомненно, являются различными словами, причем полноточность lutu продолжает оставаться под вопросом.

Идеографический знак при lutu (SAL) встречается также и с другими словами: SAL uediani (часто в Хорхорской летописи); SAL mathi (там же и в летописях Сардура F, стк. 5); SAL silai, SAL tariria (Corpus, 57, стк. 1—3). Как и AMĒLU (LU) идеографический знак SAL чаще выступает детерминативом. Такое положение он занимает при собственном имени Таририа, жены или дочери царя Менуи, по-видимому и при

¹ Возможно, что здесь выступает не идеограмма, а фонетическое написание слова aḡše, с тем же значением 'отрок, молодой человек, юноша'; см.: Г. А. Меликишвили, ВДИ, 1954 г., № 1, стр. 199 и сл.

термине родства SAL silai 'жена (дочь)': ^mMe-nu-a-i-ni-e-i SAL si-la-a-i-e SAL ta-ri-ri-a-i i-ni GIŠ ul-di. Первые три слова стоят в родительном падеже (-ei, -e, -i) 'Менуевой жены (дочери) Таририи этот виноградник' (Corpus, 57). SAL mathi (ma-at-ḫi) встречается реже, в неясном значении. Что же касается SAL lutu, по своей семантике сближающемуся с uediani, то SAL в этом сочетании не заменяется никаким другим знаком и всегда сопровождается клинописными знаками lu-tu, ср. часто встречающееся построение: 'a-še SAL lu-tu ra-ru-bi 'мужчин [и] женщин я увел', где 'aše 'мужчина' ставится лишь в своем фонетическом чтении, тогда как SAL lutu выступает только в этом более сложном написании. Таким образом, между SAL uediani и SAL lutu имеется существенное расхождение. Поскольку uediani, получая разные детерминативы, выдвигается в своем значении знаменательного слова, поскольку же SAL lutu, всегда сопровождаемое этим дополнительным идеографическим знаком, с ним настолько тесно связано, что это дает возможность видеть в SAL lutu или идеограмму SAL с ее чтением lutu, или же идеограмму с конечным слогом передаваемого ею слова. Не устраняется и третья возможность: SAL может быть детерминативом при lutu, ср.: SAL uediani, где SAL выступает детерминативом. Только в первом и третьем случаях lutu окажется, так же как и uediani, полнозначным словом.

Идеограммы и детерминативы при чтении биайнских надписей играют заметную роль, облегчая анализ текста. Идеограммы скрывают в себе читаемое слово, детерминатив же ограничивается определением класса имен и сопровождает законченное по своему написанию слово. Но клинописный знак остается общим для тех и для других. Поэтому далеко не всегда удастся установить, в каком из этих разных назначений используется данный знак клинописи. Лишь немногие идеографические знаки получают в биайнской письменности только одно назначение. Таковы детерминатив лица при собственных именах, детерминативы металлов, растений, ср.: GIŠ uldi 'виноградник'. Большинство же остальных знаков

встречается в обоих значениях. Так, например, сопровождающий названия населенных пунктов детерминатив города $\hat{A}LU$ (URU) выступает также и идеограммой, ср.: $\hat{A}LU^{me\check{s}}$ $\check{S}AR\hat{A}PU$ -bi 'городá я сжег' (Сард. лет. А, стк. 8). Тот же знак в наименовании биайской столицы Тушпы получает оба значения — детерминатива в начале слова и идеограммы в конце: $\hat{A}LU$ Tu-uš-ra-e $\hat{A}LU$, ср.: $\hat{A}LU$ Tu-uš-ra-a ra-a-ta-ri (Corpus, 64, стк. 7), где в конце географического названия идеограмма передается в ее чтении.

Идеограммы содержат в себе точное значение слова, которое, выступая взамен идеограммы, устанавливается тем самым в своей семантике. Слово *patari* в значении 'город' вскрывается благодаря своему наличию в имени Тушпы на том же месте, на котором стоит $\hat{A}LU$. Выступая отдельно, та же идеограмма, очевидно, произносилась тем же словом, выступая же детерминативом, она не читалась. Поэтому работа над идеографическими знаками, в конечном итоге, сводится к выяснению того, имеется ли в данном построении читаемая идеограмма или же нечитаемый детерминатив. В отдельных случаях этот вопрос получает свое разрешение, но далеко не всегда. Так, например, наименования географических мест детерминируются различно: иногда ставится детерминатив страны, иногда детерминатив лица, ср.: $\check{h}a$ -ú-bi ${}^mE$ -ti-ú-ni $\hat{M}\hat{A}TU$ 'я захватил Этиуни страну' (Ник. XXI, стк. 4—5); ka -ru-ni $\hat{M}\hat{A}TU$ E -ti-ú-ni-ni (Ник. VI, стк. 2). В последнем примере $\hat{M}\hat{A}TU$ предшествует имени страны Этиуни, то есть выступает детерминативом, следовательно, не подлежит произношению, но в первом примере тот же знак, занимая постпозиционное положение, читался в его биайнском произношении (*ebani*), ср. также: $\check{h}a$ -ú-bi ${}^mE$ -ri-a- $\check{h}i$ $\hat{M}\hat{A}TU$ -ni 'я захватил Эрах страну' (Ник. V, стк. 3), $\check{h}a$ -ú-bi $\hat{M}\hat{A}TU$ E -ri-a- $\check{h}i$ $\hat{M}\hat{A}TU$ e-ba-ni-e (Сард. лет. С, стк. 26). Вторично помещенная идеограмма $\hat{M}\hat{A}TU$ после имени страны читалась, что и засвидетельствовано написанием ее произношения $\hat{M}\hat{A}TU$ *ebani*e. Чтение же того же знака, поставленного перед названием страны, становится при этом излишним, приводя к повторению одного

и того же слова 'страна' ('страна Эрах страна'). MÂTU в данном его препозиционном положении выступает уже детерминативом.

Таким образом, препозиционные детерминативы лица и страны (^mEriaḫi, ^{mâtu}Eriaḫi) оказываются здесь в сходных условиях, так как оба они не произносились, один как детерминатив собственного имени, другой — как его отнесение к наименованиям мест (тоже детерминатив). То, что Эрах является страной, уже отмечено стоящею в конце идеограммой. Следовательно, переходя от письма к его биайнскому чтению, мы в обоих примерах имеем одно и то же: ḫaubi Eriaḫi ebanī(e). MÂTU-ni в первом примере передает собою идеограмму с конечным слогом слова, переданного во втором примере полностью (ebanī). Получается построение с детерминативом и идеограммой, переданными теми же самыми знаками: MÂTU Eriaḫi MÂTU; при произносимом детерминативе получаем (MÂTU) Eriaḫi MÂTU, которое и дается в раскрытом чтении идеограммы: Eriaḫi ebanī, ср. уже приведенное выше: ÂLU Tušrae ÂLU, в биайнском чтении: Tušra ratari.

Проведенный анализ дает основание к такому же толкованию фразы: ka-ru-ni ŠARRU ^mE-ri-a-ḫi MÂTU e-ba-ni-e (Сард. лет. С, стк. 20). Непосредственно за идеограммой MÂTU дается ее чтение, заменяющее данную идеограмму (ŠARRU ^mEriaḫi ebanīe). Остается одна идеограмма ŠARRU, которая не выступает в значении детерминатива. ŠARRU ставится всегда после собственного имени, или даже и без него, ср.: ^mKu-uš-ta-aš-pi-li ŠARRU MÂTU Qu-ma-ḫa-al-ḫi-e 'Кушташпили царь страны Кумахалхи' (Сард. лет. Е, стк. 41); ^mAr-gi-iš-ti-ni ^mMe-nu-a-ḫi-ni ŠARRU DAN. NU ŠAR MÂTU Bi-a-na-ú-e 'Аргисти сын Менуи царь могучий царь страны Биайн' (Ник. XXI, стк. 18—19); i-na-ni ŠARRU-e nu-na-bi '[всё] это к царю пришло' (Сард. лет. С, стк. 45). Следовательно, и в приведенном примере ŠARRU ^mEriaḫi ebanīe идеограмма ŠARRU выступает отдельным словом и не является определителем к имени Эраха. Поэтому данная идеограмма должна была читаться как самостоятельное слово: eḡela Eriaḫi ebanīe 'царь Эраха страны'.

Детерминативом остается только показатель лига. Вся приведенная выше фраза: *karuni ŠARRU^mEriaḫi MÂTU ebanie* получает перевод: 'я покорил царя страны Эрах'.

Двойственное положение препозиционного идеографического знака, иногда читаемого, а иногда опускаемого в чтении, ведет в отдельных случаях к сближению детерминативов и идеограмм. Постпозиционные знаки передают самостоятельные слова и потому выступают идеограммами, препозиционные же знаки вступают в более тесные отношения со связанными с ними словами. Тем не менее утверждать, что все препозиционные знаки оказываются только определителями слов, их детерминативами, не приходится. Остановимся на одном примере, в котором и препозиционные идеографические знаки оказываются, равным образом, читаемыми: *ḫa-ú-ni MÂTU U-lu-a-ni-e-i, MÂTU e-ba-ni ÂLU Da-a-ra-ni MÂTU-ni-e* (Ник. VI, стк. 6—7). Если *MÂTU Uluaniei MÂTU (ebani)*, по изложенным выше основаниям, может произноситься с одной стоящею в конце идеограммою, фонетическое чтение которой тут же дается: *(MÂTU) Uluaniei ebaní*, то *ÂLU Darani MÂTU(-nie)* подлежало чтению с обоими идеографическими знаками, так как собственное имя Дарани, в отличие от Улуани, устанавливается знаком *ÂLU* в своем значении города, а не страны. Следовательно, положение знаков *MÂTU* и *ÂLU* при именах *Uluaniei* и *Darani* различно. Первый из них может быть в чтении пропущен без изменения значения собственного имени (страны Улуани), второй же должен читаться. В противном случае Дарани, так же как и Улуани, могло бы быть понято как наименование страны, тогда как говорится не о стране Дарани, а о стране города Дарани: 'захватил Улуани страну, города Дарани страну'. Таким образом, *ÂLU Darani MÂTU* должно было читаться в полном словосочетании: *patari Darani ebanie*, а вся фраза произноситься: *ḫauni Uluaniei ebaní patari Darani ebanie*. Без произношения остался в данной фразе лишь один идеографический знак, стоящий перед наименованием страны Улуани. Этот знак и выступает детерминативом в точном значении данного термина.

Географическое название *Uluani* имеет идеографический знак, чтение которого оказалось излишним. Но данное наименование страны как собственное имя должно получать свой показатель (детерминатив), а так как последний утратил решающее положение в определении самого имени, которое и без того устанавливается в своем значении страны дальней стоящею идеограммою, то в написании этого имени могла получиться замена конкретного детерминатива страны более общим детерминативом собственных имен (лиц), который тоже не произносился. Это и получилось в указанных выше сопоставлениях таких построений, как: $\text{ḥaubi (MĀTU) Eriaḥi MĀTU (ebani)}$; $\text{ḥaubi } {}^m\text{Eriaḥi MĀTU-ni (ebani)}$ 'я захватил Эрахи страну'. Наименования одних и тех же стран нередко ставятся то с детерминативом страны, то с детерминативом лица и без последующей идеограммы *MĀTU*, ср.: $\text{uṣ-ta-a-li... MĀTU Lu-ša-i-ni-e-di } {}^m\text{Ka-tar-za-ni-(e-di)}$ (Corpus, 13, стк. 20—21); $\text{ka-ru-ni } {}^m\text{Lu-ú-ša-a ka-ru-ni } {}^m\text{Ka-a-tar-za-a}$ (Corpus, 14, стк. 6).

Такое положение с нечитаемым детерминативом оказывается возможным лишь в тех случаях, когда ведущая по своему значению идеограмма или вовсе отсутствует, или же повторяется в том же значении, как и детерминатив, ср.: $\text{(MĀTU) Eriaḥi ebani}$, ср. также в имени Тушпы: $\text{(ĀLU) Tuṣrae patari}$. Если же в идеографических знаках имеет место расхождение, то и первый из них, равным образом, выступает в том же, как и идеограмма, положении. Оказывается, тем самым, что и препозиционные идеографические знаки могут подлежать чтению, то есть, что ĀLU в сочетании с *Darani* является не опускаемым в чтении детерминативом, а произносимую идеограммою. Речь идет о завоеванной стране. Поэтому в центре грамматического построения остается слово 'страна', передаваемая в письме идеограммою или соответствующим ей словом. Страна устанавливается в своем названии, как принадлежащая определенному лицу, каковым оказывается в одном случае город Дарани, что и передается словами: $\text{patari Darani ebani}$, с изафетным построением слова ebani-e 'города Дарани страна-его'. В другом случае носителем наименования

страны выступает ее собственное имя, почему последнее и поставлено в родительном падеже (Uluani-ei). Это имя, в таком его построении, получает показатель MÂTU, который, так же как и детерминатив собственных имен (лица), устанавливает значение данного термина в общем контексте. Тем самым уточняется значение нечитаемого детерминатива MÂTU в его препозиционном положении, так же как и иное содержание знака ÂLU в той же позиции. Таким образом выясняется, что препозиционный идеографический знак, выступая детерминативом, может в отдельных случаях сближаться в своем значении с идеограммой, или, что препозиционный идеографический знак может быть как детерминативом, так и идеограммой.

Значение идеографических знаков выясняется соответствующими контекстами, в которых идеограммы вступают в различные отношения с остальными словами предложения. Одни и те же знаки идеографического письма в одних случаях выступают самостоятельными словами, в других ограничиваются выделением собственных имен, играя тем самым служебную роль. Выяснение их грамматического значения содействует интерпретации текста, его чтению и переводу. Различное положение, занимаемое идеограммами в сплошном тексте, можно видеть в приведенных выше примерах, число которых может быть увеличено целым рядом других, ср. также: ka-ru-ni^m Qa-ru-ri-ni ŠARRU MÂTU I-ga-ni-i MÂTU e-ba-ni-e 'я покорил Капурины царя Игании страны' (Сард. лет. F, стк. 7). Детерминатив лица в данном тексте приурочен к собственному имени царя, что и отмечается далее стоящею идеограммой ŠARRU, которая может быть заменена биайнским словом ege^{la}. Другая идеограмма, поставленная в конце фразы, повторяется в ее же чтении ebanie 'страна'. Следовательно, сама идеограмма уже раскрыта и потому произношению не подлежит. Идеограмме предшествует название страны в именительном падеже (Iganî). Оно в свою очередь предваряется детерминативом, постановка которого при нем как перед собственным именем обязательна. Детерминативом взят тот же знак MÂTU,

который связывает это географическое название с идеограммой страны. Детерминатив лица остается только при имени покоренного царя. Весь текст с его идеограммами может быть переведен на биайнское чтение полностью: *karuni Qarurini egele Iganii ebanie*. Несколько в ином положении оказывается тот же детерминатив *MÂTU* в другой фразе тех же Сарду-ровских летописей, где наименование страны остается с одним детерминативом и не сопровождается постпозиционной идеограммой: ^m*Ku-uš-ta-aš-pi-li ŠARRU MÂTU Qu-ma-ḥa-al-ḥi-e* (Е, стк. 41), где Кушташпили выступает царем страны Кумух, название которой, стоящее в родительном падеже (*Qumaḥalḥi-e* предваряется детерминативом.

При собственном имени должен стоять детерминатив, но, при отсутствии соответствующей идеограммы, возможно, что этот детерминатив читался. Оставаясь детерминативом при названии страны, так как иначе оно оказалось бы без детерминатива, что для собственных имен недопустимо, детерминатив, в данном его положении, сближается с идеограммой. В итоге получают два возможных чтения — с ним в значении идеограммы: 'Кушташпили царь страны Кумух' и с ним же как с обычным детерминативом 'Кушташпили царь Кумуха'.

Тот же вопрос о различном положении детерминативов становится наиболее спорным в тех случаях, когда выступает один только идеографический знак, стоящий перед собственным именем, например: *MÂTU Biaina* 'Биайна', где *MÂTU* может быть понято и как обычный детерминатив, и как сближающийся с идеограммой, ср. часто употребляемую фразу [*'aše SAL lutu*] *parubi MÂTU Biainaidi*, поддающуюся переводу: '[мужчин и женщин] увел я в страну Биайну' (если *MÂTU* сближается с идеограммой) и: 'увел я в Биайну' (если *MÂTU* рассматривать как обычный детерминатив при собственных именах мест). Такое же положение занимают детерминативы и идеограммы в ряде различных написаний, где приводятся названия малоизвестных стран, для которых требовалось выяснить, о чем именно идет речь — о лице или о стране, что для широко известных стран, таких как Этиуни и Эрах,

возможно, и было бы излишним, так же как и уточнение значения Биайны, название которой никогда не сопровождается идеограммой, стоящею после собственного имени. Но Биайна сама объединяет ряд стран, так же как и ее правитель, именующий себя царем царей. Поэтому упоминание о Биайне могло закрепиться в точно определенной форме письма.

Название страны Биайны ставится как в единственном числе, так и во множественном, ср. в направительном падеже: *Viaina-di*, *Viaina-ašte*, всегда с детерминативом *MÂTU* (*KUR*) в начале (Сард. лет. В, стк. 35; Е, стк. 5); в родительном падеже: *ŠAR MÂTU Viaina-e* (corpus 71, стк. 8) *ŠAR MÂTU Viaina-ue* (Corpus, 56, стк. 21). Царь Биайны называется царем царей: *ŠAR MÂTU MÂTU ŠAR ŠAR^{meš}* (Ник. XV, стк. 8). Иногда построение, подобное *ŠAR ŠAR^{meš}* 'царь царей', получает название страны: *MÂTU MÂTU^{meš}* 'страна стран', ср: *ŠAR MÂTU MÂTU^{meš}-ú-e ŠAR MÂTU Vi-a-i-na-a-ú-e* 'царь страны стран, царь страны Биайна' (Ник. XII, стк. 10—11). Вторая идеограмма *MÂTU* поставлена во множественном числе с окончанием родительного падежа того же числа (-ue). С тем же падежным окончанием стоит и само название Биайны (*Viaina-ue*): 'царь стран, царь Биайны'.

Что такое Биайна, читавшему клинописные тексты было хорошо известно. Он знал, что это — страна. Следовательно, ему незачем было специально разъяснять значение данного географического названия, которое могло произноситься и с идеографическим знаком и без него, но которое, тем не менее, в письме должно было всегда иметь детерминатив, вне зависимости от того, читался он или нет, так как само название страны относится к собственным именам. Вполне возможно, что названия других стран нуждались в дополнительных идеограммах, в отличие от хорошо известной Биайны. Помещение при обязательном детерминативе также и необязательной идеограммы получило широкое применение, оставаясь все же до известной степени факультативным. Даже такая страна как Ассирия снабжается соответствующею идеограммой, хотя тут же стоящая другая менее известная страна

Армее лишена этого идеографического знака и остается при одном только детерминативе: ka-ru-ni ^mMu-ri-nu-ni ŠARRU MÂTU U-e-li-ku-ḫi MÂTU-ni-e ka-ru-ni ^mTsi-na-li-bi-ni ^mLu-e-ḫu-ú-ḫi-e ŠARRU ÂLU Tú-li-ḫu-i MÂTU-ni-e ka-ru-ni ^mAšur-ni-ra-ri-ni ^mA-da-di-ni-ra-ri-e-ḫi ŠARRU MÂTU Ašur-ni-i MÂTU-ni-e ka-ru-ni MÂTU Ar-me-e ka-ru-ni ÂLU Ni-ḫi-ri-a-ni ÂLU ŠARRU-nu-ú-si MÂTU-ni-e 'покорил Мурину царя страны Уеликухи (страны), покорил Циналиби сына Луеху царя страны города Тулиху, покорил Ашурнирари сына Ададнирари царя страны Ассирии (страны), покорил страну Армее, покорил города Нихириа города царского страну' (Ван; Сурб-Погос, стк. 3—13).

Можно прийти к выводу, что пропуск идеограммы при названии страны Армее объясняется тем, что сам детерминатив в данном его положении читался. В некоторых случаях сомнение в том, читался детерминатив или нет, разрешается более определенно, например, в той же только что приведенной надписи страна царского города Нихириа, также как и страна города Тулиху, должны были произноситься с чтением детерминатива города. То же самое имеем во фразе: ŠARRU-ni ÂLU Pu-i-ni-al-ḫi AMÊLU bu-ra aš-tú-bi 'царя города Пуиниалхи я подчинил (рабом сделал)', где говорится о царе города, а не страны (Сард. лет. А, стк. 17), ср. также: a-ma-aš-tú-bi MÂTU Di-ir-gu-ú-ni ÂLU I-ša-la-a-ni 'я сжег страну Диргуни, город Ишалани' (Corpus, 19, стк. 11). Из двух испепеленных мест одно оказывается страной, а другое городом, что подлежало специальному уточнению соответствующими идеографическими знаками, остающимися все же детерминативами при собственных именах. Приходится различать значение детерминативов в письме и их же в чтении самих текстов.

Детерминатив как идеографический знак перед собственным именем, всегда его сопровождающий, не мог дополняться его передающими фонетическими знаками клинописи. Детерминатив остается в непосредственной связи с им определяемым собственным именем. Поэтому только по отношению к другим детерминативам ставится вопрос о том, когда они оставались без чтения и когда, наоборот, они могли и должны

были читаться. Идеограмма всегда читалась. Она, занимая в предложении самостоятельное место и заменяя ей соответствующее слово, может иметь за собою это же слово, раскрытое в его фонетическом чтении. Впрочем, далеко не все подобного рода сочетания фонетических приставок с идеограммами представляют собою полное чтение последних. Писец нередко, дополняя идеограмму ее фонетическим чтением, давал последнее не полностью, а лишь его заключительными слогами, ср. полное написание: MĀTU e-ba-ni-e, и его же в сокращенном виде: MĀTU-ni-e.

Полное чтение наиболее ясно выступает при многосложном написании, например, упомянутое выше MĀTU e-ba-ni-e 'страна', AMĒLU ú-gu-ur-da-a-ni — по-видимому, наименование какого-то должностного лица (Сард. лет. G, стк. 11). При двухсложных, и тем более односложных, сопроводительных знаках уверенность в их законченном чтении нередко отсутствует. Поэтому во многих случаях остается под сомнением, имеется ли законченное начертание сопровождающего идеограмму слова или же только его заключительная часть. Так обстоит, например, с такими сочетаниями идеограммы со слоговыми знаками, как: AMĒLU-a-si^{meš}-še 'войска'(?), AMĒLU-ir-di 'вождь, военачальник'(?), AMĒLU-ši-a, AMĒLU-ú-e-li (Сард. лет. A, стк. 12; D, стк. 9,29; F, стк. 16).

Сложность чтения сопроводительных знаков при идеограммах может быть наглядно показана на примерах написания идеограмм Ê 'дом, сооружение', Ê.GAL 'большой дом, крепость, цитадель'. Идеограмма Ê встречается как без дополнительных знаков, так и с их различными вариантами, сочетаемыми с глаголами zaduni 'он сделал', šidišituni 'они воздвигли', šuuni 'он соорудил', amaštubi 'я сжег' и др.: i-ni Ê za-du-ni (Corpus, 73, стк. 5), i-ni Ê-e za-a-du-ú-ni (Corpus, 4), Ê-i-ni ši-di-ši-tu-ni (Corpus, 10), i-ni Ê 'a-ri šu-ú-ni (Ник. XIX, стк. 2), i-ni Ê a-ši-ḥu-ú-si-e za-du-ú-ni (Corpus, 75), a-ma-aš-tú-bi Ê.GAL^{meš} -ši-li (Corpus, 27, стк. 9), Ê.GAL^{meš} a-ši-li (Corpus, 27, стк. 27).

Из выступающих здесь различных сочетаний клинописных знаков не могут иметь самостоятельного значения как глас-

ный -е во втором примере ($\hat{E}$ -e), так и i-ni в третьем примере ($\hat{E}$ -i-ni). Видеть в ini постпозиционное местоимение весьма затруднительно, так как ini 'этот' в соответствующих словосочетаниях всегда стоит на первом месте.¹ Скорее всего в $\hat{E}$ -ini выступает притяжательный суффикс, оформляющий слово, содержащееся в самой идеограмме в ее значении крепостного или культового сооружения, ср.: ^mArgišṭini urišḫusini... ini aše 'Аргиштиевой крепости... этот щит' (Кар.-Бл. II, стр. 51), где фонетически переданное слово со значением 'крепость' имеет такого рода притяжательный суффикс: urišḫusi-(i)ni.

Полными словами могли бы быть 'ari, ašiḫusie. Последнее из них может быть понято и как одно слово и как разбиваемое на два: aši-ḫusi. В своей первой части оно сопоставляется с ašili, суффикс множественного числа которого (-li), повторяемый в šili, прибавлен к основе -aši. Вторая часть того же слова (ḫusi) повторяется в слове uriš-ḫusi, которому, судя по контексту, соответствует значение 'крепость, арсенал'. В надписях на бронзовых чашах и на бронзовом запоре из Кармир-Блура слово urišḫusi (urišḫi) сопровождает идеограмму $\hat{E}$ (BĪTU), но на щитах стоит самостоятельно и, следовательно, выступает отдельным словом. Сопоставление uriš-ḫusi с aši-ḫusi дает основание видеть также и в последнем самостоятельное слово. $\hat{E}$ -ašiḫusi, $\hat{E}$ -urišḫusi встречаются оба с одним и тем же идеографическим знаком в начале. Тем самым этот знак выступает не идеограммой с ее фонетическим чтением, а детерминативом при двух названиях различных сооружений. Следовательно, здесь выступает детерминатив, который мог и не предназначаться для чтения. В тех же написаниях, в которых тот же знак $\hat{E}$ (BĪTU) дополняется только конечными слогами слова, этот знак ясно выступает идеограммой, полное чтение которой продолжает оставаться нераскрытым.

---

¹ Обратного мнения придерживается И. Фридрих, допускающий возможность постпозиционной постановки местоимения ini; см. его „Einführung...“, стр. 18; Archiv Orientalni, IV, № 1, стр. 56; ср. Г. А. Меликишивили, ВДИ, 1953, № 1, стр. 272.

В таком положении может быть понято также и упомянутое выше сочетание идеограммы Ê со слоговыми знаками a-ši(-li).

Добавляемое к идеограмме aši(li) имеет свою параллелью встречающееся в надписях отдельно стоящее слово aše: ^dHal-di-e e-ú-ri-e i-ni a-še ^mAr-gi-iš-ti-še ^mMe-nu-a-ḫi-ni-še ÂLU. Iš-ru-ni-e-di uš-tu-ni 'богу Халду владыке этот щит Аргишти сын Менуи в город Ишпуни направил' (Кар.-Бл. II, стр. 51). Значение этого слова (aše), помещенного на бронзовом щите, устанавливается контекстом и самим предметом, на котором начертана надпись (щит). Связь слова aše с приведенным выше aši(li) получает различные объяснения. Одни исследователи видят в них одно и то же слово, помещаемое с идеограммой и без нее, при этом его значение 'щит' ставится под сомнение. Другие склонны усматривать в них два разных слова с двумя различными значениями.

Те, которые в обоих написаниях усматривают одно и то же слово aše, видят в нем фонетическое чтение идеограммы Ê (BÎTU) 'дом, сооружение' и наличие этого же слова на щите объясняют посвятельным назначением щита, помещаемого снаружи культового здания, в связи с чем данное слово относят не к щиту, а к тому сооружению, к которому он прикреплялся (Леманн-Гаупт, *Coprus*, 4, 56, 72, 77).

При всей сомнительности подобного рода объяснений все же подтверждением такого мнения могут служить надписи на бронзовых чашах, где помещается слово urišḫusi, сопровождаемое иногда идеограммой Ê (BÎTU), следовательно, означающее не 'чашу', а сооружение, которому принадлежит данный сосуд: ^mAr-gi-iš-ti-ni ú-ri-iš-ḫu-si-ni. Оба слова стоят с притяжательным суффиксом (-ni), указывая на принадлежность предмета крепости Аргиштия, ср.: ^mSar-du-ri-e BÎTU ú-ri-iš-ḫi. Имя царя поставлено в родительном падеже (Sarduri-e): 'Сардура крепость' (Кар.-Бл. II, стр. 55). По аналогии можно предположить, что и aše на бронзовых щитах означает не сами щиты, а место, которому они посвящены.

Те, которые придают aše в его использовании с идеограммой и без нее различное значение, считают aše без

идеограммы за самостоятельное слово 'щит', а аše (aši) с идеограммой, за конец какого-то слова, фонетическое чтение которого дано не полностью (И. Фридрих).¹ Такие неполные приставки к идеограммам, как мы уже видели в примерах с ebanī, действительно имеют место, поэтому не устраняется возможность усматривать и тут такого же рода усеченное написание какого-то имени существительного, заканчивающегося на -še, ср.: bariše 'слово', ulgiše 'жизнь' и др.

Приведенный пример указывает на сложность дешифровки идеограмм, дополняемых слоговыми знаками, с ними непосредственно связанными. Писец далеко не всегда сопровождал идеограмму ее полным биайнским чтением. Этим в значительной степени затрудняется выявление основного фонда биайнских слов. Приходится в каждом отдельном случае проводить самостоятельное исследование. Аše на бронзовых щитах, несомненно, выступает отдельным словом, и приведенные контексты говорят за то, что приурочение ему значения 'щит' в достаточной мере оправдывается, так же как и значение 'шлем' за словом kubiše, начертанном на шлемах Аргиштия и Сардура (Кар.-Бл. II, стр. 50). Но и -aši(li), сопровождающее идеограмму Ê, равным образом, может рассматриваться в его полнозначной позиции. За то, что -aši(li) не является концом какого-то иного слова, а само может выступать самостоятельно, говорит наличие его в составе сложного слова ašiḥusi, которое, так же как и urišḥusi, разбивается на две части, из которых одна (ḥusi) остается общей для обоих, а другая варьируется (aši, uriš). Если в этих двух словах, означающих разные сооружения, видеть составные слова, то и первая их часть может оказаться также отдельным словом.

Различные толкования разновидностей начертания идеограмм с их дополнениями в фонетическом чтении указывают на сложность дешифровки идеографического письма с переводом его на биайнское чтение. Все же идеограммы в значительной степени содействуют выяснению значения отдельных

¹ Archiv Orientalni, IV, 1932, № 1, стр. 56—60.

слов. Там, где удастся установить соответствующие идеограммам биайнские слова, последние, благодаря идеограммам, уточняются в своем смысловом содержании. Препозиционные детерминативы с этой стороны менее показательны. Никогда не сопровождаясь знаками фонетического письма, вскрывающими их собственное чтение, они не обнаруживают произношения идеографического знака, но тем не менее они устанавливают принадлежность слова к определенному классу имен существительных и тем самым содействуют выяснению его семантического значения.

Детерминатив всегда предшествует им определяемому слову, идеограмма же занимает самостоятельное место, но нередко сопровождается клинописными знаками, передающими ее фонетическое чтение. В этом положении идеограммы, равным образом, предшествуют относящимся к ним словам. Поэтому, в точности установить, что имеется в каждом отдельном случае, детерминатив или идеограмма, иногда бывает затруднительным. Так, например, встречающиеся в перечне добычи слова: *raḥini*, *šūše* всегда предваряются идеографическими знаками: ALPU(GUD) 'бык', IMMURU(UDU) 'баран, овца', которые могут быть как детерминативами при соответствующих биайнских словах, так и идеограммами с их биайнским произношением, например: 16 529 ALPU *ra-ḥi-ni* *ra-ru-ú-bi* 37 685 IMMURU *šu-še^{meš}* *ra-ru-ú-bi* '16 529 быков я увел, 37 685 овец я увел' (Сард. лет. Е, стк. 32—33). И в том и в другом понимании идеографических знаков чтение биайнских слов остается тем же, так же как и их содержание. Различие в значении выступающих здесь знаков сводится не к чтению самих слов, а к детализации их семантики.

Если ALPU и IMMURU являются идеограммами, то соответствующие им слова *raḥini* и *šūše* означают 'быки' и 'бараны, овцы'. Если же эти знаки являются детерминативами, то те же два биайнских слова окажутся передающими какие-то разновидности крупного и мелкого рогатого скота. Оба знака могут быть поняты и в том и в другом значении. За то, что здесь выступает детерминатив, говорит следующее:

слово *raḥīni*, так же как и *šūše*, нигде не усекается в полном своем написании, что при идеограммах встречается нередко, ср.: *MĀTU-ni-e*, при полном написании: *MĀTU e-ba-ni-e*, и при допущении отдельного написания: *e-ba-ni-e* без сопроводительной идеограммы, тогда как *raḥīni* и *šūše* без идеографического знака в перечне добычи не встречаются. С другой стороны, за то, что тут идеограмма, говорит сам контекст, повествующий об уводе в Биайну крупного и мелкого рогатого скота без более подробной характеристики похищенного. В перечне добычи упоминаются лошади, верблюды, крупный рогатый скот (*raḥīni*) и мелкий рогатый скот (*šūše*).

Такие детали не имеют существенного значения для этимологии данных слов, но все же они указывают на то, что постоянное использование идеограммы, сопровождаемой ее развернутым чтением, сводит ее на позиции нечитаемого детерминатива. С другой стороны, и детерминатив при собственных именах, в особенности при географических названиях, мог в отдельных случаях читаться в том же идеографическом значении, когда требовались соответствующие уточнения. Поэтому передача идеографического знака в этих двух его значениях становится при транскрибировании надписей до известной степени условною.

Идеограммы, ограниченные написанием одного идеографического знака, не являются носителями морфологически выраженных грамматических форм; поэтому идеограммы часто сопровождаются дополнениями в виде полностью написанного слова или лишь его конечных звуков. Это оказывается необходимым в особенности в тех случаях, когда нужно было передаваемое идеограммою слово поставить в соответствующей грамматической форме, что далеко не всегда устанавливалось одним только контекстом. Окончания лиц глагольного спряжения и падежные окончания в склонении имен, выраженных идеограммами, иногда ограничиваются помещением соответствующих словоизменительных морфем, иногда морфемами же, оформляющими последний слог слова, что и образует требуемую фонетическую приставку

к идеографическому знаку, ср.: MÂTU e-ba-ni-e 'страна', где слово дается полностью, вскрывая чтение самой идеограммы (Сар. лет. С, стк. 20); MÂTU-ni-e, где то же самое передается конечным слогом слова (eba)nie (там же А, стк. 2): Ê.GAL^{meš} ḥar-ḥar-šu-bi ÂLU^{meš} ŠARÂPU-bi MÂTU e-ba-ni a-tú-ú-bi 'цитадели я разрушил, города сжег, страну изничтожил' (Сард. лет. F, стк. 9); Ê.GAL^{meš} ḥar-ḥar-šu-bi ÂLU^{meš} ŠARÂPU-bi MÂTU-ni a-tú-ú-bi (там же, стк. 12). Личные окончания глагола обычно присоединяются к соответствующей идеограмме одними своими показателями, ср. уже встретившуюся в приведенных примерах идеограмму ŠARÂPU (GIBIL) 'сжигать': ŠARÂPU-bi 'я сжег', выступающее в других надписях в полном чтении: amaštu-bi (ama aštu-bi 'я огнем сделал'),¹ ср. также другие примеры: ÂLU^{meš} ŠARÂPU-bi MÂTU-ni a-tú-bi 'а-še^{meš} SAL-lu-tu^{meš} iš-ti-ni-ni ra-ru-bi 'города я сжег, страну изничтожил, мужчин [и] женщин оттуда увел' (Сард. лет. А, стк. 8—9); ÂLU^{meš} ŠARÂPU-bi MÂTU-ni AKÂLU-bi 'а-še SAL-lu-tu ra-ru-bi MÂTU Vi-a-i-na-di 'города я сжег, страну изничтожил, мужчин [и] женщин увел в страну Биайну' (там же С, стк. 33—34); ÂLU^{meš} ŠARÂPU-bi MÂTU-ni a-tú-bi 'города я сжег, страну изничтожил' (там же С, стк. 36). В этих примерах, кроме идеограммы вербального значения ŠARÂPU (GIBIL) 'сжигать', встречается также идеограмма AKÂLU (KU) 'есть, пожирать'. Обе идеограммы стоят в 1-ом лице аориста с его показателем -bi, ср.: AKÂLU-bi и его чтение atu-bi.

Идеограммы, дополняемые падежными окончаниями, наиболее ясно устанавливают свою грамматическую форму. Падежная парадигма нагляднее выступает в построениях идеограмм, чем в оформлении имен, в которых для определения падежного окончания необходимо выделение именной основы. Последняя, при идеографическом письме, уже содержится в самом идеографическом знаке, отделяя тем самым основу от словоизменительной суффиксации. Некоторым затруднением

¹ Объяснение фонетического чтения названной идеограммы дано выше, см. стр. 47—48.

могут служить приставки, заключающие в себе не только падежную морфему, но и последний слог самого склоняемого слова. В этом случае приходится устанавливать всю основу слова и показательная роль идеограммы тем самым снижается. Но нередко имеют место добавления лишь одних падежных окончаний, которые, при ясном выделении идеограммы, отчетливо противопоставляются ей в своем падежном значении.

Такое положение идеограмм в текстах биайнской клинописи значительно облегчает задачу выявления парадигмы склонения имен. Так, например, окончание эргативного падежа в обоих числах на -še засвидетельствовано сходною суффиксацией идеограмм, стоящих в единственном и множественном числе, ср.: ^dHal-di-še ^dADAD-še ^dŠAMAŠ-še ILÂNI^{meš}-še... ú-lu-li-e 'бог Халд, бог грозы, бог солнца, боги... пусть низвергнут' (Corpus, 38, стк. 7). Идеограмма ILÂNI, имея показатель множественного числа (^{meš}), стоит в том же падеже на -še, как и единичные имена богов Халда, Тейшеба, Шиуини. Окончание родительного падежа на -i более ясно выступает в написаниях идеограмм, чем оно же в написании собственного имени царя, ср.: te-ru-bi ti-ni ^mRu-sa-a-i ÂLU. TUR 'установил имя Русы город малый' (Маку, стк. 7); te-ru-bi ti-ni ^dADAD-i ÂLU 'установил имя Тейшебы город' (Кологран, стк. 18). Равным образом, окончание того же падежа во множественном числе -(a)ie засвидетельствовано оформлением идеограмм: ŠARRU MÂTU MÂTU^{meš} -a-u-e ŠARRU MÂTU Vi-a-i-na-u-e ŠARRU ŠARRU-ú-e 'царь стран, царь страны Биайн, царь царей' (Маку, стк. 14—15). Здесь идеограмма ŠARRU снабжается падежным суффиксом -ie, тогда как идеограмма MÂTU в качестве такого же суффикса имеет -aie. В том же падеже стоит название страны Биайны: Viainaie, основа которого оканчивается на -a (Viaina). Следовательно, и тут падежным окончанием остается одно -ie. Все же окончание падежа в начертанном слоговыми знаками названии Биайны менее показательно, чем оно же при идеограммах, так как в наименовании страны могло получиться слияние

двух гласных -а. Кроме того, это же имя нередко пишется с повтором огласовки слога -на: Vi-a-i-na-a-ú-e (Сард. лет. G, стк. 13), где гласный повтор может относиться как к слогу -на, так и к падежному окончанию -ае. Таким образом, начертанием этого собственного имени вопрос о грамматической форме падежа окончательного разрешения не получает. Между тем, падежная суффиксация при идеограммах дает более определенные разъяснения, сводящиеся к следующему: идеограмма царя (ŠARRU) имеет своим биайнским чтением слово ege^la, конечное гласное которого (-а) относится к основе, передаваемой самою идеограммою. Гласный -а здесь не повторяется в приставляемом к идеограмме падежном окончании (ŠARRU-ú-e), свидетельствуя тем самым о том, что слова, оканчивающиеся на -а, снабжаются падежным окончанием -ае. Что же касается идеограммы MĀTU (KUR), то она имеет своим фонетическим чтением слово ebaⁿi, при котором гласный -а, наличный в приставке -а-и-е, может входить в состав только падежного окончания. Тем самым, благодаря грамматическим формам, придаваемым идеограммам, устанавливаются основные разновидности родительного падежа множественного числа: -ае, ае. Не менее наглядным выступают при идеограммах формы направительного падежа в его единственном числе -di и во множественном числе -ašte, ср. -hu-ti-a-di ^dHal-di-e-di BĒLU-di ^dADAD-di ^dŠAMAŠ-di ILU^{meš} -aš-te MĀTU Vi-a-i-na-aš-te 'я обратился к богу Халду, богу грозы [Тейшеба], богу солнца [Шиуини], к богам страны Биайны' (Сард. лет. E, стк. 4—5).¹

¹ Во множественном числе направительный падеж получает окончание -ašte в приведенной формуле обращения к богам. В других случаях обычно используется суффикс -di как в единственном, так и во множественном числе этого падежа.

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Выделение имен в языке биайнской клинописи, несмотря на наличие у них ряда грамматических форм, общих с глаголом, все же не встречает особых затруднений. Строго проводимое деление глаголов на переходные и непереходные с их специальными показателями противопоставляет вербальные формы именным с их особою парадигмою склонения. Имеется весьма ограниченный состав слов, отнесение которых к той или иной грамматической категории продолжает оставаться под сомнением.

Окончание основ имен существительных и падежное их оформление устанавливается с достаточною определенностью. Агглютинативная система языка обусловила единообразие как в словообразовательной, так и в словоизменительной морфологии, остающейся общею для имен существительных, прилагательных, местоимений и числительных. Это дает возможность установить по именам существительным основные нормы склонения имен.

Именные основы в подавляющем большинстве оканчиваются на гласный. Весьма широкое использование получил гласный -i. Оканчивающиеся на него имена существительные дают примеры наиболее выдержанной суффиксации по полной падежной парадигме; ср. падежи: эргативный — Haldi-še, именительный — Haldi, в усилительной форме Haldi-ni, родительный — Haldi-ei, дательный — Haldi-e, направительный — Haldi-edi, местный (транслатив) — Haldi-a, инструментальный — Haldi-ni-ni, где первый из двух суффиксов -ni выступает в значении притяжательного.

При близости биайнских звуков *-i*, *-e* на письме наблюдается их смешение и передача гласного *-e* слоговым знаком, огласовкою которого выступает гласный *-i*. Подобного рода смешение этих гласных имеет место при стечении гласного исхода основы слова на *-i* с падежным окончанием *-e*. Такие звуки могут дифтонгизироваться, что графически иногда передается одним гласным, обычно первым в составе дифтонга. Возможно также выпадение одного из гласных, ср.: *uš-ta-a-di MÂTU E-ri-a-ḥi-ni-e-di*; *uš-ta-di MÂTU E-ri-a-ḥi-ni-di* 'я выступил в страну Эрах' (Сард. лет. С, стк. 25; Е, стк. 20). Получившаяся дифтонгизация окончания направительного падежа *-uedi*, из *(ḥin)i-edi*, передана в одном случае полным падежным окончанием *-edi*, а в другом — его усеченным написанием *-di*.

Несмотря на близость гласных *-e*, *-i* все же некоторые имена существительные оттеняются в их огласовке на *-e* в конечном слоге помещением в именительном падеже гласного повтора (*-e*) при слоге, оканчивающемся на *-i*, тем самым указывая на соответствующее чтение огласовки слогового знака даже в тех случаях, когда такой гласный повтор опущен, например: *šale* 'год' (графически *ša-li*, *ša-li-e*); *pile* 'канал' (графически *pi-li*, *pi-li-e*): *i-ku-ka-ni ša-a-li ši-iš-ti-i-ni*; *-e-ku-ka-ii ša-a-li-e ši-iš-ti-ni* 'в том же году в третий раз' (Сард. лет. В, стк. 26—27; Е, стк. 19—20); *i-e-še i-ni pi-li a-gu-bi* (Corpus, 47, стк. 17—18); *i-e-še i-ni pi-li-e a-gu-bi* (Corpus, 34, стк. 10) 'я этот канал провел'.

В написании некоторых имен используются только слоговые знаки с гласным исходом *-e*. Таковы имена, оканчивающиеся на слог *-še*: *kubuše* 'шлем', *uštaše* 'мощь, могущество', *'aše* 'мужчина', *aše* 'щит', *baušē* 'слово, веление' и др. От них образуются производные слова, а слог, на который они оканчиваются (*-še*), графически совпадает с окончанием эргативного падежа: *ini kubuše ^mSarduriše ^mArgištiḥiniše uštuni* 'этот шлем Сардур сын Аргиштия направил (подарил)' (Кар.-Бл. II, стр. 50). Такое совпадение окончания основы слова с падежным суффиксом объясняется не строем речи, а особенностями клинописной графики, использующей слоговые знаки

иногда в их неполном чтении. Поэтому писец прибегал к гласному повтору в тех случаях, когда оказывалось необходимым оттенить соответствующую огласовку. Эргативный падеж, передаваемый знаком -še, не сопровождается повторением гласного и читался одним согласным звуком -š, тогда как указанные выше имена с основой на -še получают такой повтор, ср.: al-su-i-še-e 'величие' (Corpus, 85, стк. 7); i-ni ku-bu-še-e ^mAr-gi-iš-ti-še... uš-tu-ú-ni 'этот шлем Аргишти... направил (подарил)' (Кар.-Бл. II, стр. 50). Реже имена существительные заканчиваются на гласный -a, ср.: gupiša 'бой, сражение', в форме местного падежа: gu-ni-ša-a, qīura 'земля, преисподня', в направительном падеже: qī-ú-ra-i-dī (Звартноц, стк. 46), собственные имена Menua, Rusa название страны Мана и др. Еще реже встречаются имена на -u: SAL-lutu 'женщина', географические названия Babilu, Išqigulu (Ник. V, стк. 5), имя царя Luēḥu в форме имени отчества ^mLu-e-ḥu-ú-ḥi-e (Ван; Сурб-Погос, стк. 6). Окончаний имен существительных на согласный установить не удастся, возможно, благодаря особенностям силлабарной системы клинописи.

Парадигма склонения остается для всех имен существительных общею, но в зависимости от огласовки последнего слога основы и ее стыка с гласным падежного окончания имеют место переогласовки, выпадение гласного и усеченное написание получающейся дифтонгизации как в склонении имен, так и в образовании производных от них форм. Наиболее сложным оказывается восстановление основ слов в тех случаях, когда в текстах встречаются лишь производные формы, допускающие изменение огласовки основы. Так, например, от слова со значением 'бой, сражение' (gupiša) образуется прибавлением суффикса принадлежности -īni другое имя существительное со значением субстантивированного прилагательного — gupišīni 'причастный к бою, боец, воин'. Само основное слово встречается часто, но только в форме косвенного падежа: gu-ni-ša-a. Оно в именительном падеже может оканчиваться как на -a, так и на -e (gupiša, gupīše). Написание gu-ni-sc восстанавливается в дефектных местах

биллингвы Топсау (стк. 26) и Хорхорской летописи (Sause, XLIII, стк. 16). В надписи Ник. XVI, равным образом сильно поврежденной, читается *gu-ni-ša*, но в контексте, где обычно стоит *gu-ni-ša-a* (стк. 5).

При анализе этого слова следует иметь в виду, что стечение гласных *-a-i* (*gupiša-ini*) могло образовать дифтонг, но последний в биайнской графике передается или полностью двумя гласными (*-ai*), или же усеченно, первым из них (*-a*), ср. название страны Биайны в направительном падеже: *V-i-a-i-na-i-di*, *Vi-a-i-na-di*, *Vi-a-na-i-di* (Сард. лет. В, стк. 19,35; Е, стк. 23). Формы *Vi-a-i-ni-di* мне не встречалось. При таких условиях в написании *gupišini* можно усмотреть результат дифтонгизации только в том случае, если основа слова оканчивалась на *-e* (*gupiše*), а не на *-a*. Такая возможность не устраняется, поскольку слово *gupišaa* используется в контексте, говорящем о захвате вражеских мест с боя. Следовательно, здесь интересующее нас слово со значением 'бой, сражение' поставлено не в именительном падеже, и если сама основа слова оканчивалась на *-e*, то в результате склонения имени получилась переогласовка. Что же касается формы *gupišini*, то по отношению к ней нужно иметь в виду, что в словах на *-e*, при близости этого гласного к *-i*, стечение двух названных звуков могло передаваться одним из них. Затруднением в признании такого рода дифтонгизации (*gupiše-ini*, *gupišeuni*, *gupišini*) продолжает оставаться сама исходная форма *gu-ni-ša-a*, в которой придется признать переогласовку гласного основы при суффиксации окончания местного падежа *-a*. С другой стороны, следует иметь в виду, что биайнский язык избегает стечения гласных *-ea*, в связи с чем первый из них мог выпасть.

Данный пример не решает вопроса о влиянии падежных окончаний на основу слов, оканчивающихся на *-e*, *-a*, поскольку огласовка самой основы продолжает оставаться невыясненной; но то, что основа слова может изменяться под влиянием суффиксации, выступает в разобранным примере с полной очевидностью. Огласовка имени меняется в зависимости от

характера гласных и от их сочетаний. Наиболее изменчивыми оказываются основы слов на гласный -е. Имеется ряд слов, не возбуждающих сомнения в характере исходного гласного. К числу таких слов на -е относятся *bauiše* 'слово, веление', *ušmaše* 'сила, мощь, могущество' (Кар.-Бл. II, стр. 52), *alsuiše* 'величие' (Corpus, 85, стк. 7). В производных от них падежных формах исходный гласный основы подвергается переогласовке.

Так, например, слово *alsuiše* 'величие' подтверждается в своем гласном исходе -е повторным написанием этого звука: *al-su-i-še-e* (Corpus, 85, стк. 7). В перечне же жертвоприношений богам, где имена последних стоят в дательном падеже (-е), приводится то же слово в форме *alsuiši-e*: ^d*Hal-di-ni al-su-i-ši-e*, ^d*Hal-di-ni al-su-ú-ši-e* (Мхер-Капуси, Corpus, 18, стк. 12, 52). В обоих случаях суффикс дательного падежа -е, прилегая к такому же гласному исходу основы слова (*alsuiše-e*), привел к переогласовке (*alsuiši-e*). С тою же переогласовкою остаются слова на -še и в других падежных формах, ср. в инструментальном падеже (аблатив) на -ni: *ušmaši-ni*, *bauiši-ni*, *alsuišini*: ^d*Hal-di-ni-ni uš-ma-ši-ni* ^m*Me-nu-a-še... i-ni Ê. GAL ši-di-iš-tu-ni* 'Халдовой мощью (силою бога Халда) Менуа... эту цитадель воздвиг' (Corpus, 60—61-в, стк. 1—3); ^d*Hal-di-ni-ni ba-ú-ši-ni* ^m*Ar-gi-iš-ti-še... a-li-e* 'по Халдову велению Аргишти... говорит' (Кар.-Бл. II, стр. 52); ^d*Hal-di-i-ni-ni al-su-ú-i-ši-ni* ^m*Sar-du-ri-še a-li-e* 'Халдовым величием Сардур говорит' (Сард. лет. В, стк. 36—38), ср. также: *mešini* 'данью, добычею', творительный падеж от слова *meše* 'дань, добыча': *ŠARRU-ni ÂLU Pu-i-ni-al-ḫi AMĒLU bu-ra(-) aš-tú-bi me-ši-ni ri-i 'a-al-du-bi me-e-še* ^m*Sar-du-ri-e a-ri-e-dé* 'царя города Пуиниалхи я подчинил, под добычу подвел, добычу Сардuru пусть дает' (Сард. лет. А, стк. 17—18).

Имена с гласным исходом -а оказываются при склонении более устойчивыми. Они не утрачивают своей огласовки даже при получающейся дифтонгизации. Парные гласные -а-і, образуя дифтонг -ау, передаются в письме или обоими гласными, или же одним первым из них, то есть тем же гласным -а,

которым заканчивается само имя, ср. уже приведенный пример с названием страны Биайны: *Vi-a-i-na-i-di* (*Biaunaudi*), передаваемый с усеченным написанием дифтонга: *Vi-a-i-na-di*, *Vi-a-na-i-di*. Везде, где имеется дифтонг (в середине слова и на границе с суффиксом), он передается указанными выше способами — написанием двух гласных или же одного только -а.

Благодаря получившейся устойчивости огласовки основ на -а, производные от них формы поддаются анализу легче, чем от основ с другим гласным исходом, ср. ^m*Me-nu-a-i-ni-e-i* *SAL si-la-a-i-e SAL Ta-ri-ri-a-i i-ni GIŠ ul-di SAL Ta-ri-ri-a-ḫi-ni-li ti-i-ni* 'Менуевой жены (дочери) Таририа этот виноградник, Таририевым назван он (имя его)' (*Corpus*, 57). Виноградник (*GIŠ uldi*) определяется как принадлежащий Таририи, жене или дочери царя Менуи. Имя последнего, оканчивающееся на -а (*Menua*), снабжено суффиксом принадлежности -*ini*, который выступает здесь в своей самостоятельной позиции суффикса значительно яснее, чем в ранее разобранный примере со словом *gupušini*, где выделение основы (*gupuš-ini*, *gupuš-i-ni*), наличие переогласовки или выпадение гласного остаются под вопросом, ср. обратное в *Menua-ini*. Эта притяжательная форма царского имени получила окончание родительного падежа -*ei* (*Menua-ini-ei*). Родительный падеж здесь образован уже от производной основы, оканчивающейся на -*i* (*Menuaini*), от основ же на -а тот же падеж усекается до одного гласного -*i* (*Menua-i*), ср.: ^d*Ḫal-di-ni-ni uš-ma-ši-ni* ^m*Me-nu-a-še... i-ni ri-li ku-gu-ni* ^m*Me-nu-a-i ri-li ti-i-ni* 'мощью бога Халда (Халдовой мощью) Менуа... этот канал провел. Менуи канал [его] имя' (*Corpus*, 34 и I сл.). С тем же падежным окончанием стоит имя родственницы Менуи, Таририи, имя которой, равным образом, оканчивается на -а (*Tariria-i*). Третье слово, поставленное в том же падеже, *SAL silaie* как оканчивающееся на гласный -*i* (*silai*) должно было бы иметь падежное окончание такое же, как и *Menuaini-ei*. Возможно, что это окончание и выступает в дифтонгизированном виде -*eu*, передаваемом как двумя гласными

(-ei), так и одним первым из них (-e), ср. то же самое с дифтонгом -au, графически -ai, -a.

В дательном падеже слова на -a сохраняют основу имени при нулевом падежном показателе в отличие от имен на -i, получающих падежное окончание -e, ср. формы дательного падежа имен на -i: ^dHal-di-i-e e-ú-ri-i-e ^mMe-nu-a-še... i-ni ABNU ru-lu-si ku-gu-ú-ni 'богу Халду владыке Менуа... эту стелу начертал' (Corpus, 83, стк. 1—3); ^dŠi-i-ú-i-ni-e ^mMe-nu-a-še... i-ni ABNU ru-lu-si ku-gu-ú-ni 'богу Шиуини Менуа...' (Corpus 85, стк. 1—3); форма дательного падежа имен на -a: ^aADAD-a ^mMe-nu-ú-a-še... i-ni ABNU ru-lu-ú-si ku-gu-ni 'богу грозы Менуа... эту стелу начертал' (Corpus, 91, стк. 1—3). Идеограмма ADAD-a содержит гласный исход имени соответствующего бога биайнского пантеона (Teišeba); следовательно, она читалась словом, оканчивающимся на -a; ср. также: a-gu-ni ^dHal-di-i-še ^mMe-nu-ú-a 'дал бог Халд Менуе' (Corpus, 21, стк. 11), где собственное имя Менуа стоит в форме именной основы.

Таким образом, имена существительные в биайнском языке оканчиваются на все имеющиеся в этом языке гласные: -i, -e, -a, -u. Наиболее распространенною огласовкою является первая из них. Гласный -e сближается с гласным -i. Прибавление падежного окончания, сочетаясь с гласным исходом слова, приводит в отдельных случаях к дифтонгизации звука, графически передаваемой то полным написанием парных гласных, то первым из них (-ai, -a; -ei, -e). Имеют место также перегласовка основы имени, выпадение гласного и нулевая падежная морфема. При всех указанных разновидностях падежной суффиксации все же парадигма склонения остается в биайнском языке общею для всех имен существительных.

Заслуживает внимания особое положение суффикса -e в определительных словосочетаниях, наиболее ясно выступающих в грамматическом оформлении слова ebaní 'страна'. Исходный гласный его основы (-i) подтверждается повторением этого гласного в формах именительного падежа (MĀTU) e-ha-ni-i aš-gu-bi 'страну я захватил' (Сард. лет. С, стк. 8).

Слово *ebani* выступает прямым дополнением, поэтому стоит в именительном (неоформленном) падеже, ср.: *uš-ta-di MĀTU Ma-na-i-di (MĀTU) e-ba-a-ni ḥa-ú-bi* 'выступил я в страну Мана, страну я взял' (там же В, стк. 14—15); *(MĀTU) e-ba-ni-i aš-gu-bi...* *(MĀTU) e-ba-a-ni a-tú-ú-bi* 'страну я захватил... страну я изничтожил' (там же С, стк. 8—9). Во всех приведенных примерах слово *ebani* стоит в именительном падеже, совпадающем с основой, уточняемое гласными повторами: *ba-a, ni-i (ebani)*. Поэтому помещение дополнительного гласного *-e* в конце слова не может относиться к его основе и тем самым выражает иную грамматическую форму, проводимую в надписях (ср. летописи Сардура) весьма последовательно.

Формы на *-e (ebani-e)* в их различных грамматических значениях могут быть разделены на две группы: падежные и притяжательные. В одной из этих групп формант *-e* может быть отнесен к окончанию падежей, дательного и родительного. Имена на *-i* получают в дательном падеже окончание *-e*, примеры чему уже приводились (ср.: ^d*Ḥaldi-e euri-e* 'богу Халду владыке'). Такое же окончание *-e* могло явиться результатом написания дифтонга *-eu*, то есть передавать так же суффикс родительного падежа, ср. ^m*Kuštašpili ŠAR MĀTU Qumaḥalḥi-e* 'Кушташпили царь страны Кумух' (Сард. лет. Е, стк. 41), тоже в именах на *-a*, когда выступает полная падежная форма (*-eu, -e*): *ŠAR MĀTU Biaina-e* 'царь страны Биайны' (Corpus, 34, стк. 5). В этом же значении может быть понято окончание *-e* в слове *ebani-e*, ср.: *karuni ŠARRU* ^m*Eriahi (MĀTU) ebani-e* 'я покорил царя страны Эрах' (Сард. лет. С, стк. 20). Наличие гласного *-e (ebani-e)* ясно выделяется. Основа слова оканчивается на *-i*, что графически специально подчеркивается (*e-ba-ni-i*), так же как и повтором этого гласного при написании слога *-ni*, предшествующего гласному *-e*: *ka-ru-ni* ^m*Ra-šu-ú-ni ŠARRU (MĀTU) Ru-i-ši-a-ni-e-i (MĀTU) e-ba-ni-i-e* 'я покорил Рашуни царя страны Руишиани' (там же, стк. 50—51). Как слово 'страна', так и ее название, оба стоят в родительном падеже (*Ruišiani-ei, ebani-e*), если и в последнем *-e* усматривать падежное окончание; *ka-ru-ni*

^mQa-pu-ri-ni ŠARRU (MĀTU) I-ga-ni-i (MĀTU) e-ba-ni-e 'я покорил Капури(ни) царя страны Игания' (Сард. лет. F, стк. 7). Если в названии страны последнее -i является гласным повтором предыдущего слога -ni, то это название стоит в именительном падеже (Iganī). В слове же ebanī-e сохраняется суффикс -e, который в этом контексте может быть понят как окончание родительного падежа: 'царя страны Игания'.

Наряду с этими примерами, в которых -e (ebanī-e) может быть отнесено к падежному окончанию, имеются в тех же летописях другие, в которых ebanī-e выступает прямым дополнением, то есть в том же положении, как и приведенное выше ebanī, стоящее в именительном падеже: ḥa-ú-bi MĀTU Ba-bi-lu-ú (MĀTU) e-ba-a-ni 'я взял страну Бабилу' (Сард. лет. A, стк. 5), ср.: ka-ru-ni ^mA-bi-li-a-ni-ḥi (MĀTU) e-ba-ni-e 'покорил страну Абилианихи'; ḥa-ú-bi (MĀTU) E-ri-a-ḥi (MĀTU) e-ba-ni-e 'я взял страну Эрах' (Сард. лет. C, стк. 21, 26). В предыдущих примерах речь шла о царе страны, тогда как в только что приведенных говорится о самих странах: 'я покорил царя страны Эрах' (ŠARRU ^mEriaḥi ebanīe) 'я взял страну Эрах' (MĀTU Eriaḥi ebanīe). Названия покоренных стран Abilianiḥi, Eriaḥi стоят в именительном падеже, тогда как сопровождающее их слово 'страна' снабжено суффиксом -e (ebanī-e). Видеть в этом -e окончание родительного падежа затруднительно.

Когда слово ebanī обособляется контекстом, оно, выступая прямым дополнением, ставится в именительном падеже: uš-ta-di MĀTU Ma-na-i-di (MĀTU) e-ba-a-ni ḥa-ú-bi 'я выступил в страну Мана, страну я взял' (Сард. лет. B, стк. 14—15). Когда же ebanī связано с самим собственным именем, то ebanī может получать также и суффикс -e: uš-ta-di MĀTU E-ri-a-ḥi-ni-di ḥa-ú-bi MĀTU E-ri-a-ḥi (MĀTU) e-ba-ni-e 'я выступил в страну Эрах, я взял страну Эрах' (там же C, стк. 25—26). Но ebanī в том же положении может выступать и без суффикса -e: ḥa-ú-ni MĀTU U-lu-a-ni-e-i MĀTU e-ba-ni ĀLU Da-a-ra-ni MĀTU-ni-e 'взял Улуани страну, город Дарани страну' (Ник. VI, стк. 6—7). В последнем примере об-

ращает на себя внимание то, что при ebanî в именительном падеже само название страны стоит в родительном падеже (Uluani-ei), тогда как при наименовании города в именительном падеже (Darani) слово ebanî снабжено суффиксом -e. Такое построение было бы объяснимым, если бы речь шла о городе Дарани страны Улуани, но в этом случае сама постановка в родительном падеже названия покоренной страны (Uluani-ei) остается непонятною, поскольку взятие страны Улуани фразеологически отделяется от завоевания города Дарани с его страной. Кроме того, в ряде других надписей та же грамматическая форма сохраняется и при перечне стран, относящихся к самим захватываемым городам. Не город определяется страной, как выходило бы при переводе: 'я взял страну Улуани, город Дарани [этой] страны', а сама страна определяется городом: ħa-ú-ni ÂLU Še-be-te-ri-a-ni (MÂTU) e-ba-ni-e ħa-ú-ni ÂLU Ħu-ra-a-na-ni (MÂTU) e-ba-ni-e ħa-ú-ni MÂTU Su-ú-ra-a-ni 'он взял город Шебетериа(ни) страну, взял город Хузана(ни) страну, взял страну Супа(ни)' (Corpus, 31, стк. 8—10). Название покоренной страны Супа(ни) не сопровождается идеограммой и стоит в именительном падеже. Равным образом и названия захваченных городов, сопровождаемые идеограммой страны, стоят в том же падеже, но чтение самой идеограммы дается с дополнительным суффиксом: ebanî-e.

Приведенные примеры указывают на то, что сочетания собственного имени со словом ebanî сопровождаются или постановкою первого из них в родительном падеже или же суффиксациею последнего гласным -e, ср.: uš-ta-di^m Ar-gu-qi-ni-e MÂTU-ni-di ka-ru-bi^m Ar-gu-qi-i-ni MÂTU-ni-e^m A-da-ħu-ni MÂTU-ni-e^m Lu-ip-ru-ni MÂTU-ni-e^m E-šū-mu-a-i MÂTU-ni^m Ka-am-ni-ú-i MÂTU e-ba-ni MÂTU Qu-'a-al-ba-ni MÂTU U-ħu-ni-ni MÂTU-ni-e MÂTU Te-ri-a-ni MÂTU-ni-e 'я выступил в страну Аргукини, я покорил страну Аргукини, страну Адаху(ни), страну Луипру(ни), страну Эшумуа, страну Камниу, страну Кухалба(ни), страну Ухуни, страну Териа(ни)' (Сард. лет. F, стк. 22—24). Там, где собственное имя с детерминативом лица или страны стоит в именительном падеже (Arguqini,

Adaḥuni, Luipruni, Qu'albani, Uḥunini, Teriani), везде сопровождающая их идеограмма MÂTU 'страна' дополняется знаками -ni-e, давая тем самым развернутое чтение (eba)-ni-e. Там же, где поставлено MÂTU-ni — (ebani), соответствующее ему название ставится в родительном падеже (Ešumua-i, Kamniū-i).

Разновидности приведенных словосочетаний указывают на различное положение суффикса -e, оформляющего слово ebani в его сочетаниях с собственными именами. Так, например, в тексте надписи Сурб-Погос (Ван): ka-ru-ni mTsi-na-li-bi-ni mLu-e-ḥu-ū-ḥi-e ŠARRU ÂLU Tu-li-ḥu-i MÂTU-ni-e 'я покорил Циналиби(ни) сына Луеху царя города Тулиху страны' (стк. 5—7), идеограмма MÂTU-nie (ebanie) связана с названием города Tuliḥui, резиденции местного царька, имя которого с упоминанием того же города встречается в Атамханской надписи (Ник. XVI), где название города поставлено в именительном падеже: ÂLU Tu-li-ḥu-ni (стк. 3). Основую имени здесь выступает Tuliḥu. Следовательно, в ÂLU Tu-li-ḥu-i исходный гласный -i не относится к основе, и выступает падежным окончанием (родительный падеж). Таким образом, во фразе: karuni... ŠARRU ÂLU Tuliḥu-i ebani-e выступают слово ebani, снабженное суффиксом -e, и собственное имя, стоящее в родительном падеже. Построение данного словосочетания становится понятным, когда оно рассматривается как развернутое определение к слову 'царь', занимающему место прямого дополнения и стоящему поэтому в именительном падеже: 'я покорил... царя страны города Тулиху'.

В тех случаях, когда название города само выступает прямым дополнением, те же самые грамматические формы становятся в своем назначении менее определенными. Наименование города, выступая прямым дополнением, ставится в именительном падеже, слово же ebani получает суффикс -e: ka-ru-ni ÂLU Ḥu-za-na-a-ni MÂTU-ni-e 'я покорил город Хузана(ни) страну' (Corpus, 31, стк. 3). Если же ebani не снабжается данным суффиксом, то само название страны ставится в ро-

дительном падеже и, следовательно, не занимает места прямого дополнения, в положении которого оказывается уже слово *ebani*: *ḥa-ú-bi ÂLU A-ḥu-ri-a-ni ÂLU Aš-tú-ḥi-ni-e-i MÂTU-ni* 'я взял город Ахуриани, города Аштухини страну' (Ник. XXI, стк. 1—2). В этом последнем примере постановка слова *ebani* (*MÂTU-ni*) в именительном падеже представляется вполне обоснованною (прямое дополнение), так же как и родительный падеж наименования города *Aštuhini-ei* (определение к слову *ebani*). Но оформление *ebani* суффиксом *-e* при именительном падеже названия города в первом примере остается непонятным, ср.: *ÂLU Ḥuzana(ni) ebani-e* 'город Хузана страны'. Не указывается название той страны, которой принадлежит город. Страна, о которой идет речь, и есть страна данного города.

Еще более сложными оказываются контексты, в которых собственным именем выступает само название страны, то есть когда детерминативом и идеограммой служит одно и то же *MÂTU* (*ebani*). Грамматические формы в этом случае сохраняются те же, что и в предыдущем. Когда название страны стоит в родительном падеже, слово *ebani* не получает суффикса *-e*: *ka-gu-ni MÂTU Bar-šu-a-i (MÂTU) e-ba-a-ni-i* 'я покорил страну Баршуа' (Corpus, 15, стк. 6—7). В тех же случаях, когда *ebani* снабжается суффиксом *-e*, название страны сохраняет форму именительного падежа: *ḥa-ú-bi MÂTU E-ri-a-ḥi (MÂTU) e-ba-ni-e* 'я взял страну Эрах' (Сард. лет. С, стк. 26).

Приведенные примеры на *ebani-e* затрудняют грамматический разбор текста поисками в данной грамматической форме падежного окончания. Больше основания усматривать в этом построении изафетную конструкцию: 'покорил Абилианихи страну-его', 'взял Эрах страну-его', 'покорил город Хузана страну-его' и т. д., в русском переводе; 'покорил страну Абилианихи', 'взял страну Эрах', 'покорил страну города Хузана', 'покорил город Хузана [и] страну его'. Указанное грамматическое построение проводится в летописях, при очень незначительных отступлениях, все же весьма последовательно,

ср. в Хорхорской летописи, где форма ebanie подчеркнута выделяется гласными повторами: ka-ru-ni MÂTU Ma-na-ni MÂTU e-ba-a-ni-i-e 'я покорил страну Мана' (Sauce, XL, стк. 16—17).

Значительное затруднение в установлении грамматической формы имен существительных вызывает слог -ni, выступающий в различных значениях как падежных форм (именительный падеж и аблатив), так и словообразовательный адъективной суффиксации. Кроме того, основы самих имен существительных могут оканчиваться на тот же слог, ср.: ebanî 'страна', ALPU rañini 'бык', SAL uediani 'женщина', turini(ni) 'виновное лицо, преступник', AMÊLU taršuanî 'люди' и др. Некоторые из них рассматриваются как вторичные формы, образованные с помощью указанной суффиксации, например, встречающееся в надписях слово gupušini объясняется как имя прилагательное, образованное от существительного, затем субстантивированное ср.: gupuš^a/_o 'бой, сражение', gupuš-ini, gupuš-i-ni 'причастный к бою, боец, воин'. Все же большинство таких слов этимологии не поддается даже в тех случаях, когда прослеживается общность корня именных и вербальных слов, ср. основу глагола tu- 'разрушать', его пермансив tu-lie 'разрушит', повелительное наклонение tu-ri 'разрушь', имя существительное turini-ni 'разрушитель, преступник'.

Ряд таких слов, как turini, kuruni неоднократно встречающихся в славословии и заклинательных формулах, не поддается определению в своем значении (ср. kuruni), а некоторые из них даже в отнесении к той или иной части речи (ср. turini). Им приурочивается условный перевод по смыслу контекста, что приводит к различного рода толкованиям термина. Грамматический разбор его остается при этом лишенным полной доказательности. Так, например, слово turinini возводится к корню tu- 'разрушать'. От этого корня одни исследователи производят имя существительное прибавлением двух словообразующих суффиксов: tu-ri-ni (Леманн-Гаупт, И. Фридрих, А. Гётце в более старых его работах).¹ Другие

¹ См.: Corpus, стр. 69; Einführung. . . , стр. 41, 44.

усматривают в том же слове форму повелительного наклонения в третьем лице, ср. в 2-м лице *tu-ri*, в 3-м лице *tu-ri-ni*. Прибавление еще одного суффикса *-ni* (*tu-ri-ni-ni*) может быть понято как дополнение глагольной формы объектным показателем 3-го же лица: 'пусть он (они) разрушат (изничтожат) — его', 'да разгневаются на него'.¹

Некоторым затруднением и в этом случае продолжает оставаться отмеченная выше особенность биайнской клинописной графики, построенной на заимствованной чужой системе письма в ее ассирийской (семитической) обработке. Невозможность точной передачи биайнской фонетики этой системой письма привела к условному использованию ряда знаков, что в итоге могло привести к совпадению различных форм не в их произношении, а в графике. Все же проведенный в предыдущей главе обзор приемов применения данной графической системы делает возможным устанавливать различие грамматических форм, выступающих даже в их одинаковом графическом изображении. Сказанное имеет отношение также и к выделению имен прилагательных.

---

¹ Н. Я. Марр. Надпись Русы II из Маку. Зап. Вост. отделения Русск. Археол. общ., т. XXV, 1921, стр. 16—17; А. Goetze. *Revue Hittite et Asiatique*, VI, fasc. 22—23, 1936, стр. 195—197 (IV, Imperatives); Г. В. Церетели. Урартские памятники Музея Грузии. Тбилиси, 1939, стр. 44.

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Наиболее распространенным словообразовательным суффиксом прилагательных является *-ini*, который в письме иногда утрачивает свой начальный гласный, что в именах, оканчивающихся на *-i*, дает совпадение данного суффикса с падежным окончанием аблатива (*-ni*), ср.: ^dHaldi-ni-ni ušmaši-ni 'Халдовой мощью', где имя бога имеет два суффикса *-ni*, из которых первый означает принадлежность (*-ini*, в усеченном написании *-ni*), а второй выступает падежным окончанием.

Выражая принадлежность, конструкция с этим суффиксом функционально сближается с родительным падежом, резко от него отличаясь грамматической формой, ср.: ^mMenua-i pile 'Менуи канал', где собственное имя стоит в родительном падеже, ^mMenua-ini-ei SAL silai-e... ini GIŠ uldi 'Менуевой жены (дочери)... этот виноградник' (Corpus, 57). Собственное имя поставлено с притяжательным суффиксом *-ini*. От этой производной основы образован родительный падеж: Menua-ini-ei, ср. имена с тем же суффиксом, но без падежного окончания: ÂLU Teišeba-ini ÂLU 'Тейшебов город' (Кар.-Бл. II, стр. 63). В именах с гласным исходом *-a* данный суффикс выступает в более полном виде (Menua-ini, Teišeba-ini), но в именах на *-i* стечение одинаковых гласных приводит иногда к их сокращенному написанию, ср.: ^dHal-di-i-ni-li BÂBU-li 'Халдовы ворота' (Corpus, 66, стк. 4); ^dHal-di-ni-li BÂBU-li (Corpus, 67, стк. 3).

Суффикс *-ini* в том же значении выступает иногда в еще более полном написании *-hini*, ср.: Ê. GAL šidištuni badusie teruni Menua-hini-li tini 'цитадель воздвиг badusie, установил

[ей] Menuaḥinili имя' (Corpus, 62, стк. 4—7). Сопоставление таких различных начертаний одного и того же суффикса приводит к заключению, что и в -ini выступает графически невыраженный спирант в начале, на что и указывает наличие его в последнем из приводимых примеров, ср.: Menua-ini-(ei), Menua-ḥini(-li), оба с одним и тем же значением принадлежности: SAL Tariria-i ini GIŠ uldi SAL Tariria-ḥini-li tini 'Таририи этот виноградник, Таририев имя [его]' (Corpus, 57). Одно и то же имя Таририя стоит в начале в родительном падеже (Tariria-i), а в конце с суффиксом принадлежности, представленном в его спирантизованном виде (Tariria-ḥini). На возможность сближения суффиксов -ini, -ḥini наличием у обоих начального спиранта, в первом написании не получившем в письме своего отражения, указывает подобная же передача клинописными знаками окончания направительного падежа -idi, -edi, -di, а иногда и с начальным спирантом -gidi, переданном звуком -g ввиду отсутствия соответствующего для него знака: Biaina-idi, Biaina-di, ebani-edi, ebani-gidi.¹

В подтверждение использования в одинаковом значении как родительного падежа имени существительного, так и указанных притяжательных форм на -ini, -ḥini можно привести ряд примеров: ^mMenua-i pile tini 'Менуи канал имя (название) [его]'; Здесь собственное имя Menua-i поставлено в родительном падеже, слово pile 'канал' — в именительном; другой пример: teruni... ^mMeinua-i GIŠ uldi-e tini 'установил... Менуи виноградника имя' (Corpus, 56, стк. 13—15); слова Meinua-i и GIŠ uldi-e 'виноградник' стоят оба в родительном падеже; teruni ^mMenua-ḥini-li tini 'установил Менуевы (принадлежащие Менуе) имя' (Corpus, 62, стк. 6—7); ^mMenua-ini-ei SAL silai-e SAL Tariria-i ini GIŠ uldi SAL Tariria-ḥini-li tini 'Менуевой жены (дочери) Таририи этот виноградник, Таририев [его] имя' (Corpus, 57); terubi tini ^mRusa-i ÂLU TUR 'я установил имя Русы городок' (Маку, стк. 6); ^dHald(i)-ini-li BÂBU 'Халдовы

¹ Объединение суффиксов -ḥini, -ini, -ni допускается также И. Фридрихом, см.: *Caucasica*, VIII, стр. 126—131.

вороты'. Во всех приведенных примерах окончание родительного падежа и суффиксы принадлежности *-ini*, *-ḫini* используются для выражения притяжательного оборота, ср.: *Menua-i*, *Tariria-i*, *Menua-ini*, *Ḫaldi-ini*, *Menua-ḫini*, *Tariria-ḫini* и т. д.

Суффикс *-ḫini* в таких притяжательно оформленных именах легко сопоставляется с получившим широкое распространение суффиксом *-ḫini*, *-ḫine*, выступающим в именах отчества и топонимических названиях. В именах отчества данный суффикс условно переводится словом 'сын', ср.: ^m*Sarduri-še* ^m*Argište-ḫini-še* 'Сардур Аргиштия-сын'. Такой перевод этого суффикса передает лишь содержание данной грамматической формы и не соответствует ее грамматическому значению, так как тот же суффикс *-ḫini* в том же царском имени Аргиштия может приобретать значение не отчества, а принадлежности, ср.: *terubi* ^m*Argišti-ḫini-li tini* 'я установил [вновь восстановленной цитадели] Аргиштиево имя' (Ник. IX, стк. 4—5). В последнем примере суффикс *-ḫini* явно лишается содержания 'сын'. Очевидно, данный суффикс и в именах отчества выступает в том же значении принадлежности, передавая в этом случае принадлежность по происхождению: ^m*Argišti-ḫini* 'принадлежащий Аргиштию, Аргиштиеv'; отсюда и ассирийский перевод его: *aril* ^m*Argišti* 'сын Аргиштия'; ^m*Išruini(ni)* ^m*Sardure-ḫe*, по-ассирийски: ^m*Išruini aril* ^m*Sardur* 'Ишпуин сын Сардура' (Келишин, стк. 2).

В именах отчества *-ḫini* выступает не знаменательным словом, а тем же самым суффиксом принадлежности, имеющим место не в одних только отчествах собственных имен (*Argišti-ḫini*) и даже не только в топонимических названиях (*Eria-ḫini*), в которых он входит в самое основу: *uštadi MÂTU Eria-ḫini-di ḫaubi MÂTU Eria-ḫi (MÂTU) ebanie* 'я выступил в страну Эрах, я захватил страну Эрах' (Сард. лет. С, стк. 25—26). Суффикс *-ḫini* получает также усеченное написание *-ḫi*, *-ḫe*, которое, равным образом, выступает как в именах отчества, так и в географических названиях и даже в оформлении отдельных слов, ср. в собственных именах: *Argištiḫini*, *Argištiḫi* в географических названиях: *Eriaḫini*, *Eriaḫi* (Сард. лет. С, стк.

24, 25, 26, 40); Erikuahî (Corpus, 21, стк. 2), Uiteruhî (Corpus, 14, стк. 5). Полное и усеченное написание одного и того же суффикса -hîni, -hî ясно выступает в производных формах, где падежные окончания прибавляются к полной, а не к усеченной форме, ср.: uštabi... ^mUteruhîni-edi... suidutu ^mUteruhî 'они выступили... в Утерухи(ни)... победили Утерухи' (Corpus, 13 об., стк. 4—5, 10).

В приведенных названиях стран суффикс -hîni, -hî уже включается в основу имени с его топонимическим и этническим содержанием. Тем самым оправдывается помещение при географических названиях не только детерминатива страны, но и детерминатива лица (народа): uštabi... ^mDiauehîni-edi MÂTU taraiu-edi... ĥaubi ^mDiauehî MÂTU-nie 'выступило [воинство]... в Диаухини страну могущественную... я взял Диауехи страну' (Corpus, 27, стк. 1—2, 7). Даже включаясь в основу собственного имени, суффикс -hîni сохраняет за собою как свою усеченную форму (Diaue-hî ebanie), так и полную, ср. в направительном падеже: Diaue-hîni-edi. Значение притяжательного показателя закрепляется за -hîni рядом вполне доказательных примеров, в особенности таких, где этот суффикс присоединяется к основе собственного имени со специальным назначением выражения принадлежности. В число таких примеров включаются уже приведенные выше: Tariria-hîni-li 'принадлежащие Таририи', Menua-hîni-li 'принадлежащие Менуе, Менуевы'.

В параллель к формам собственных имен в их сочетаниях с суффиксом -hîni и его усеченной разновидностью -hî можно привести также и ряд слов, оканчивающихся на тот же слог -hî, что дает некоторое основание считать их за субстантивированные прилагательные или же за слова с окаменевшим притяжательным суффиксом, например: arhî urūliani (в формуле проклятия), tuhî, предваряемое идеограммой ŠARRU или AMÊLU: AMÊLU tautuhî, AMÊLU tuhî, ŠARRU-tuhî, ŠARRU-tuhîni (Сард. лет. А, стк. 25; В, стк. 39; G, стк. 2). Приведенные данные указывают на крайнюю близость суффиксов принадлежности -hîni -ini не только по их функции, но и по грамматической форме. Притяжательные суффиксы придают ими

оформляемым словам адъектное значение. Последние, в свою очередь, могут субстантивироваться, образуя производные имена существительные, ср. *tuḫi* с различными вариантами его чтения и перевода: *AMĒLU tuḫi* 'относящееся к народу, народонаселение' или 'народ плененный, пленники'; *ŠARRU tuḫi* 'принадлежащее царю, царская власть' или 'царь плененный' (*Caucasica*, VIII, стр. 126—131). Этимология таких слов продолжает оставаться невыясненной, так же как и их содержание. Первое из придаваемых *tuḫi* значений более оправдывается соответствующими контекстами: *iū Ḥaldiš-me ŠARRU tuḫi aruni* 'когда бог Халд мне царскую власть даровал' (*Сард. лет. G*, стк. 2).

Близкая связь всех отмеченных разновидностей притяжательной суффиксации (*-ḫini*, *-ḫi*, *-ini*, *-ni*) подтверждается также их одинаковым использованием в грамматическом оформлении слов. Полная форма *-ḫini* в именах, не получивших падежных окончаний, обычно сокращается до однослогового *-ḫi*. Усечение *-ḫini* отпадением его последнего слога отмечается в ряде приведенных примеров полного и сокращенного написания имен отчеств и топонимических названий: *Argišti-ḫini-e*, *Argišti-ḫi*, *Eria-ḫini-di*, *Eria-ḫi*. Кроме того, есть основание полагать, что *-ḫini* может сокращаться не только в своем последнем слоге и что отпадение начального спиранта образует его же разновидности *-ini* и усеченную форму последнего *-ni*. Таким образом, притяжательная суффиксация от указанной основы выступает в спирантизованном и неспирантизованном виде, в их полных и усеченных формах.

В этом направлении суффиксальных изменений обращают на себя внимание такие формы слов, как наименования местностей, оканчивающиеся не на *-ḫi* (*Eriaḫi* и др.), а на *-ni*. В числе последних имеется *Etiuni*, образующее законченную основу, изменяемую по падежам, ср. в направительном падеже: (*Etiuni-edi*): *uš-ta-di MĀTU E-ti-ú-ni-e-di* 'я выступил в страну Этиуни' (*Сард. лет. A*, стк. 13). Хотя слог *-ni*, как видно из приведенного примера, включается в самое основу имени, все же, когда это же наименование страны адъективируется, то надлежащая суффиксация добавляется не к основе имени, а

взамен его исходного слога -ni, ср. именительный падеж E-ti-
 unī и оно же с притяжательным оформлением E-ti-u-ḥini: ŠARRU^{meš}
 MĀTU E-ti-ú-ḥi-ni-li 'цари стран Этиуни, этиунские цари', ср.:
 ḥa-ú-bi ^mE-ti-ú-ni MĀTU 'я взял (захватил) страну Этиуни'
 (Corpus, 13, стк. 14—15, 31—32; Ник. XXI, стк. 4—5).

Такая замена слога -ni полным начертанием суффикса -ḥini
 приводит к выводу о том, что само -ni в своем происхожде-
 нии восходит к той же полной форме -ḥini. Некоторым под-
 тверждением этому служит хотя и редко употребляемое, но все
 же встречающееся написание того же суффикса -ḥini в его усе-
 чении не только в форме -ḥi, -ḥe, но и в форме -ini, -ni. В име-
 нах отчества имеет место и такая усеченная суффиксация, ср.:
^mMenua(ni) ^mIšruīnie 'Менуа сын Ишпуина' (Corpus, 47, стк.
 4—5), вместо обычного: ^mMenua(ni) ^mIšruīnie-ḥi. Притяжатель-
 ный суффикс в этом примере заменен постановкою имени от-
 чества в родительном падеже: Išruīni-e(i) 'Менуа Ишпуина [сын],
 Менуа Ишпуинов', что сближает суффикс -ḥi (-ḥini) с оконча-
 нием родительного падежа по их общей функции выражения
 принадлежности. Более показательным оказывается другой при-
 мер, в котором ясно выступает сокращенная передача суф-
 фикса -ḥini одним его исходным слогом -ni в тех же именах
 отчества, ср. в эргативном падеже Menua-ni-še вместо Menua-
 ḥini-še: ini aše ^mArgišti-še ^mMenua-ḥini-še uštuni; ini aše ^mAr-
 gišti-še ^mMenua-ni-še uštuni 'этот щит Аргишти сын Менуи [в дар]
 направил' (Кар.-Бл. II, стр. 51); ^aḤaldi-e euri-e ini kubuše ^mAr-
 gišti-še ^mMenua-ni-še uštuni 'богу Халду владыке этот шлем
 Аргишти Менуев [в дар] направил' (там же, стр. 50).

Когда имена, снабженные суффиксом -ḥini, не получают
 падежного окончания, этот суффикс обычно выступает в со-
 кращенном написании -ḥi не только в именах отчества, но и
 в топонимических названиях: Eriaḥi 'Эрах', в направительном
 падеже Eria-ḥini-edī. Падежное окончание прибавляется к по-
 следнему слогу -ḥi-ni. Поэтому, при его написании лишь од-
 ним первым слогом, падежное окончание отпадает. Поэтому
 же оно сохраняется при передаче того же суффикса послед-
 ним слогом, ср. в неоформленном падеже имен отчества: Ме-

mu-a-ḥi (Ник. IX, стк. 11), в эргативном падеже Menua-ḥini-še, Menua-ni-še (Кар.-Бл. II, стр. 50—51). То же самое отмечается и в топонимических названиях: Etiuni, в направительном падеже Etiuni-edi, с притяжательным оформлением Etiu-ḥini-li. Слог -ni в названии страны Этиуни включается в его основу, так же как и слог -ḥi в Eriaḥi; тем не менее и тут прослеживается аналогичное положение восходящих к ḥini слогов -ḥi и -ni.

Выражая принадлежность, суффикс -ḥini функционально сближается с показателем родительного падежа и заменяется им в приведенном выше примере с Iṣruini-e, стоящим вместо Iṣruinie-ḥi. Указанные грамматические формы по передаваемому ими содержанию равнозначны. Все слова, сочетаемые с разновидностями суффикса -ḥini, не утратившего своего основного назначения выражать принадлежность, являются, скорее всего, именами существительными в их притяжательном оформлении. Все же они по тому дополнительному значению, которое им придается названным суффиксом, сближаются с прилагательными.

Выражение принадлежности в собственных именах выделяет последние, образуя производную основу, которая в свою очередь склоняется (ср. Menua-ini-ei в родительном падеже). То же самое наблюдается и в более широком кругу вообще имен существительных, которые с прибавлением того же суффикса, равным образом, выделяются своею осложненною основой. Использование суффикса -ini в производных формах имен существительных сближает эти формы с именами прилагательными в большей степени, чем притяжательно оформленные собственные имена. Так, например, от слова alusi 'властитель, владыка, господин' образуется притяжательная форма alusini (alusini) со значением 'принадлежащий владыке, господский', ср.: alusi ÂLU Tuṣrae-patari 'властитель города Тушпы', alusini alsuišini 'принадлежащим властителю величием, властительским величием'. Оба слова стоят в аблативе (инструментальном падеже) на ni: alusini-ni alsuiši-ni, но первое из них, в свою очередь, выделяет основу alusi 'властитель' с ее при-

тяжательным суффиксом *alusi-ni* (*alusi-ini*), ср. также: ^dHal-di-ni-ni *ba-ú-ši-ni* *BĚLU-si-ni-ni* 'по велению Халда владыки' (Сард. лет. С, стк. 30).

В приведенном примере окончание аблатива (-ni) объединяет все три слова: *Haldini-ni*, *baušini*, *BĚLU-sini-ni*. Идеограмма 'господина, владыки' *BĚLU(EN)* содержит перед падежным окончанием притяжательный суффикс -ini, поставленный после исходного слога скрытого идеограммой биайнского слова (*alu*)*sini-ni* (*alusi-ini-ni*). Каждое из трех выступающих здесь слов выделяет различные основы. Слово *baušini* получило падежное окончание, прибавленное к самой основе *baušē* 'слово, веление', тогда как *Haldini-ni* и *alusi-ni-ni* имеют перед окончанием падежа притяжательный суффикс: *Haldi-ini*, *alusi-ini*. Одинаковое оформление обоих слов послужило поводом к их переводу именами существительными: ^dHaldinini *baušini* *alusi-ni-ni* 'велением Халда владыки'. Такое толкование слова *alusi-ni-ni* может встретить возражения.

Положение последнего слова поддается различному объяснению в связи с его идеографическим изображением. Идеограмма *BĚLU (EN)* 'владыка' выступает в надписях взамен часто помещаемого слова *euri*, ср.: ^dHal-di-i-e *e-ú-ri-i-e i-ni* *ABNU ru-lu-si-e* ^mMe-i-nu-ú-a-še ^mIš-ru-u-i-ni-ḫi-ni-še *ku-ú-i-gu-ú-ni* 'Халду владыке эту стелу-надпись Менуа сын Ишпуина начертал' (Corpus, 95, стк. 1—6, 15—21); ^dHal-di-e *BĚLU ŠŪ i-ni* *ABNU ru-lu-si* ^mRu-sa-a-še ^mAr-giš-te-ḫi-ni-še *ku-gu-ni* 'Халду владыке вселенной эту стелу-надпись Руса сын Аргиштия начертал' (Звартноц, стк. 1—3); ^dHal-di-e *BĚLU ŠŪ* ^mAr-gi-iš-ti-še *uš-tu-ni* 'Халду владыке вселенной Аргишти направил' (Кар.-Бл. II, стр. 50). Та же самая идеограмма *BĚLU* в других контекстах сопровождается знаками -si-ni-ni, что дает иное ее чтение (*alusinini*). Слова *euri* и *alusi* оказываются синонимами, но лишь последнее из них получает притяжательную суффиксацию и ставится не после имени Халда, а вслед за *baušini* *uštašini*. Отсюда можно прийти к выводу, что *alusinini* грамматически связывается не с именем бога, а с предыдущим словом, определением которого оно и выступает,

ср.: ^dHal-di-ni-ni uš-ma-ši-ni BÊLU -si-ni-ni ^mRu-sa-a-še ^mSar-du-ri-ḫi-ni-še a-li-e 'Халдовым могуществом властным Руса сын Сардура говорит' (Кологран, стк. 1—2); ^dHal-di-ni-ni ba-ú-ši-ni BÊLU-si-ni-ni 'Халдовым словом властным' (Сард. лет. С, стк. 30). В этих контекстах alusini, так же как и Ḫaldini, выступают притяжательно оформленными именами от основ Ḫaldi и alusi. Все же alusini в его значении 'властный, господский' ближе стоит к тем прилагательным, атрибутивная основа которых специально выделяется.

Путем присоединения того же суффикса -ini могут от общих с существительными основ образовываться прилагательные, получающие отличающуюся от имен существительных грамматическую форму. Так, например, от основы alsui имеют в биайнском языке как имя существительное, так и имя прилагательное, ср. alsuiše 'величие', alsuini 'великий': ul-gu-ú-še ri-su-ú-še al-su-i-še-e 'жизнь, радость, величие' (Corpus, 83—84, стк. 7); ŠARRU DAN.NU ŠARRU RABŪ-ni 'царь могучий, царь великий' (Ник. XII, стк. 9—10; XV, стк. 8), в фонетической передаче тех же идеограмм: ŠARRU tar-a-i-e ŠARRU al-su-ú-i-ni (Corpus, 33, стк. 6—7). Последнее слово (alsuini 'великий') образовано от той же основы, как и alsuiše 'величие', различаясь словообразовательными суффиксами в имени существительном -še (alsui-še) и в имени прилагательном -ini (alsui-ini). Оба эти суффикса выступают в оформлении целого ряда слов. Так, с суффиксом -še образуются такие имена существительные, как aše 'щит', kubuše 'шлем', meše 'дань, подать', šuše 'овца', ulguše 'жизнь', alsuiše 'величие' и др. Со словообразовательным суффиксом -ini, он же суффикс принадлежности, образуются прилагательные, в том числе alsuini 'великий', сюда же, возможно, относится также alusini 'властный'. Тот же суффикс имеют порядковые числительные.

Когда имя существительное и имя прилагательное получают различные словообразовательные суффиксы, то выделение прилагательных в биайнском языке становится ясным (ср.: alsuiše, alsuini); когда же притяжательная суффиксация заканчивает имя существительное, и тем более собственные имена, причисление

последних к прилагательным вызывает сомнения (ср.: *Ḫaldinili VÂBU-li* 'Халдовы ворота'). Такие имена, в связи с их притяжательной суффиксацией, выступают в предложении определениями, но в позиции определения могут оказаться также и имена существительные, даже без притяжательного суффикса, ср: *qī-ú-ra-a-še ILU^{meš}-še* 'хтонические божества' (Corpus, 29, стк. 9). Оба слова поставлены в эргативном падеже (-še), первое из них *qīra* 'земля, преисподняя', с этой его основой имени существительного выступает в данном словосочетании, не получая грамматической формы прилагательного.

Некоторые прилагательные в биайнском языке, относимые к этой части речи, не поддаются объяснению в их грамматическом построении. Сюда относится упомянутое выше *taraie* 'могучий, могущественный'. Судя по синтаксической позиции, сюда же относится часто встречающееся в титулатуре богов и царских имен слово *kuruni*: ^d*Ḫal-di-ni ku-ru-ni*, ^d*Ḫal-di-ni giš-šu-ri-i ku-ru-ni*; ср. также: ^m*Iš-pu-ú-i-ni ku-ru-ni* ^m*Me-nu-ú-a ku-ru-ni* (Corpus, 14, стк. 7, 12—13).

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Для числовых обозначений биайнская письменность использует ассирийские знаки чисел. Их чтение выступает в единичных случаях. Угон в Биайну богатой добычи рабами и скотом исчисляется иногда в тысячных цифрах. Здесь 'десять тысяч' местами получает фонетическое чтение atibi: 19 255 TUR-še 10 140 AMÊLU SAB^{meš} šeḫerie 23 280 SAL uediani NAPḤARU 5 atibi 2675 AMÊLU taršuanī aliki zaašgubi aliki šeḫieri agubi '19 255 молодых людей (юношей, детей), 10 140 мужчин (воинов) живых, 23 280 женщин, всего 52 675 людей, одних я умертвил, других живыми я увел' (Хорхор; Saucе, XXXVII, стк. 13—14).

Чтение других чисел (порядковых числительных) устанавливается по контекстам только в трех случаях: šusini 'один, первый', tarani 'второй', šišṭini 'третий':¹ в цифровых (идеографических) обозначениях: XXIII ÂLU^{meš} I Ū.ME ašgubi '23 города в один день я захватил'; I Ū.ME MÂTU ebanī ašgubi 'в один день страну я захватил' (Сард. лет. А, стк. 8; С, стк. 8). Примеры с фонетическою передачею числительного 'один': šusini Ū.ME ašgubi 'в один день я захватил' (там же, С, стк. 26—27), ср. также: inanili arniušinili I šali... zaduni; inanieli arniu-

¹ Числительные tarani и šišṭini установлены в этом их значении Д. Мюллером. Его чтение принято большинством исследователей, см.: 'D. H. Müller. Die Keilinschrift von Aschrut-Darga. Wien, 1886, стр. 21, I. Friedrich. Einführung... стр. 18, 61—62. Н. Я. Марр усматривает в этих же словах обозначения времен года; см. его „Заметки по яфетическим клинописям“ (Пгр., 1924, стр. 300—304).

šinili šusini šali zadubi 'те деяния в один год я завершил (там же, А, стк. 29; В, стк. 53—55).

Числительные 'второй' и 'третий' (tarani, šišhini) встречаются в тех же летописях, в подробном перечне походов и завоеваний: ikukani šali AMĒLU-asi^{meš} uštali MĀTU Abilianihinedi 'в тот самый год войска выступили в страну Абилианихи'; ikukani šali tarani uštadi MĀTU Etiuniedi 'в тот самый год во второй раз я выступил в страну Этиуни'; ikukani šali šišhini uštadi MĀTU Uihiruhiedi 'в тот самый год в третий раз я выступил в страну Уихирухи' (Сард. лет. А, стк. 13; С, стк. 6—7; D, стк. 17—18).

Упомянутые порядковые числительные tarani 'второй', šišhini 'третий' следуют за ими определяемыми словами, или занимают в предложении самостоятельную позицию, в связи с чем поддаются двоякому переводу: ikukani šali tarani 'в тот самый год второй' (при описании походов по годам), или 'в тот самый год вторично' (при описании походов одного года). Здесь числительные стоят на том же месте, как и имена прилагательные, ср.: ŠARRU taraie ŠARRU alsuini 'царь могучий, царь великий', или 'царь могуч, царь велик'. Числительное же 'один' šusini, наоборот, предшествует связанному с ним слову, так же как и цифровые обозначения предметов добычи: šusini šali 'один год', ср.: 23 ÂLU^{meš} '23 города', 23 280 SAL uediani '23 280 женщин' и т. д. Отсюда можно прийти к выводу, что šusini относится к количественным числительным. Все же и оно используется в переносном значении, ср.: uštadi AMĒLU-ueli šusinie MĀTU Uelikunigidi ḥaubi MĀTU Uelikunini MĀTU-nie 'я выступил с войском один раз (в первый раз) в страну Уеликуни, я захватил страну Уеликуни' (Сард. лет. F, стк. 16—17).

Порядковые числительные, сближаясь с именами прилагательными, получают тот же словообразовательный суффикс, как и последние.

МЕСТОИМЕНИЯ

Ряд местоимений ясно выделяется двуязычной надписью Келишина (Corpus, 12), в которой дается перевод на ассирийский язык заключительных строк, посвященных формуле проклятия. Заклинательный текст предусматривает возможность злостного использования надписи в своих целях другими лицами, что по самому содержанию текста сосредоточивает в нем наличие различных местоимений, встречающихся и в иных надписях как в такой же формуле проклятия, так и вне ее.

К числу ясно выделяемых в биайнском языке местоимений, по данным заклинательного текста, относятся: *ieše* 'я', *alu* 'кто', *ini* 'этот', *aini* 'иной', *ule* 'другой'. Большая часть перечисленных местоимений встречается в различных падежных формах, получая общие с именами существительными окончания падежей, ср. примеры, взятые из формулы проклятия: *aluše uliše tiulie ieše ini rili agubi* 'кто другой скажет: я этот канал провел' (Corpus, 35, стк. 9—11), все три местоимения выступают подлежащими при переходном глаголе; *aluše ainiei inili dylie* 'кто для другого это сделает' (Corpus, 35, стк. 8—9); *aluše ulie inili duli* в том же значении (Corpus, 31, стк. 24), из трех местоимений здесь только первое стоит в эргативном падеже (-še), другие два поставлены одно в родительном падеже (*aini-ei*), другое с показателем множественного числа (*ini-li*).

Местоимение *ainiei* в приведенном примере представлено в более полной падежной форме *aini-ei*, графически *a-i-ni-e-i*, получающей в таких же текстах других надписей также и сокращенное написание *a-i-ni-i* (Corpus, 38, стк. 5) и даже *a-i-ni*

(Corpus, 21, стк. 17; 27, стк. 31). Различное начертание одного и того же местоимения в одной и той же фразе, несомненно, передает его в одинаковом значении и должно быть отнесено к чисто графическим особенностям клинообразного письма. Такое сокращение грамматической формы вполне оправдывается содержанием контекста, при котором положение местоимения остается ясным и без уточнения его грамматического построения, к тому же в неоднократно повторяемых фразах, обратившихся уже в стереотипные. То же самое приходится иметь в виду и при анализе синонимичного местоимения *ulie* 'иной, другой', которое могло бы быть понято, как стоящее в дательном падеже (*uli-e*), но сама основа данного местоимения оканчивается на *-e*, что подтверждается постановкою его в различных написаниях в эргативном падеже: *ú-li-še* (Corpus, 35, стк. 10), *ú-li-e-še* (Corpus, 36, стк. 10): *a-lu-še u-li-e-še ti-ú-li(-i)-e* 'кто другой скажет' (Corpus, 36, стк. 9—10; 38, стк. 6). Падежное окончание *-še* прибавляется к самой основе, следовательно, предшествующее ему *-e* является огласовкою исходного слога *-li*. Поэтому в форме *ú-li-e* последний гласный, равным образом, может относиться к основе самого местоимения, что подтверждается также написанием того же местоимения без исходного гласного *-e*: *a-lu-še ú-li i-ni-li du-li-i-e* (ИАК, стк. 22—23).

Окончание эргативного падежа *-še* выделяет в местоимениях третьего лица основу: *alu-še, ule-še (uli-še)*. Последнее из них, когда оно выступает косвенным дополнением, стоит в том же тексте без данного падежного окончания: *ú-li-e, ú-li*, ср. в эргативном падеже: *ú-li-e-še, ú-li-še*. Тем самым выясняются как основы местоимений (*alu, ule*), так и их падежное окончание (*-še*). Постановка этих местоимений в эргативном падеже на *-še* соответствует строго соблюдаемым правилам оформления подлежащего при переходных глаголах, когда подлежащим выступают имена существительные и местоимения третьего лица. В первом лице при тех же глаголах подлежащее ставится только в тех случаях, когда на него падает логическое ударение. Тогда глаголу, стоящему в первом лице,

предшествует личное местоимение *ieše* 'я', ср.: ^dHaldinini ušmašini ^mMenuaše ^mIšpuiniḫiniše ini pile aguni ^mMenuai pili tini ^mMenuaše alie... aluše ulieše tiulie **ieše** ini pile agubi 'Халдовой мощью Менуа сын Ишпуина этот канал провел, Менуи канал имя [его]. Менуа говорит:... кто другой скажет: я этот канал провел', дальше следует проклятие (надписи на каналах); aruni ^dHaldiše ^mMenua ^mIšpuiniḫinie ḫaubi ÂLU Luḫiunini 'aal-dubi ÂLU Luḫiunini mešini pii ^mMenuaše alie... aluše ulieše tiulie **ieše** ÂLU Luḫiunini ḫaubi 'дал бог Халд Менуе сыну Ишпуина: завоевал-я город Лухиуни, обложил город Лухиуни данью. Менуа говорит... кто другой скажет: я город Лухиуни завоевал [пусть боги его покарают]' (Corpus, 21, стк. 11—15, 18—19); ^dHaldie BÊLU ini Ê. PARAKKU ^mRusaše ^mArgišteḫiniše šidištuni ^dHaldinini ušmašini ^mRusaše ^mArgišteḫiniše ali qarbi salzi manu ui giei ištini šidauri šuki ^dHaldiše ubardu duni **ieše** šidištubi terubi tini ^mRusai ÂLU TUR 'Халду владыке это обиталище Руса сын Аргиштия воздвиг. Халдовой мощью Руса сын Аргиштия говорит: местность пустынная была, не было источника там проведено. Как бог Халд повеление дал я воздвиг [и] установил имя Русы поселения' (Маку, стк. 1—7).

Сомнение в анализе грамматических форм вызывает, из числа названных выше местоимений, только *ieše* 'я', в котором последний слог *-še* может не быть падежным окончанием. Основа *ie-* в значении местоимения первого лица не прослеживается по биайнским текстам, тогда как в армянском языке имеется такое же местоимение с той же основой (*ies* 'я'). Возможно, что и в биайнском языке в этом местоимении, не получающем дополнительной огласовки, выступает коренное *-š* (*-s*) с односложным чтением последнего слога (*-še*). При таком понимании данной формы (*ieše*, *ieš*) это местоимение окажется стоящим при переходном глаголе не в эргативном падеже подлежащего, а в именительном. Постановка подлежащего в эргативном падеже на *-še*, при этих условиях, окажется в биайнском языке свойственной лишь третьему лицу переходного глагола, что имеет свои параллели в иберийских-кавказских языках.

Личные местоимения при отсутствии в надписях прямой речи могут выступать только в 1-м и 3-м лицах. Местоимение 1-го лица *ieše* (*ieš*) устанавливается в этой форме единственного числа. Что касается местоимения 3-го лица, то, по наличным контекстам, в его значении выступает основа *-ta* 'он' в ее производных формах: *mani* 'он [сам]' и *masi* (*masie*, *mase*) 'свой собственный', ср.: ^m*Ru-sa-a-še* ^m*Ar-giš-te(-hi)-ni-še* *a-li a-lu-še i-ni DUB.TE-e tu-li-e... a-lu-še ti-ni-ni tu-li-e ma-si-e ti-ni te-li-i* 'Руса сын Аргистия говорит: кто эту надпись изничтожит... кто имя-его изничтожит, свое собственное имя поставит' (Звартноц, стк. 31—33, 38—40). Во фразе: *aluše tinini tulie masie tini teli* глаголы *tulie*, *teli* стоят в ясной форме пермансива: *tu-lie* 'изничтожит', *te-li(e)* 'поставит, вставит'. Слово *tini* стоит два раза. В начале оно снабжено суффиксом *-ni* (*tini-ni*), выступающим также в глагольных формах 3-го лица единственного числа объектного спряжения, ср.: *karu-ni* 'покорил-его'. В том же значении энклитики можно видеть тот же *-ni* в слове *tini* 'имя', *tini-ni* 'имя-его'. Во второй раз в той же фразе *tini* выступает своею неоформленной основой, определением к которой служит ей предшествующее *masie* в значении 'свой собственный'. Вся разобранная фраза получает перевод: 'кто имя его изничтожит [и] свое собственное имя вставит'. Текст взят из заклинания и имеет в виду лицо, которое уничтожит в надписи на победной стеле 'имя-его', то есть биайнского царя, и взамен такового вставит свое собственное имя, тем самым присваивая себе деяния, совершенные другим лицом, о чем и говорится в уже приведенной выше фразе: *aluše ainiei inili dulie* 'кто для другого эти [деяния] совершит'. Форма *mani* в значении 'он (сам)' устанавливается условно по той же формуле проклятия, ср.: *mani... ululie* 'его самого... низвергнут'. Слово *mani* выступает прямым дополнением при переходном глаголе, следовательно, стоит в именительном падеже (Corpus, 21, стк. 21).

Под вопросом остаются формы множественного числа личных местоимений 1-го и 3-го лица, так же как и глагольная форма множественного числа 1-го лица. Данные для этого

содержатся лишь в одной надписи (Corpus, 11), отличающейся от других как стилем изложения, так и используемыми грамматическими формами: ^dHal-di-ni-ni uš-ma-a-ši-ni ^mIš-pu-ú-i-ni-še a-li-e ^mSar-du-ri-e-ḫi-ni i-e-še ^mMe-nu-ú-a-še ^mIš-pu-ú-i-ni-e-ḫi-ni-še ^mI-nu-uš-pu-a-še ^mMe-nu-ú-a-ḫi-ni-še ^dHal-di-e-i su-si-i-e ši-i-di-iš-tu-še (стк. 1—6, 17—22, 33—38). После обычного начала: ^dHaldinini ušmašini ^mIšpuiniše ale 'мощью бога Халда Ишпуин говорит' следует повествовательный текст, содержащий ряд собственных имен, стоящих в эргативном падеже, и глагол, который по согласованию с ними должен был бы стоять в 3-м лице множественного числа с объектным показателем -ni, относящимся к слову suse 'сооружение' (или без него, но с показателем субъекта). Между тем, глагол получил необычное окончание -še (šidištu-še).

Можно полагать, что на оформление глагола оказало влияние присутствие местоимения ieše, которое перевело всю речь на 1-е лицо. Но согласование глагола с ieše 'я', в его единственном числе, должно было бы отразиться и на личном показателе глагола, которому надлежало получить окончание 1-го лица -bi (šidištu-bi). Очевидно, местоимение ieše дало направление действию со стороны 1-го лица и в то же время, по совокупности с остальными именами, придало ему значение множественности. При этом имя отчества (Sardurieḫini) стало на самостоятельное место, начиная само повествование и отрываясь тем самым от обычного местоположения имен отчества. Изложение речи царя Ишпуина начинается с упоминания его отца, потомство которого перечисляется дальше, а именно сам говорящий царь (ieše 'я'), его сын Менуа и внук Инушпуа. Получается следующий перевод: 'Мощью бога Халда Ишпуин говорит: потомство Сардура, я, Менуа сын Ишпуина. [и] Инушпуа сын Менуи святилище бога Халда воздвигли-мы'. Местоимение ieše и тут остается в единственном числе.

Указательным местоимением выступает упомянутое выше — ini 'этот', во множественном числе ini-li 'эти'; в единственном числе: ini Ê.GAL šidištuni 'эту цитадель он

воздвиг' (Corpus, 59, стк. 3); *ini ABNU pulusi kuguni* 'эту стелу-надпись он начертал' (Corpus, 84, стк. 3); во множественном числе: *aluše ainiei inili dūlie* 'кто для другого эти [поступки] совершит' (формула проклятия); *inili tarmanili athuali šidištuali* 'эти... воздвиг' (Corpus, 87, стк. 2—4); ^m*Rusaše* ^m*Sarduriḫiniše alie ieše inili ebanili... bura-aštuli* 'Руса сын Сардура говорит: я эти страны... подчинил' (Кологран, стк. 1—3). В близком к *ini* значении выступает местоимение *inani*, которому по контексту соответствует содержание местоимения 'тот', во множественном числе *inani-li* 'те', ср. в единственном числе (после перечня добычи); *inani ŠARRU-e lupabi* ['всё] то царю пришло' (Сард. лет. А, стк. 11; С, стк. 45); во множественном числе: *'aaldubi meše* ^m*Sardurie ariede inanili IV Ê.GAL^{meš}* 'наложил я дань, Сардуру пусть дает те четыре цитадели' (Сард. лет. А, стк. 18); *inanili arniušinili I šali* ^m*Sarduriše... zaduni* 'те деяния в один год Сардур... совершил' (там же, стк. 29).

В местоимении *inani* можно видеть сложное построение, состоящее из сочетания упомянутого выше местоимения *ini* 'этот', с суффиксом *-ani*, что в итоге слияния привело к выпадению гласного *-i* (*ini-ani*). К такому выводу приводит как наличие в обоих местоимениях общего для них корня *ini*, так и выступление того же суффикса *-ani* в двух других, тоже указательных, местоимениях *ikukani*, *inukani*. Такое объяснение остается условным, все же оно уточняет перевод местоимения *inani* 'этот самый', а при более отдаленном положении предмета — 'тот'. Суффикс *-ani* можно усмотреть также в составе близкого к предыдущим местоимения *ikuk-ani*, которому в текстах вполне соответствует значение 'тот самый', ср.: *ikukanī KASKALU* 'тот самый поход': *biduiaše ikukanī KASKALU ḫaubi ÂLU Maqaltuni* 'обратно (на обратном пути) в тот самый поход взял я город Макалтуни' (Даш-Керпи, стк. 5—6); ^m*Sarduriše alie ikukani šalie šištini uštadi MÂTU Eriaḫiniedi (MÂTU) ebanī ḫaubi* 'Сардур говорит: в тот же самый год в третий раз направился я в страну Эрах [и] страну захватил' (Сард. лет. Е, стк. 19—21).

По-видимому к числу тех же указательных местоимений относится также *inukani*, встречаемое в различных контекстах и поддающееся переводу как местоимение, ср.: *aluše gieī inukani esinini šiuļie* 'кто источник с того места отведет' (Хорхор; Sayce, XLIV, стк. 11—12); ^m*Menuaše* ^m*Išpuiniḥiniše ini esi zaduni... teirdulini inukani esini* 'Менуа сын Ишпуина это место застроил...' (Corpus, 53, стк. 1—2,5; М. Гр. 7, стк. 1—3, 8—9). В первом примере слово *esinini* стоит в аблативе (-ni, в значении исходного падежа). Основа *esini* встречается также в сокращенном написании *esi*, что дает повод видеть в *esini* притяжательную форму 'место-его': *eirsidubi esi'aaldubi mešini riī* 'оставил [я-его] на месте, подвел под дань' (Сард. лет. С, стк. 39); *aluše ini pulusi esini suidulie* 'кто эту стелу с места-ее удалит' (М. Гр. 12, стк. 2—5). Местоимение *inukani* используется в этой полной форме, но имеется и разночтение *inuki* в дефектной надписи: *Ê ini šidišituni inuki...* (Corpus, 10).

Тем самым этимология *inukani* берется под некоторое сомнение. Остаются неясными по своему значению *i-pu-ka-ni e-din* (Сард. лет. В, С, D, E); *i-pu-ka-ḥi-ni-e* ^m*Ru-sa-i-ni-e* (Звартноц, стк. 16). В последнем примере то же местоимение получило притяжательный суффикс -ḥini, выступающий также и в имени царя (*Rusa-ini-e*).

Построению и значению слова *inukani* дают различное объяснение. Так М. Церетели усматривает в *inukani* производную форму от местоимения *ini* 'этот', соединенного с послелогом -uki 'мой' (*ini-uki* 'этот мой') и переводит: *aluše... inukani esinini šiuļie* 'кто... с этого места моего уберет'. Местоимения *inukani* и *ikukani* признаются разновидностями одного и того же слова.¹ При таком толковании конструкции указанного местоимения, притяжательная его форма может дать перевод фразы: *inukaḥinie* ^m*Rusainie* 'это принадлежащее мне, Русе', где само собственное имя стоит в дательном падеже притяжательной же формы (*Rusa-ini-e*). И. Фридрих, так же как и

¹ М. v. Tseretheli. Die neuen haldischen Inschriften..., стр. 28, 42—43.

Д. Мюллер, выделяет *ikukani* с его значением 'тот самый'.¹ Возможна иная этимология местоимения *inukani*. В нем можно выделять составные части *ini-uki-ani*. В первой из них можно видеть местоимение *ini* 'этот', во второй части — послелог *uki* 'мой', в третьей части — тоже послелог (*-ani*) со значением 'самый', ср. *iniani* (*ini-ani* 'этот самый'). Значение слова *inukani* нуждается в уточнении.

Остальные местоимения выделяются, равным образом, не вполне уверенно. Так в число относительных и определительных местоимений включается *ali*, не везде отчетливо выступающее в значении 'кто, который' и устанавливаемое лишь приблизительно, ср.: *ali meše* ^m*Argištie* ^m*Diauhiniše* *aguni* 'какую [м. б. всю — ?] дань Аргиштию Диаухини дал' (Sause, XLV, стк. 19—20), *Ê murili ali AMÊLU ABU-še AMÊLU ABU. ABU-še zaduali* 'сооружения, какие отец [и] дед сделали' (Сард. лет. С, стк. 27—28). Все же не подлежит сомнению, что *ali* в его местоименном значении лишь графически совпадает с глаголом *alie* (*ali*) 'говорит'. Более ясным выступает производное от *ali* определительное местоимение *aliki*, обычно повторяемое два раза в значении 'один... другой', ср.: *aliki zaašgubi aliki BALTU agubi* (Сард. лет. В, стк. 45—46); *aliki zaašgubi aliki šehiri agubi* (Хорхор; Sause, XL, стк. 37—38) 'одних умертвил я, других живыми увел'.

Не вполне ясны встречающиеся в надписях такие слова как *mei*, *meini*, совпадающие по своей основе с энклитическим местоимением первого лица *-me* 'мне, меня'. Выступая самостоятельными словами, *mei* *meini* не имеют отношения к местоимению 1-го лица, что ясно видно из формулы проклятия, где речь идет о 3-м лице, о нарушителе надписи, и где *mei* выступает в заключительных строках, занимая по отношению к связанным с ним словам то препозиционное, то, чаще, постпозиционное положение, ср.: *mei tini mei armuzi mei zilbi* (Звартноц, стк. 44—46); *pini mei arhi uruliani mei inaini mei* (Cor-

¹ I. Friedrich. Einführung . . ., стр. 18, 39; Г. А. Меликишвили. ВДИ, 1953, № 1, стр. 272—273.

pus, 34, стк. 12—13 и др.). В слове *mei* усматривается или личное местоимение 3-го лица, или же соединительный союз 'и'. Те исследователи, которые видят в нем местоимение, возводят его к основе косвенных падежей местоимения 3-го лица (*me*) и форму *mei* считают за родительный падеж (Сэйс, Леманн-Гаупт, Гётце).¹ Сюда же относят и реже встречающуюся форму *meini*, указывающую на лицо, подлежащее божественной каре: *meini^d Haldiše... kilituni* 'его бог Халд [и другие боги] изничтожат' (Corpus, 13, стк. 30—31). Другая форма, *meki*, оставляется без объяснения как не получившая в Келишинской билингве соответствующего перевода, тогда как *mei* в заклинательных текстах биайнских надписей имеет в ассирийских формулах проклятия своим соответствием *šu* 'его', повторяемое три раза, так же как и *mei* в биайнских текстах.

И. Фридрих отрицает местоименное значение *mei*, усматривая в нем союз 'и'. Его же он видит и в *meini*, объясняемом как составное слово, состоящее из союза 'и' и объектного показателя 3-го лица *-ni*: *mei-ni* 'и его, также его'. И. Фридрих, как и М. Церетели, сохраняют за *mei* в формуле проклятия и в других текстах значение соединительного союза. В подтверждение приводится текст из летописей, где после перечня добычи, взятой самим царем, говорится: *mei ali AMĒLU A. SI^{meš} -še partu šeri partu* 'и что войска захватили, отдельно захватили-они' (Сард. лет. А, стк. 11—12).²

В биайнском языке устанавливается наличие нескольких энклитических местоимений, прибавляемых не только к именам, но и к глаголам. К числу таких местоимений-энклитик относятся *-me*, *-uki*. Имеются основания причислять сюда же и *ni*, выступающее показателем 3-го лица. Первое из них (*-me*) встречается и в именных и в вербальных формах, означая

¹ ZA NF V, стр. 121; Corpus, стр. 68, 158, 163—164.

² М. Церетели, ук. соч., стр. 35; Caucasia, VII, стр. 82; VIII, стр. 135—136, 140. Г. А. Меликишвили видит в *mei* отрицательную запретительную частицу, употребляемую также в значении союза 'но'; см. ук. соч., стр. 284—285.

действие, направленное в пользу 1-го лица ('мне'): *iu* ^d*Ḫaldiš-me* *ŠARRU-tuḫi aruni* 'Когда бог Халд-мне царскую власть даровал' (Сард. лет. G, стк. 2); *aru-me meše* 'дал-мне дань' (там же E, стк. 54); *ḫašial-me ILU^{meš} zatu-me KASKALU* 'соблаговолили-мне боги, сделали-мне (открыли-мне) путь' (там же E, стк. 47). В именах существительных -*me* ставится после падежного окончания (*Ḫaldiš-me*). В глаголах, обозначая косвенный объект, -*me* заменяет другие объектные показатели, ср.: *aruni* 'дал-его', *aru-me* 'дал-мне'. Субъектные показатели глагола сохраняются: *ḫašia-l(i)-me* 'соблаговолили-они-мне' (непереходный глагол); *za(d)-tu-me* 'сделали-они-мне' (переходный глагол).

В текстах неоднократно встречается -*uki*, выступающее в значении поссессивного энклитического местоимения того же 1-го лица ('мой'), ср.: *terubi ini pulusi* ^d*Ḫaldie euri-uki* 'установил я эту надпись богу Халду владыке-моему' (М. Гр. 10—11, стк. 4—5); *MÂTU AŠŠUR (AMÊLU) ḫuradie (MÂTU) ebani-uki ašdu* 'страны Ассирии войска страну-мою...', (Хорхор; Sause, XXXIX, стк. 25). Заканчивая построение слова, -*uki* предшествует падежным окончаниям, ср. в направительном падеже на -*edi* (*ebani-uki-edi* 'в страну-мою'): *Ē.GAL^{meš} ištini šidiš-tubi (MÂTU) ebani (MÂTU) ebani-uki-edi abilidubi* 'цитадели там я воздвиг, страну к стране-моей присоединил' (Сард. лет. E, стк. 23—24).

То же самое -*uki* усматривается также в составе слова *kauki* со значением 'предо мною': ^m*Sarduriše alie nunabi kauki* ^m*Nidini ŠARRU MÂTU Uelikuḫi suluštibi AMÊLU-bura-aštubi mešini piei 'aaldubi meše* ^m*Sardurie aride* 'Сардур говорит: пришел ко мне Ниди(ни) царь страны Уеликухи, пал ниц, я подчинил [его], под подать подвел, дань Сардuru пусть дает' (Сард. лет. F, стк. 19—21). Выступающее здесь слово *kauki* разлагается на послелог -*kai* и притяжательное местоимение -*uki* (*kai-uki*, отсюда — *kauki*). Эта грамматическая форма нуждается в объяснении. Сомнение вызывает само его построение, в котором, при даваемой ему этимологии (*kai-uki*),¹ полу-

¹ М. Церетели, ук. соч., стр. 36, 40—43, 52; И. Фридрих, Einführung . . ., стр. 66.

чается стечение гласных *-i-u*, образующих дифтонгизированный звук *-iu*, графически передаваемый или двумя гласными *-i-u*, или же одним *-i*, ср.: *qiuḡa*, *qīḡa* 'земля'. Все же в данном случае могла иметь место не дифтонгизация, а выпадение гласного *-i* и сокращенное написание сложного слова, в котором *kaī* сохранило еще значение знаменательного слова, ставшего затем послелогом. За это говорит добавление к нему энклитики *-ukī* и постановка всего получившегося слова в направительном падеже на *-d(i)*: *kaī-ukī-d* 'ко мне', что вполне соответствует положению *-ukī*, получающему после себя окончания падежей.¹ Такая форма в полном ее написании имеется, ср.: ^m*U-tu-ru-ur-ši-ni ŠARRU* ^m*Di-i-a-ú-e-ḥi nu-na-bi ka-a-i-ú-kid* 'Утупурши царь Диауехи пришел ко мне' (*Corpus*, 27, стк. 12—13). Перевод слова *kaukī* 'предо мною' подкрепляется ссылками на ассирийские соответствия: биайн. *kaī*, ассир. *ina ra-an* (Келишин, 1/1, 16/14, 25/22); биайн. *kaukī*, ассир. *ina rāni-ia* (Топсау, 13/12).

В 3-м лице энклитические местоимения слабо прослеживаются благодаря широко развернутой притяжательной суффиксации. Лишь объектный показатель *-ni* выделяется в глаголах, получая соответствующие параллели и в именных формах, аналогично энклитическому местоимению *-me*, но в значении 3-го лица, ср. в 1-м лице: *aluš-me* 'кто-мне', *aru-me* 'дал-мне'; в 3-м лице: *aluš-ni* 'кто-его', *aru-ni* 'дал-его': *aluš-me ŠARRU-tuḥi tarae aru-ni* 'кто-мне царскую-власть могущественную дал-ее' (*Corpus*, табл. XXXIX, стк. 23—24); *aru-me meše* 'дал-мне дань' (*Сард. лет. Е*, стк. 54), ср. также в формуле проклятия: *aluše ini DUB.TE tulie aluše pitulie* 'кто эту стелу разрушит, кто повредит' (*Corpus*, 27, стк. 29—30); *aluš-ni tulie aluše pitulie* 'кто-ее (т. е. стелу) разрушит, кто повредит' (*Corpus*, 29, стк. 6); *aluše tini-ni tulie* 'кто имя-его [на надписи] уничтожит' (*Звартноц*, стк. 38—39). Исходя из наличного материала, И. Фридрих с полным основанием приходит к выводу о том, что *-ni* в указанном его использовании, так же как и *-me*, выступает энкли-

¹ Ср.: *ebani-ukī-edī* 'страху мою'.

тикою с местоименным значением.¹ Возможно, что это же энклитическое -ni выступает в форме т. н. „двойственного винительного падежа“, которому в биайнском языке нет места, как и простому винительному падежу, ср., например, неясное по своему значению слово manini, возводимое к местоимению 3-го лица manī ‘он (сам)’, так же как и упомянутое выше tini-ni возводится к основе tini: ^dHutuinie ^mMenuaše ^mIšruinie-
hīnieše ini ABNU pulusi kuguni manī-ni ^dHutuini bidini ‘богу Ху-
туини Менуа сын Ишпуина эту стелу-надпись начертал, она-его
Хутуиново подношение’ (?) (Corpus, 84, стк. 1—4).

В связи с отмеченными выше стилистическими особенностями текстов, избегающих прямой речи, не представляется возможным по наличным письменным памятникам выявить местоимения 2-го лица.

Анализом текстов и сопоставлением их с ассирийскими переводами в билингвах удастся установить в биайнском языке следующие местоимения:

личные: ieš(e) ‘я’; manī ‘он’ (в параллельных формах: meini ‘он’ ?, в родительном падеже mei ‘его’ ?);

притяжательные: masi ‘свой’;

относительные: alu ‘кто’, в эргативном падеже aluše, с энклитикою aluš-me ‘кто-мне’, aluš-ni ‘кто-его’; (ali ‘кто, какой?’) aliki(d) ‘один-другой’; ule (uli) ‘другой’, в эргативном падеже: uleše (uleše, uliše), в дательном падеже: ulie (?); aini ‘иной какой-либо’, в родительном падеже: ainiei, ainii, aini;

указательные: ini ‘этот’, во множественном числе inili ‘эти’; inani ‘тот’, во множественном числе inanili ‘те’; ikukani ‘тот самый’ (возможное его разночтение: inukani?);

энклитические: -me ‘мне’; -uki ‘мой’; -ni ‘его’.

¹ Caucasica, VIII, стр. 137; Einführung. . ., стр. 17.

СОЮЗЫ И ПОСЛЕЛОГИ

Нередко встречающееся *iū* получило в Келишинской (и лингве ассирийский перевод *kii* 'когда', ср.: *iū* ⁴*Aldi-kāi* *LU* *Ardinidi* *punali* 'когда пред богом Халдом [Ишпуин и Мешуб] в город Ардини пришли' (Келишин, стк. 1—2); *iū* *MĀTU* *Uhimeame* *ḥaubi* *biduiaše* *ikukani* *KASKALU* *ḥaubi* *LU* *Maqaltuni* 'когда я страну Ухimea(ме) захватил, на обратном пути в тот же поход я захватил город Макалтуни' (Даш-Керши стк. 4—6). Слово *iū* в значении союза 'когда' выступает с полной определенностью. Под некоторым сомнением остается грамматическая форма географического названия *Uhimeame*, в котором последний слог *-me* может и не относиться к самой основе. В нем можно было бы также усмотреть энклитическое местоимение 1-го лица 'мне', поскольку вся речь ведется в этом лице: *MĀTU* *Uhimeame* *ḥaubi* 'страну Ухimea мне (себе) я захватил'(?).

Контексты различного содержания указывают на возможность относить к числу соединительных союзов *e'a*, который в формуле проклятия занимает иногда такое же место, как и слово *mei*, что дает основание считать также и последнее из соединительный союз того же значения, ср.: *mei* *ṭini* *mei* *akmuzi* *mei* *zilbi* *qiuraidi* *kulituni* 'и имя, и род, и потомство в землю (преисподнюю) низвергнут' (Звартноц, стк. 44—47). В том же союзном значении отмечается также слово *e'a* в тех же контекстах формулы проклятия: ... *ṭi-ni-e-ni* *ma-a-ni* *e'a* *zi* *ḥi* *ḥi* *qi-i-ú-ra-a-ni* *e-di-ni* 'имя-его, его (самого) и потомство' (Corpus, 29, стк. 10—11). За возможность такого перевода

слова е'а говорит также и нижеследующий контекст: Ê. GAL badusie šidišituni ÂLU šidišituni ui giei ištini šidauri ^mMenuaše ^mIšpuiniḥiniše šidišituni e'а Ê. GAL e'а ÂLU 'цитадель величественную (?) воздвиг, город воздвиг, источника там не было, Менуа сын Ишпуина воздвиг как цитадель, так и город' (Corpus, 69). Если признать за meī и e'а близкие синонимичные значения 'и, как, также', то от первого из них не трудно усмотреть производную форму meī-nī, образованную от названного союза с энклитическим местоимением 3-го лица (-nī 'его'): meī-nī 'и его', как это и делает И. Фридрих,¹ ср.: meīnī ^dḤaldiše... kulituni 'и его Халд [и другие боги] низвергнут' (Corpus, 13, стк. 30—31). И. Фридрих все же не считает такое объяснение данной грамматической формы окончательным. Признание за словом e'а значения союза имеет больше данных, так как другие значения ему менее подходят, между тем meī и по грамматическому построению и по смыслу фраз, где оно встречается, может быть отнесено также к местоимению 3-го лица с его основой ma. В этом случае meī-nī, при том же энклитическом -nī, получает перевод 'его самого'.

Что касается тоже часто встречающегося ui, который не которые исследователи, равным образом, считают за соединительный союз, то в нем вернее признать частицу отрицания, вполне уместную в этом ее значении, если правильно даваемое И. Фридрихом чтение текстов, повествующих об орошениях мест, очевидно до того бесплодных за неимением водохранилищ. Их обозначение словом giei сопровождается названною частицею ui, указывающею на отсутствие таковых, ср.: qīurani šulie manu ui giei ištini manuri... ieše ini GIŠ-uldie terubi... pili NÂRU Ildaruniani agubi 'земля бесплодная (?), источника там не было сделано... я виноградник разбил... канал от реки Илдаруниани провел' (Звартноц, стк. 7—8, 10—11, 14—15); qīurani quldini manu ui gii ištini šidauri NÂRU Munani IV...

¹ Caucasia, VIII, стр. 135, 140; Einführung... , стр. 20, 45. Другие исследователи видят в meī родительный падеж местоимения третьего лица. Г. А. Меликишвили считает meī отрицательною запретительною частицею (см. ук. соч. стр. 284).

agubi GIŠ-uldie GIŠ-zarie terubi zadubi arnišinili ištini ^mArgišṭini ^mMenuaḫi 'земля неплодородная (?), колодцев там сооружено не было. От реки Муна(ни) четыре [канала] я провел, виноградники, фруктовые сады разбил, совершил [эти] деяния там Аргишти сын Менуи' (Ник. XI, стк. 6—11).¹

При господстве в биайнском языке агглютинации не всегда удается отделить послелог от широко развитой суффиксации. Наиболее ясно, благодаря Келишинской билингве, выделяется послелог -kaī с его ассирийским соответствием ina rān в значении 'перед, пред'. Послелог -kaī присоединяется к именам, стоящим в именительном падеже: ^dḪaldi-kaī 'пред Халдом', ^mMenua-kaī 'пред Менуей': iu iu ^dḪaldi-kaī ÂLU Ardinidi nunaḫi ^mIšruinini ^mSardureḫe ^mMenua ^mIšruiniḫe 'когда наконец пред богом Халдом в город Ардини пришли Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина' (Келишин, стк. 25—27); karuni ^mErikuahī MÂTU-nie karuni ÂLU Luḫiunini tequnⁱ ^mMenua-kaī '[войско] покорило Эрикуахи страну, покорило город Лухиуни(ни), повергло пред Менуей' (Corpus, 21, стк. 2—3). Тот же послелог, но в значении самостоятельного слова, усматривается в сочетании с энклитическим местоимением -uki 'мой': kauki 'предо мною, ко мне', передаваемом иногда сочетанием знаков ka-a-i-ú-kid, где полностью выступают обе составные части слова (см. стр. 108).

Келишинская билингва уточняет значение еще одного послелога — edin(i) 'ради': ulgušiani edini naḫuni 'жизни ради [он] принес' (стк. 13—14), ассирийское соответствие: ana ruut balâtišu naši (стк. 12); ^dḪaldie eurie ini kubuše ^mSarduriše ^mArgišṭiḫiniše uštuni ulgušiani edini 'богу Халду владыке этот шлем Сардур сын Аргиштия поднес жизни ради' (Кар.-Бл. II, стр. 50). Хорошо поддающееся переводу в только что приведенных примерах, то же самое edini в других биайнских текстах далеко не везде выступает со столь же ясным значением, хотя отнесение его к числу послелогов и тут не под-

¹ Переводы И. Фридриха см: Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes; т. 47 (1940), стр. 187—198.

вергается сомнению, ср.: MÂTU šu-ra-a-ni e-di-ni te-ru-ú-bi 'вселенной ради...' (Сард. лет. G, стк. 3); AMĒLU ú-ru-ur-da-a-ni e-di-ni tu-ru-ú-bi 'ради (для) урурдана', по-видимому какого-то должностного лица (там же, стк. 11). Менее понятно положение edini во фразе, взятой из заключительных строк формулы проклятия: ...ti-ni-e-ni ma-a-ni e-'a zi-li-bi qi-i-ú-ra-a-ni e-di-ni, получающих условный перевод: 'имя-его, его (самого) и потомство (с потомством) земли (преисподней) ради', то есть предназначают его аду —? (Corpus, 29, стк. 10—11). Неясным остается значение edin(i) в его сочетаниях с inukani в заключительных строках летописных столбцов: i-nu-ka-a-ni e-di-ni (Сард. лет. C, стк. 54; E, стк. 56—57); i-nu-ka-ni e-din (там же B, стк. 58; D, стк. 53). Еще менее ясно отношение edini к edia (по-видимому совершенно различные слова), ср.: uš-ta-di MÂTU Ur-me-ú-e e-di-a XI Ê. GAL^{meš} ha-ú-bi (Сард. лет. A, стк. 22). Речь идет о походе в страну Урмию и о захвате в ней ряда крепостей. Здесь слову edia больше всего подходит значение 'внутри': 'Направился я внутрь страны Урмии [и] захватил одиннадцать цитаделей'. Все же и тут не устраняется возможность видеть в edia тот же послелог с его отмеченным выше значением 'ради', 'за'. Правитель Биайны говорит о том, что в тот же год своего царствования (ikukanī šali) он выступил в третий раз (šišṭini) из-за (edia) страны Урмии, где и взял одиннадцать укрепленных пунктов.¹

Выделение другого послелога -ri 'под', сочетаемого с аблативом на -ni, возбуждает большие сомнения в связи с различными его написаниями и различным значением во встречающихся словосочетаниях. Даваемому этому послелогу значению отвечают его сочетания со словом mešini (аблатив от слова meše 'дань'), где ri, графически ri-i, ri-e-i, всегда стоит после связанного с ним слова: me-ši-ni ri-i 'a-al-du-bi; me-ši-ni ri-e-i

¹ Г. А. Меликишвили выделяет послелога -edia 'к', 'в направлении' с родительным-дательным падежом множественного числа, и -edini 'из' 'от', 'из-за', 'ради' с творительным падежом. По его мнению, edini и edia употребляются так же самостоятельно, как наречия места: edia 'там', edini 'оттуда'; см. ук. соч., стр. 284.

'a-al-du-bi; 'a-al-du-bi me-ši-ni ri-i (Сард. лет. А, стк. 17—18; С, стк. 39; F, стк. 20). Приурочение -ri значения послелога 'под' в этой фразе допустимо при даваемом переводе: 'я под дань подвел, сделал данником', но обособленную остается грамматическая форма Менуа-rii (Corpus, 55; М. Гр. 12, стк. 8), где тот же послелог -ri присоединяется к собственному имени, стоящему в именительном падеже (ср.: Менуа-kaī 'перед Менуей'), а не в аблативе, как то выдержанно выступает в meši-ni-rii. Включение в число его же разновидностей более сложной формы riēni, графически ri-i-ni, ri-e-i-ni, ri-e-i-ni-e (Corpus, 31, 34, 36), остается без достаточного обоснования. Это слово неоднократно встречается в формуле проклятия после идеограммы бога Солнца: ^aŜAMAŜ-ni riēni, с неясным их переводом. Отнесение сюда же ali-ri с его условным значением 'и кто' еще более сомнительно, как в этимологии ali (местоимение 'кто', 'какой' — ?), так и в выделении слога -ri в позиции послелога: a-li-ri ku-lu-ar-ši-i-bi (Сард. лет. F, стк. 27).

По действующим внутренним законам развития биайнского языка в нем выдержанно выступает суффиксальная агглютинация, чем этот язык в известной степени отходит от схемы иберийско-кавказских языков. В биайнском языке, следуя тем же закономерностям, служебные частицы занимают постпозиционное место. Поэтому систему предлогов установить в данном языке не удастся.¹ Неясным в связи с этим остается не поддающееся точному переводу слово pari, выступающее в служебном значении и занимающее в то же время препозиционное положение: uštadi MÂTU Babilunie (MÂTU) ebanigidi ĥaubi MÂTU Babiluu (MÂTU) ebanī kuteadi pari MÂTU Baru atainia 'выступил я в страну Бабилу, захватил страну Бабилу...' (Сард. лет. А, стк. 4—6); ĥaubi ÂLU Irdaniuni pari MÂTU Išqigulu 'я захватил город Ирданиуни...' (Ник. V, стк. 4—5)

¹ Все же Г. А. Меликишвили находит возможным выделить и в биайнском языке предлоги, к числу которых он относит ka(i) 'перед' и pari 'до', последнее под сомнением, см. ук. соч., стр. 284.

Послелого, наоборот, поддаются выделению, но до сих пор еще прослежены далеко не в достаточной степени. Присоединение некоторых из них непосредственно к основе имени, что не противоречит послеложной системе, сближает их по своему оформлению с показателями падежей, с которыми они все же не сливаются (ср.: Menua-kai 'пред Менуей', Haldi-kai 'пред Халдом'). В числе послелогов более ясно выделяются только два, а именно: kai 'пред', edini 'ради'.

Что касается союзов, то их число остается крайне ограниченным в связи со стилем речи клинописных памятников, избегающих союзных сочинений как при перечне собственных имен, так и в самом изложении повествуемых событий, ср.: ^mMenua ^mIšruinieḫinie ^mInušrua ^mMenuaḫinie ulguše rišuše alsuišee 'Менуе сыну Ишпуина [и] Инушпуе сыну Менуи жизнь, счастье, величие' (Corpus, 83—84, стк. 5—7); uštali ^mIšruinini ^mSardurieḫi ^mMeinuani ^mIšruinieḫi suidutu ^mUteruḫi ^mLušaa ^mKatarzaa 'выступили Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина, повергли они Утерухи, Луша, Катарца' (Corpus, 13, стк. 25—30); uštabe ^mMenuani ^mIšruinieḫe ḫauni ÂLU Šebeteriani (MÂTU) ebanie ḫauni ÂLU ḫuzanani (MÂTU) ebanie ḫauni MÂTU Supani kutuni parie MÂTU ḫatinaa 'выступил Менуа сын Ишпуина, захватил страну города Шебетериа(ни), захватил страну города Хузана(ни), захватил страну Супа(ни)...' (Corpus, 31, стк. 6—11); nunadi sidištuli inili Ê. GAL^{meš} 'я пришел, восстановил эти цитадели' (Кологран, стк. 15).

Стиль биайнских текстов обуславливает редкое использование союзов. Упоминание покоренных стран и городов одного за другим без соединительных союзов дает основание полагать, что и в формуле проклятия перечень близких преступнику лиц помещается, разным образом, без союза 'и', в связи с чем полная уверенность в правильности отнесения к числу союзов слова meī отпадает. Совершенно неясным остается pari(e), в котором по контексту можно было бы усмотреть разделительный союз (см. приведенные выше примеры: Ник. V, Corpus, 31). Менее спорным в своем значении союза 'и', 'как..., так и' оказывается одно e'a.

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН

Парадигма склонения остается общею для всех имен. Окончания падежей присоединяются к основе слова. Падеж завершает его грамматическое построение и в тех случаях, когда имя получает притяжательную суффиксацию, ср.: Menua-*ini-ei*, где собственное имя Menua, оформленное притяжательным суффиксом *-ini*, стоит в родительном падеже единственного числа (*-ei*).

Имеются два падежа подлежащих, употребляемых в зависимости от выражаемых глаголом непереходности и переходности действия (падежи именительный и эргативный). Из числа косвенных падежей выделяются родительный, дательный и направительный. Менее отчетливо выступает аблатив в его инструментальном и транзитивном значениях. Еще менее ясен местный падеж. Формы множественного числа не объединяются общим для них показателем.

Именительный падеж. Неоформленная показателем падежа основа слова. Выступает подлежащим при непереходных глаголах и прямым дополнением при переходных, где подлежащее ставится в эргативном падеже на *-š(e)*: ⁴Haldie eurgie ^mMenuaše ^mIšpuiniḥiniše ini susi šidištuni 'богу Халду владыке Менуа сын Ишпуина это сооружение воздвиг' (Corpus, 66, стк. 2—3). При переходном глаголе (šidištuni 'воздвиг-его') подлежащее ^mMenua-še ^mIšpuiniḥini-še стоит в эргативном падеже, прямое дополнение ini susi 'это сооружение' поставлено в именительном падеже, ср. с непереходным глаголом: ^ĀLU Ardinidi nunali ^mIšpuinini ^mSardureḥe ^mMenua ^mIšpui-

niḫe 'в город Ардини (Мусасир) пришли Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина' (Corpus, 12, стк. 26—27). Имя Менуа стоит в именительном падеже.

В именах собственных, когда особо выделяется значение этих имен, они получают в именительном падеже суффикс -ni. Так, при глаголах движения царские имена обычно снабжаются данным суффиксом: *ustabi^m Menua-ni* 'выступил Менуа'. Возможно, что таким способом выделялись имена правителей среди других имен; например, в начале Келишинской билингвы говорится о походе в Мусасир Ишпуина и его сына Менуи. Имя первого снабжено упомянутым суффиксом -ni, тогда как второе оставлено с неформленной своей основой: *iu^d Aldi-kai ÂLU Ardinidi nunali^m Išpuini-ni^m Sardureḫe ŠARRU DAN.NU ŠAR MÂTU-šuraue ŠAR MÂTU Biainaue alusi ÂLU Tušraa-ÂLU^m Menua^m Išpuiniḫe* 'когда (пред) ради бога Халда в город Ардини (Мусасир) пришли Ишпуин сын Сардура, царь могучий, царь вселенной, царь страны Биайна, властитель города Тушпы, [и] Менуа сын Ишпуина' (Corpus, 12, стк. 1—5). Можно полагать, что в надписи нарочито выделено имя Ишпуина, снабженное, кроме упомянутого суффикса -ni, еще и царским титулом, в отличие от имени Менуи, лишенного и того и другого. Отсюда можно заключить, что в этом походе Менуа еще не был соправителем Ишпуина и что царствовал один последний, которому и приурочена царская титулатура. В периоды совместного правления оба имени помещаются с тем же дополнительным суффиксом: *uštali^m Išpuini-ni^m Sardurieḫi^m Meinua-ni^m Išpuinieḫi* 'выступили Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина' (Corpus, 13, стк. 25—28). Когда тот же Менуа царствует один, имя его, равным образом, снабжается суффиксом -ni: *uštabi^m Menua-ni^m Išpuinieḫi* 'выступил Менуа сын Ишпуина' (Corpus, 21, стк. 5—6).

Такое же выделение собственных имен, которым придается особое значение, наблюдается и в географических названиях.

Например, в Хорхорской летописи (Sausse, XL) идет речь о походе в страну Мана и о ее покорении. Название страны в направительном падеже на -idi (*MÂTU Mana-idi*)

выделяет основу Мана, между тем то же имя в положении прямого дополнения, где оно должно стоять в именительном падеже, получает суффикс -ni (MÂTU Mana-ni), ср.: uštadi MÂTU Manaïdi 'я выступил в страну Мана' (стк. 34—35); karuni MÂTU Manani (MÂTU) ebanie 'он завоевал страну Мана' (стк. 16—17). Эта страна, расположенная на востоке от Биайны, была ее соседом, вызывавшим постоянные внешнеполитические осложнения и игравшим в истории Биайны значительную роль. О таком же походе и с таким же упоминанием той же самой страны Мана говорится в летописи Сардура сына Аргишти, причем соблюдаются те же грамматические формы: uš-ta-di MÂTU Ma-na-i-di (MÂTU) e-ba-a-ni ḥa-ú-bi 'я выступил в страну Мана, страну я захватил' (В, стк. 14—15); ka-ru-ni MÂTU Ma-na-ni MÂTU-ni-e 'завоевал страну Мана' (А, стк. 1—2).

Такое выделение названий стран особою суффиксацией (-ni) встречается в биайнских надписях неоднократно, ср. упоминание о походах в Этиуни: uštadi MÂTU Etiuni-edi (Сард. лет. А, стк. 13); karuni MÂTU Etiuni-ni (Ник. VI, стк. 2). Такую же суффиксацию получают и особо отмечаемые города например: uštali ÂLU Meišta-edi... (ḥa)itu ÂLU Meišta-ni 'они выступили в город Меишта... захватили город Меишта' (Corpus, 15, стк. 10, 18). В другой надписи (Corpus, 21; Ник. 1) говорится о покорении двух объектов, страны Эридуахи и города Лухиуни. Название последнего поставлено с тем же суффиксом -ni: ka-ru-ni^m E-ri-du-a-ḥi MÂTU-ni-e ka-ru-ni ÂLU Lu-ḥi-ú-ni-ni 'завоевал страну Эридуахи,¹ завоевал город Лухиуни' (стк. 2—3). Такое выделение названия города не случайно, так как дальше все внимание обращается, главным образом, на него. Он захвачен и обращен в данника: a-ru-ni^d ḥal-di-i-še^m Me-nu-ú-a^m Iš-ru-ú-i-ni-ḥi-ni-e ḥa-ú-bi ÂLU Lu-ḥi-ú-ni-ni 'даровал бог Халд Менуе сыну Ишпуина, захватил-я город Лухиуни' (стк. 11—13); 'a-al-du-bi ÂLU Lu-ḥi-ú-ni-ni me-e-ši-ni ri-i 'подвел-я город Лухиуни под дань' (стк. 13—14). Особое значение города Лухиуни подчеркивается также в за-

¹ Дефектное состояние надписи допускает иное чтение имени завоеванной страны: E-ri-ku-a-ḥi.

ключительных строках заклинания, в которых предусматривается другое лицо, приписывающее себе взятие данного города: a-lu-še ú-li-še ti-ú-li-i-e i-e-še ÂLU zu-ḥi-ú-ni-ni ḥa-ú-bi 'кто другой скажет: я город Лухиуни захватил' (стк. 18—19); подразумевается: 'того пусть покарают боги'.

Использование упомянутого суффикса -ni в данном его назначении (выделение особо значимых имен) указывает на то, что этот суффикс не является таким же падежным окончанием, как и все остальные. Им отмечается грамматической формой то логическое ударение, которым выделяются из ряда имен заслуживающие особого внимания. Тем самым причисление названного суффикса (-ni) к падежным окончаниям оказывается необоснованным. Следовательно, нет оснований для выделения в падежной парадигме особого -ni casus (падежа на -ni). Тем менее оснований усматривать в нем отдельную форму аккузатива (винительного падежа), функции которого в эргативном строе предложения выполняет тот же именительный падеж.¹

Таким образом, в именительном падеже выступает основа имени. Самостоятельное падежное окончание отсутствует. Во множественном числе именительный падеж получает общий с глаголом показатель этого числа -li, ср.: eḅapī 'страна', eḅapī-li 'страны'. Особого падежного окончания и здесь именительный падеж не получает.

Эргативный (активный) падеж. Падеж подлежащего при переходном глаголе. Выступает только в этом значении и передается специальной грамматической формой, не повторяющейся в других падежах. Оформляет подлежащее при переходном глаголе в обоих наличных в биайнском языке временах, ср. в аористе: aruni ^dḤaldi-še ^mMenua 'даровал бог

¹ И. Фридрих выделяет особый -ni Kasus (Einführung . . . , стр. 11, 14—16). Трудно согласиться также с Г. А. Меликишвили, который противопоставляет неоформленный падеж именительному, получающему в единственном числе окончание -ni, к которому во множественном числе присоединяется li, см. ук. соч., стр. 264—265.

Халд Менуе'; в пермансиве: ^dHaldi-še... ululie 'бог Халд [и другие боги] низвергнут' (Ник. I, стк. 11, 20—24).

Падеж выражается слоговым знаком -še, нигде не получающим дополнительной огласовки, что ставит под сомнение чтение его полным слогом. Произношение этого падежного окончания одним согласным -š (-s) подтверждается отдельными примерами его написания слоговым знаком с этим согласным в исходе, ср. ^mIš-ru-ú-i-ni-iš в надписи из Аралеска (Corpus, 10), вместо более обычного ^mIš-ru-ú-i-ni-še. Равным образом, в Келишинской билингве имя бога Халда передается с таким же падежным окончанием: ^dHal-di-iš, вместо ^dHal-di-še, причем имена двух других богов, представленные идеограммами и стоящие в том же эргативном падеже, оканчиваются на -še: ^dHal-di-iš ^dADAD-še ^dŠAMAŠ-še (стк. 40).

В связи с этим возникает вполне обоснованное предположение о чтении данного падежного окончания во всех разновидностях его написания одним лишь согласным -š (-s), который по силлабарной системе клинописной графики должен был передаваться слоговым знаком, то есть сочетанием согласного с гласным (-iš, -še). Для начертания требуемого согласного писцу приходилось прибегать к названным слоговым знакам в их произношении без гласного компонента. Чтение этих знаков сводилось тем самым к одному согласному звуку. За это говорят и такие формы, как ^dHaldiš-me, в которых энклитическое -me присоединилось к имени, стоящему в эргативном падеже (Haldiš-me): i-ú ^dHal-di-iš-me ŠARRU-tu-ḥi a-ru-ú-ni когда бог Халд мне царскую власть даровал' (Сард. лет. G, стк. 2).

Во множественном числе сохраняется то же самое падежное окончание -š(e). Показатель множественного числа добавляется иногда при идеограммах в идеографическом же изображении (-meš), но грамматическая форма падежа, которой заканчивается передаваемое идеограммой имя, при этом не изменяется: ^dHal-di-še ^dADAD-še ^dŠAMAŠ-šc ILĀNI^{meš}-še... ú-lu-(u)-li 'бог Халд, бог грозы, бог солнца, боги... низвергнут' (Corpus, 34, стк. 11—14). Оформление эргативного падежа

во множественном числе тем же -š(e) подтверждается также нижеследующим примером: qīura-še ILÂNI^{meš} -še 'хтонические божества', где определение qīura-še 'подземелье (подземные)' стоит в том же числе и падеже как и определяемое слово 'боги', в порядке согласования с ним: ^dHal-di-še ^dADAD-še ŠAMAŠ-še qī-ú-ra-a-še ILÂNI^{meš} -še (Corpus, 29 об., стк. 8—9).

По стилю биайнских текстов подлежащее в них при переходных и непереходных глаголах выступает в 3-м лице обоих чисел. При действии в 1-м лице субъект получает свое ясное выражение в самом глагольном окончании. Поэтому постановка отдельно стоящего подлежащего становится необязательной и обычно избегается, ср.: ^mMe-nu-a-še a-li-e ḥa-ú-bi ÂLU Ša-ši-lu-ni te-ru-ú-bi i-ni ru-lu-si ^dHal-di-e e-ú-ri-u-ki 'Менуа говорит: захватил-я город Шашилу(ни), установил-я эту стелу богу Халду владыке-моему' (М. Гр. 10—11, стк. 2—5). Глаголы ḥau-bi 'захватил-я', teru-bi 'установил-я' стоят в 1-м лице. Подлежащее при них отсутствует. Все же, в тех более редких случаях, когда действующее лицо специально выделяется падающим на него логическим ударением, в позиции подлежащего ставится местоимение ieše 'я': ^mRu-sa-a-še ^mSar-du-ri-ḥi-ni-še a-li-e i-e-še i-ni-li e-ba-ni-li... bu-ra-aš-tu-ú-li 'Руса сын Сардура говорит: я эти страны... поработил' (Кологран, стк. 1—3); ^mIš-ru-ú-i-ni-še a-li-e ^mSar-du-ri-e-ḥi-ni i-e-še ^mMe-nu-ú-a-še ^mIš-ru-ú-i-ni-e-ḥi-ni-še ^mI-ḥu-uš-ru-a-še ^mMe-nu-ù-a-ḥi-ni-še ^dHal-di-e-i su-si-i-e ši-i-di-iš-tu-še 'Ишпуин говорит: потомки Сардура, я, Менуа сын Ишпуина, Инушпуа сын Менуи бога Халда сооружение воздвигли (Corpus, 11, стк. 2—6, 18—22, 34—38), ср. также в заклинательном тексте: a-lu-še ú-li-še ti-i-ú-li-i-e i-e-še i-ni ri-lí a-gu-bi 'кто другой скажет: я этот канал провел' (Corpus, 47, стк. 15—18 и др.).

Глаголы во всех приведенных примерах поставлены в 1-м лице (agu-bi 'провел-я-его' и др.), тем не менее, при уже ясно указанном действующем лице, все же оно повторено отдельно поставленным личным местоимением (ieše). В этих фразах подчеркивается приписывание именно себе данного деяния, чем и оправдывается помещение означенного местоимения: i-e-še i-ni

GIŠ-ul-di-e te-ru-bi 'я этот виноградник установил (разбил)' (Звартноц, стк. 10—11).

Такие переходные глаголы с 1-м действующим лицом обращают на себя внимание тем, что стоящее при них подлежащее, выраженное личным местоимением, расходится своим грамматическим оформлением с подлежащим, стоящим при тех же глаголах в 3-м лице, чем вносится существенное уточнение в понимание особенностей эргативного строя предложений биайнского языка. Хотя это личное местоимение (ieše) оканчивается на -še, все же возникает серьезное сомнение в том, что данное местоимение стоит в эргативном падеже. Не устраняется возможность того, что конечный слог -še входит в основу самого местоимения, возможно, равным образом, в его усеченном чтении одним согласным -š (-s). За это говорит также и то, что без такого слогового знака (-še) местоимение 1-го лица в клинописных текстах не прослеживается. При таком понимании грамматической формы местоимения ieš(e) оказывается, что местоимение 1-го лица, выступая подлежащим, не получает падежного окончания эргатива и что эргативная конструкция биайнского языка обуславливает постановку подлежащего в эргативном падеже только при 3-м лице переходного глагола.

Таким образом, окончанием эргативного падежа в биайнском языке выступает -š(e), сохраняющее эту грамматическую форму в обоих числах. Эргативный падеж выступает падежом подлежащего при переходных глаголах во всех временах при действии 3-го лица.

Винительный падеж. При действии эргативной конструкции во всех временах биайнского переходного глагола прямое дополнение, в строгом соответствии с правилами эргативного построения предложения, ставится в именительном падеже, ср.: ^aŠiuinie ^mMenuaše ^mIšpuinieḫinieše ini ABNU-pulusi kuguni 'богу Шиуини Менуа сын Ишпуина эту стелу-надпись (ini ABNU-pulusi) начертал' (Corpus, 85, стк. 1—3). В связи с этим, встречающееся оформление имен существительных на ni, ср. karuni MÂTU Etiuni-ni 'покорил страну Этиуни' (Ник. VI,

стк. 2), не может рассматриваться как окончание винительного падежа (Г. Капанцян, Б. Грозный, И. Фридрих). Суффикс -ni, как отмечалось выше, используется для выделения особо значимых собственных имен, стоящих в именительном падеже. Винительного падежа в языке биайнской клинописи нет.

Родительный падеж. Окончанием родительного падежа служит гласный -i, дифтонгизированный в -ei (-eu) при основах имени на -i и сокращаемый в этом своем дифтонгизированном звуке до одного гласного -e. Первая из этих разновидностей окончания родительного падежа чаще выступает в именах с основой на -a, ср.: ^mMenua-i pili tini 'Менуи канал[его] имя' (Corpus, 46, стк. 3 и др.); ^mRusaa-i ÂLU TUR Русы городок' (Маку, стк. 7). Дифтонгизированное -ei обычно 'выступает в именах с основой на -i, ср.: ^mMenua-ini-ei 'Менуевой' (Corpus, 57, стк. 1,4), где то же собственное имя, стоящее в притяжательной форме на -ini, получает основу с конечным гласным -i, ср. также надпись на щите Аргиштия: ^mArgišti-ni-i urišḫusi-ni-ei ^mMenua-ḫini-ei ini aše 'Аргиштиевой крепости сына Менуи этот щит' (Кар.-Бл. II, стр. 51),¹ ^dḪaldi-ei susi šidištuni 'бога Халда сооружение воздвиг' (Corpus, 16, стк. 2,7); ^dḪaldi-ei ÂLU 'бога Халда город' (Нор-Баязет, стк. 6). То же падежное окончание усекается в своем написании до одного гласного -e, ср.: ŠAR MÂTU Biaina-e 'царь страны Биайны' (Corpus, 47, стк. 7); alusi ÂLU Tušpa-e patari-e властитель Тушпы-града' (Corpus, 49, стк. 9—10).

Различную передачу дифтонга -ei, полностью и усечением одного из составляющих его гласных, можно отметить не только в падежных окончаниях, но и в основах отдельных слов, например, в написании слова gi-e-i, gi-i, gi-e 'источник, водохранилище', где основа, оканчивающаяся на -ei, получает все три указанные разновидности своей передачи клинописными знаками (-e-i: -i; -e):ú-i gi-e-i iš-ti-ni ši-da-ú-ri 'не было источ-

¹ Б. Б. Пиотровский не без основания видит в urišḫusini субстантивированное прилагательное, возводимое к BÎTU (Ê) urišḫi 'дом оружия (арсенал, крепость)', отсюда urišḫusi-(i)ni 'оружейный, дом вооруженный, крепость' (Кар.-Бл. II, стр. 55, 63).

ника там устроено' (Маку, стк. 4—5); ú-i gi-i iš-ti-ni ši-da-ú-ri (Ник. IX, стк. 7); ^mMe-i-nu-ú-a-še ^mIš-pu-ú-i-ni-ḫi-ni-še i-ni-i gi-e za-du-ni 'Менуа сын Ишпуина это водохранилище сделал' (Corpus, 71, стк. 2—4).

Можно полагать, что и в падежных окончаниях имели место те же варианты передачи в письме одного и того же суффикса, сводимого к его полной форме -еу, графически представленного знаками -е-і и отдельно одним из них, на что до известной степени влияла исходная огласовка основы склоняемого слова: ^mArgišti-ei ^mSarduri-ei tini 'Аргиштия[и] Сардура имя' (ИАК, 37, стк. 11—12); ^mMeinua-i GIŠ-uldie tini 'Менуи виноградник[его] имя' (Corpus, 56, стк. 14—15); terubi tini ^dTEIŠEBA-i ÂLU 'установил имя Тейшебы город' (Кологран, стк. 17—18); teruni ^dHaldi-i patari tini 'установил бога Халда город имя' (Corpus, 56, стк. 10—11). Имеются некоторые основания усматривать тот же суффикс -е в притяжательном оформлении изафета, ср. приведенный выше пример: ^dHaldi-ei susi-e 'бога Халда сооружение' (Corpus, 11, стк. 6, 22, 38), где само имя божества поставлено в родительном падеже (-ei), а слово, обозначающее предназначенное ему сооружение (susi-e) получило относящийся к нему же притяжательный суффикс (-e): 'бога Халда сооружение-его'.

Названный притяжательный суффикс сближается по своему значению с падежным окончанием, ср.: karuni ŠARRU ^mEriaḫi (MÂTU) ebanī-e 'покорил царя Эраха страны' (Сард. лет. С, стк. 20); ^mKuštašpili ŠARRU MÂTU Qumahaḫie 'Кушташпили царь Кумуха' (там же Е, стк. 41); ŠAR MÂTU Biaina-e 'царь Биайны' (Corpus, 34, стк. 5). В последнем своем написании (-e) окончание родительного падежа графически совпадает с окончанием дательного падежа, в чтении же этого окончания различие, вероятно, имелось, так как в -е родительного падежа можно видеть передачу в письме того же дифтонгизированного звука -еі.

Во множественном числе тот же гласный -е предваряется гласным -и, в котором можно усмотреть графическую передачу билабиального -w. Окончание родительного падежа множест-

венного числа -ue (-we) не получает дальнейших вариантов, ср.: ŠAR MÂTU Biaina-ue ŠAR er(i)ela-ue 'царь страны, Биайн, царь царей' (Corpus, 64—65, стк. 6). Название страны, воспринимаемой как конгломерат областей, входящих в ее состав, стоит во множественном числе, ср. в направительном падеже: ILU^{meš} -ašte MÂTU Biaina-ašte [я обратился] к богам стран Биайн'. Перечень этих богов дается в надписи Мхер-Капуси (Corpus, 18), где упоминаются как единичные боги, так и они же по отдельным областям и городам.

То же название страны ставится иногда и в родительном падеже единственного числа, ср.: ŠAR MÂTU Biaina-ue (Corpus, 31, стк. 20); ŠAR MÂTU Biaina-e (Corpus, 34, стк. 5). Постановка этого названия страны в разных числах выступает также и в направительном падеже, ср.: 'aše SAL-lutu parubi MÂTU Biaina-idi 'мужчин и женщин увел я в страну Биайну' (Сард. лет. В, стк. 18—19); ħutiadi, ^dĤaldi-edi BÊLU-di ^dADAD-di ^dŠAMAŠ-di ILU^{meš}-ašte MÂTU Biaina-ašte 'я обратился к богу Халду владыке, богу грозы, богу солнца, к богам стран Биайн' (Сард. лет. Е, стк. 44—45). Ясное противопоставление окончаний направительного падежа -(e)di в единственном числе и -ašte во множественном указывает на то, что и в формах родительного падежа имеется такое же различие по числам: MÂTU Biaina-e, MÂTU Biaina-ue.

Проведенный обзор разновидностей окончаний родительного падежа дает основание считать основной его формой в единственном числе дифтонгизированное -eu, которое графически передается как парною огласовкою (e-i), так и усеченным написанием одного гласного -e, -i. Во множественном числе выступает падежное окончание -ue (-we).

Дательный падеж. Окончанием падежа выступает гласный -e, ср.: ^dĤaldi-e euri-e 'богу Халду владыке' (Corpus, 70 и др.). При близости в биайнском языке гласных -e, -i и в связи с особенностями передачи в письме дифтонгизированного окончания родительного падежа -ei получается совпадение форм дательного падежа с родительным. Возможно, что такое совпадение выступает лишь в графике. Имена, оканчи-

вающиеся на -а, не получают данного падежного окончания и остаются с неоформленной основой: a-ru-ni ^dHal-di-i-še ^mMe-ni-ú-a 'дал бог Халд Менуе' (Corpus, 21; Ник. I, стк. 11); ^dA-na-ar-ša-a 'богу Анапша' (в перечне богов, которым приносятся жертвы; надпись Мхер-Капуси, стк. 7, 40).

Формы дательного падежа во множественном числе установить с полной ясностью не удастся. Допустимость совпадения его и здесь с родительным падежом множественного числа на -ие нуждается в подтверждении. В доказательство такого совпадения названных падежей во множественном числе приводится перечень имен богов в надписи Мхер-Капуси (Corpus, 18, Мелик., 27), в которой исчисляются жертвы, приносимые каждому из них. Их имена стоят в дательном падеже, ср.: столько-то жертв богу Халду (^dHal-di-e; стк. 3—4), богу Хутуину (^dHu-tú-i-ni-e; стк. 5), богу Турану (^dTú-ra-ni-i-e; стк. 5), богу Уа (^dU-a; стк. 6), богу Анапша (^dA-na-ar-ša-a; стк. 7) и др. Все эти имена стоят в дательном падеже единственного числа (на -е), не получая падежного окончания, когда основа их оканчивается гласным -а. Тут же стоят имена богов на -ие: ^dHal-di-na-ú-e (стк. 13, 16), ^dSu-i-ni-na-ú-e (стк. 19), ^dAr-tú-'a-ar-sa-ú-e (стк. 54), ^dU-a-i-na-ú-e (стк. 20) и др. Такую же грамматическую форму получают упоминаемые здесь же географические названия Алгани (^šĀDU Al-ga-ni-na-ú-e; стк. 18), Бабана (^šĀDU Ba-ba-na-ú-e; стк. 20), городов Ардини (^āLU Ar-di-ni-na-ú-e; стк. 14), Тушпы (^āLU Tu-uš-ra-ni-na-ú-e; стк. 14) и т. д.

В числе тех, кому приносятся жертвы, упоминаются не только боги, но также страны и города. Поэтому, наряду с богами всей Биайны, перечисляются боги — покровители отдельных населенных пунктов и сами последние, названия которых в связи с этим могут стоять не в дательном, а в родительном падеже. Все эти наименования стран и городов образованы от основы, осложненной суффиксом -(i)na. Они же встречаются в надписях и без него; так, Алгани (^šĀDU Al-ga-ni) упоминается в летописи Аргиштия (Sause. XL, стк. 36), город Ардини (Мусасир) упоминается в Келишинской билингве,

город Тушпа хорошо известен в своем обычном написании $\hat{A}LU$ Tu-uš-ra-a $\hat{A}LU$. Эти же названия в надписи Мхер-Капуси выступают в указанной более сложной форме, придающей им особое значение. Сама грамматическая форма может быть понята как состоящая из притяжательного суффикса $-(i)ni$, оканчивающегося суффиксом места $(-a)$: $\hat{A}LU$ Tušrap-in-a 'принадлежащие Тушпе места, районы города Тушпы', $\check{S}\hat{A}DU$ Alganī-na 'районы Алгани', ALU Ardini-na 'районы города Ардини'. Этим и оправдывается постановка их во множественном числе: $\hat{A}LU$ Tušrap-ina-ue, $\check{S}\hat{A}DU$ Alganī-na-ue, $\hat{A}LU$ Ardini-na-ue и т. д.

С таким же суффиксом выступают имена некоторых богов, стоящие с тем же падежным окончанием множественного числа $(-ue)$, например: ${}^dHaldi-na-ue$, ${}^dSuini-na-ue$, ${}^dUa-ina-ue$, ср. их же имена без данного суффикса: ${}^dHaldi-e$ (стк. 3), ${}^dU-a$ (стк. 6). Указанные выше производные от них формы могут быть поняты как заканчивающиеся таким же суффиксом принадлежности и места $-(i)na$. Ими обозначаются связанные с богами-покровителями населенные пункты. Так, с именем бога Тушпа (${}^dTú-uš-ru-e-a$; стк. 21) стоит в тесной связи наименование биайнской столицы города Тушпы ($\hat{A}LU$ Tú-uš-ra-a-e ra-a-ta-ri-e (Corpus, 49, стк. 12) и производное от него $\hat{A}LU$ Tú-uš-ra-ni-na-ú-e (стк. 14). Названия этих населенных пунктов снабжены соответствующими детерминативами страны и города, чем свидетельствуется, что имя бога, получив суффикс $-(i)na$, уже означает географическое название определенной местности. Но эти же названия не отрываются окончательно от своих теофорных покровителей, которым и приносится сама жертва. Поэтому такие названия мест могут сохранять детерминатив, соответствующий имени божества, ср.: ${}^dUa$ 'бог Уа', ${}^dUa-ina-ue$ 'бога Уа местность (Уаина)', ${}^dHaldi$ 'бог Халд', ${}^dHaldi-na-ue$ 'бога Халда местность'.¹ Эти имена и снабжаются падежным окончанием $-ue$, значение которого как показателя дательного падежа во множественном числе остается спорным.

¹ См. о том же: Леманн-Гаупт. Corpus, стр. 152—154. Возражения И. Фридриха см.: Einführung..., стр. 13, 30.

Не возбуждает сомнения суффикс дательного падежа единственного числа -e, оформляющий имена за исключением оканчивающихся на -a, не получающих падежного окончания.

На правительный падеж. Суффиксами падежа выступает -edi с разновидностью огласовки -idi и усечением первого гласного -di. Все три указанные написания встречаются иногда при постановке в этом падеже не только слов с одинаковым исходным гласным, но даже одного и того же слова, ср. название страны: *Viaina-idi* *Viaina-di* (Сард. лет. В, стк. 19, 35).

Слова с основой на -i обычно получают окончание -edi: *ebani-edi* 'в страну', ^д*Ḥaldi-edi* 'к Халду', *MĀTU Etiuni-edi* 'в страну Этиуни'. Такое же окончание получают имена на -u: *MĀTU Buštu-edi* 'в страну Бушту' (Хорхор; Saucе, XL, стк. 53). Имена с гласным исходом -a снабжаются в большинстве случаев падежным суффиксом -idi, ср.: *MĀTU Mana-idi* (Corpus, 19 об., стк. 2); *MĀTU Viaina-idi*, но встречаются также имена с тем же гласным исходом, имеющие окончание -edi: *ĀLU Meišta-edi* (Corpus, 15 об., стк. 11); *MĀTU Etiuhina-edi* (Corpus, 13 об., стк. 7), и даже усеченное падежное окончание -di: *MĀTU Viaina-di* (Сард. лет. В, стк. 35). Одно и то же слово *qīura* (*qira*) 'земля', 'преисподня' имеет в надписи из Звартноца окончание -idi: *qīura-idi* (стк. 46), а в Келишинской билингве окончание -edi: *qira-edi* (стк. 41).

Все три варианта падежного окончания -edi, -idi, -di, при допустимости их свободного использования в одном и том же слове (ср. различные написания имени страны Биайны в правительном падеже, слова *qīura* в том же падеже и др.), указывают на тождество или во всяком случае близость их произношения при различном графическом изображении. Имеются основания предполагать, что все приведенные написания данного падежного окончания передают его фонетическую сторону весьма приблизительно. Более полное его чтение может быть усмотрено в таких сочетаниях клинописных знаков, как *e-ba-ni-gi-di: uš-ta-a-di MĀTU Ba-bi-lu-ni-e (MĀTU) e-ba-ni-gi-di ḥa-ú-bi MĀTU Ba-bi-lu-u MĀTU e-ba-a-ni* 'я выступил в Бабилу страну, захватил Бабилу страну'

(Сард. лет. А, стк. 4—5). Основа слова ebanī 'страна' отделяется от падежного окончания -idi вклинившимся согласным -g. Этот дополнительный звук не может относиться к основе слова, встречаясь только при его постановке в направительном падеже.

Отсюда легко прийти к выводу, что в сочетании клинописных знаков gi-di передается более полная форма рассматриваемого падежного окончания, в которой представлен наличный в этом окончании начальный спирант (-hidi), для передачи которого не имелось соответствующего знака клинописи, почему он или вовсе опускался в письме, или же изображался более близким из числа остальных знаком -gi (-gidi, -hidi). Этот спирант, выступая в произношении, встретил затруднения в его письменной передаче, чем и объясняется различное написание данного падежного окончания даже при одних и тех же словах. При таком объяснении состава окончания направительного падежа тождество его с окончанием 1-го лица единственного числа непереходного глагола -di оказывается лишь графическим совпадением.

Во множественном числе направительный падеж выступает в двух различных формах. По-видимому, более распространенным является помещение того же суффикса -(i)di в его отмеченных вариантах: MĀTU Etiuḫina-edi ŠARRU^{meš} -di (Corpus, 13 об., стк. 7), где идеограмма царя, поставленная во множественном числе (ŠARRU^{meš}), снабжена тем же, что и в единственном числе, показателем падежа -di: 'к этиунским царям'. При обращении к главным богам Биайны используется в том же значении другой суффикс -ašte: ḫu-ti-a-di ḫal-di-e-di ḫADAD-di ŠAMAŠ-di ILU^{meš}-aš-te 'я обратился к Халду, богу грозы [Тейшебе], богу солнца [Шиуини], богам' (Ник. XXI, стк. 9—10). Идеограмма ILU^{meš} 'боги', стоящая с показателем множественного числа, получает падежное окончание -ašte, в отличие от единичных имен богов, где представлен тот же падеж в единственном числе -(e)di. С этой идеограммой согласуется название страны Биайны, когда в том же контексте говорится об обращении к богам этой страны:

hu-ti-a-di ^dHal-di-e-di BÊLU-d ^dADAD-di ^dŠAMAŠ-di ILU^{meš}-ašte MÂTU Vi-a-i-na-aš-te... 'к богам страны Биайны' (Сард. лет. E, стк. 4—5, 44—45). Определение и определяемое стоят здесь в одном и том же падеже: ILU^{meš}-ašte MÂTU Viaina-ašte. Значение этого падежа устанавливается тем самым не по названию страны, а по идеограмме богов ILU^{meš}-ašte (ср. предыдущий пример). Других примеров помещения показателя направительного падежа в этой его форме в точности проследить по надписям не удастся. Направительный падеж во множественном числе встречается исключительно редко.

Таким образом, более точно устанавливается окончание направительного падежа единственного числа, возводимое к полной форме -gidi (в чтении -hidi). Более распространенная его графическая передача -edi, -idi, -di. Во множественном числе выступает тот же суффикс. В отдельных случаях его заменяет суффикс -ašte.

Местный падеж. Выделяется условно. Его окончание -а в своем функциональном назначении продолжает оставаться спорным. И. Фридрих усматривает наличие данного падежа в таких словах, как гуниш-а 'в бою': ÂLU U-i-ta-ni ÂLU ŠARRU-ni-si... gu-ni-ša-a ha-ú-bi 'город Уита(ни), город царский... в бою я захватил' (Сард. лет. E, стк. 49—50); esi-a 'на месте, в местности': ^{meš}BÊL PÂHATI e-si-a te-ru-bi 'правителей на месте я установил' (Sayce, XLV, стк. 17); ŠARRU-tu-ḫi-ni-na-a объясняется как состоящее из слова tuḫini 'царство', поставленного в притяжательной форме tuḫini-ini и в местном падеже tuḫini-(i)n(i)-a.¹ Леманн-Гаупт включает тот же -а в состав суффикса -на, означающего городское поселение, как-то: Ḫaldi-na, Rusa-ḫi-na 'Халдина, город Халда', 'Русахина, город Русы' (Corpus, стр. 152—154).

Наименования населенных пунктов передаются постановкою имени в родительном падеже: ^dḪaldi-ei ÂLU 'бога Халда город' (Нор-Баязет, стк. 6); ^mRusaa-i ÂLU TUR 'Русы городок

¹ I. Friedrich. Einführung..., стр. 13—14; ZA, NF, VI, стр. 277—285; Canastota, VII, стр. 72.

(Маку, стк. 7); ^dADAD-i (Teišeba-i) ÂLU 'Тейшебы город' (Кологран, стк. 18), или же именем с притяжательным суффиксом: ^mMenua-ḥini-li tini 'Менуахинили имя' (Ник. III, стк. 6); ÂLU ^dTeišeba-ini ÂLU 'Тейшебы город' (Кар.-Бл. II, стр. 63). Формы на -а встречаются, но значение их не вполне ясно: ^mRusa-ḥina-kai, ^mRusa-ḥina-idi; первое из них стоит с послелогом -kai 'перед', второе — в направительном падеже (Sayce, LXXIX, стк. 13, 29). Нет полной ясности и в самом анализе данной грамматической формы, в частности, нет уверенности в том, что в наименовании городов выделяется суффикс -на, а не один гласный -а, меняющий огласовку суффикса -ḥini, -ini, ср.: Rusa-ḥin-a-idi, Rusa-ḥi-na-idi. Графическая их передача слоговыми знаками требуемого уточнения не вносит. В Келишинской билингве имеются три разновидности написаний: ^dAldina BÂBU, ^dḤaldina-ni BÂBU, ^dḤaldini BÂBU (стк. 22, 29, 34). Все означенные различия получили в ассирийском тексте одинаковый перевод: ša ^dḤaldie (стк. 21, 28, 34).

Таким образом, грамматические формы на -а не могут считаться окончательно выясненными. Выделение местного падежа на -а, ср.: esi-a 'на месте' и др., вполне допустимо. Все же локальное его значение ставит вопрос о его связи с только что отмеченным суффиксом имен мест. Но последний выключается из числа падежных окончаний, так как в приведенном выше построении слова ^mRusa-ḥina-idi окончанием падежа выступает -idi (направительный падеж), при котором предшествующее -а не может быть суффиксом падежа.

Аблатив. Выступает в значении инструментального падежа, исходного и транслатива. Падежным его окончанием устанавливается суффикс -ni. Выделение названной падежной формы нуждается в более детальном рассмотрении тем более, что показатель -ni выступает в биайнской письменности в самых различных функциях. Эту форму в значении аблатива усматривают в таких словосочетаниях, как: ^dḤaldini-ni ušmaši-ni 'Хладовою мощью, мощью бога Халда', ^dḤaldini-ni bauši-ni 'Халдовым велением' (И. Фридрих).

В приведенных сложных построениях одинаковый по своей грамматической форме суффикс *-ni* получает разные значения. Так, в слове *Ḥaldinini* ясно выделяется основа имени *Ḥaldi* (в эргативном падеже — *Ḥaldi-še*). Эта основа снабжена суффиксом *-ni*, притяжательное значение которого подтверждается рядом примеров, ср. часто встречающееся в надписях: *Ḥaldi-ni-li BÂBU-li* 'Халдовы ворота', где перед показателем множественного числа *-li* поставлен суффикс, отмечающий принадлежность предмета определенному лицу (*Ḥaldi-ni*). Вторичное *-ni* (*Ḥaldi-ni-ni*) должно иметь иное назначение и потому требует особого объяснения.

По своему местоположению вторичное *-ni* может быть понято как падежное окончание, лишь по форме совпадающее с предшествующим *-ni*. Видеть в нем „двойной винительный падеж“ (*-ni-ni*),¹ при единичном винительном падеже (*-ni*) не приходится, так как при эргативном строе предложения в биайнском языке винительный падеж отсутствует. Его функции выполняет именительный падеж, который может получать суффикс *-ni* в тех отдельных случаях, когда особо отмечаются стоящие в этом падеже собственные имена (*uštabe^m Menua-ni* 'выступил Менуа'). Но в сочетании слов *Ḥaldinini ušmašini* названное окончание (*-ni*) стоит при обоих словах, а не при одном только имени бога Халда. Кроме того, контекст, в котором используются эти слова, не дает основания считать их стоящими в именительном падеже. С этих слов нередко начинается повествовательный текст: *Ḥaldi-ni-ni ušmaši-ni^m Sarduri-še^m Argištiḥini-še alie* (Сард. лет. F, стк. 1).

В приведенном контексте последние слова 'Сардур сын Аргиштия говорит' предваряются упомянутыми двумя словами, образуя вместе одно синтаксически связанное целое, после которого следует речь самого царя. Эти два слова не стоят в именительном падеже, но они же не стоят и в дательном. Мои попытки усмотреть здесь дательный падеж 'богу Халду могущественному Сардур говорит' не оправдываются, так как

¹ См. И. Фридрих. *Caucasia*, VIII, стр. 132.

остается не выявленным притяжательное значение первого суффикса *-ni* в имени бога Халда.¹ Кроме того, те же два слова в том же их оформлении встречаются в таких контекстах, в которых постановка дательного падежа вызывает сомнение: ^dḤaldinini ušmašini uštabe ^mMenuani ^mIšpuinieḫe ḥauni ÂLU Šebeteriani (MÂTU) ebanie'... выступил Менуа сын Ишпуина, захватил страну города Шебетериани' (Corpus, 31, стк. 6—8). К тому же, окончанием дательного падежа в биайнском языке выступает гласный *-e*, точно устанавливаемый такими формами: как: ^dḤaldi-e euri-e 'богу Халду владыке'. Эти же слова, стоящие в дательном падеже, могут занимать место рядом с анализируемым нами словосочетанием: ^dḤaldinini ušmašini ^dḤaldie eurie ^mMeinuaše ^mIšpuiniḫiniše ini ABNU-pulusi kuguni '... богу Халду владыке Менуа сын Ишпуина эту стелу-надпись начертал' (Corpus, 33, стк. 13—20).

Из этих сопоставлений с полной очевидностью вытекает, что первые два слова не могут стоять в дательном падеже. Следовательно, суффикс *-ni* в *Ḥaldini-ni ušmaši-ni* взят для передачи другой грамматической формы, в которой и усматривается окончание аблатива. Основанием для этого служит сам контекст и его грамматический разбор, а также анализ наличных грамматических форм, используемых для построения отдельных слов. Так, притяжательное оформление имени Халда обращает это имя в определение к последующему слову, с которым оно и согласуется общим для них падежным окончанием. Ведущим словом в этом словосочетании остается *ušmašini*, образованное от существительного *ušmaše* 'мощь, сила', хорошо известного по другим надписям, ср.: *uš-ta-a-še-e* (Кар.-Бл. II, стр. 52). От существительного *ušmaše* получена падежная форма с изменением гласного исхода самой основы. Отсюда можно прийти к заключению, что суффиксом падежа выступает *-ni* с предшествующим гласным звуком, влияющим на огласовку слова, ср.: *ušmaše* 'мощь' — *ušmašini*; *baūše* 'слово, великие' — *baūšini*; *meše* 'дань' — *mešini*; *alsuiše*

¹ Халдская надпись из Нор-Баязета. ДАН, 1928 г., стр. 171.

‘величие’ — alsuišini и др. Возможно, что окончанием падежа является -ini, вызывающее усечение огласовки склоняемого слова. Не устраняется также возможность переогласовки основы под влиянием присоединения падежного окончания -ni к словам, оканчивающимся на гласный -e. Тем самым данное падежное окончание, осложненное в своем фонетическом чтении, выделяется среди других, утрачивая тождество с суффиксом именительного падежа -ni, несмотря на формальное с ним совпадение.

Приведенные словосочетания, при невозможности видеть в них дательный падеж, поддаются переводу как стоящие в аблативе: ^dHaldini-ni bauši-ni ‘бога Халда велением’, ^dHaldini-ni ušmaši-ni ‘бога Халда мощью’ и т. д., ср.: ^dHal-di-ni-ni uš-ma-a-ši-ni ^mMe-i-nu-ú-a-še ^mIš-pu-ú-i-ni-ḫi-ni-še ^dHal-di-e e-ú-ri-i-e i-ni ABNU ru-lu-ú-si-e ku-gu-i-ú-ni ‘мощью (силою) бога Халда Менуа сын Ишпуина богу Халду владыке эту стелу-надпись начертал’ (Corpus, 93, стк. 1—6); ^dHal-di-ni-ni uš-ma-ši-ni ^dE-li-ir-ú-ri-e ^mMe-i-nu-ú-a-še ^mIš-pu-u-i-ni-ḫi-ni-še i-ni ru-lu-si ku-gu-ni ‘мощью бога Халда богу Елипури Менуа сын Ишпуина эту надпись начертал’ (Corpus, 92, стк. 1—5); ^dHal-di-ni-ni ba-ú-si-ni ^mAr-gi-iš-ti-še ^mMe-nu-a-ḫi-ni-še a-li-e ‘велением (по велению) бога Халда Аргишти сын Менуи говорит’ (Кар.-Бл. II, стр. 52); ^dHal-di-ni-ni uš-ma-ši-ni ^mRu-sa-še, ^mSAR-du-ri-ḫi-ni-še a-li ŠARRU MĀTU U-e-li-ku-ḫi ka-ru-bi ‘мощью бога Халда Руса сын Сардура говорит: царя страны Уеликухи я покорил’ (Нор-Баязет, стк. 1—3); ^dHal-di-ni-ni uš-ma-ši-ni ^mMe-nu-a-še ^mIš-pu-ú-i-ni-ḫi-ni-še i-ni pi-li a-gu-ni ^mMe-nu-a-i pi-li ti-i-ni ^dHal-di-ni-ni al-su-(i)-ši-ni ^mMe-nu-a-ni ŠARRU DAN. NU ŠARRU al-su-i-ni ŠAR MĀTU Vi-a-i-na-e a-lu-ú-si ÂLU Tú-uš-ra-e ÂLU ‘мощью бога Халда Менуа сын Ишпуина этот канал провел, Менуи канал имя [его]. Величием бога Халда Менуа, царь могущественный, царь великий, царь страны Биайны, властитель города Тушпы’ (Corpus, 34, 35, стк. 1—6).¹

¹ Перевод И. Фридриха см.: Einführung . . . , стр. 40—41.

В конце последнего из приведенных текстов стоит имя царя в именительном падеже: ^mMenua-ni, в отличие от предыдущих слов, поставленных в аблативе ^aḤaldin-i-ni alsuiš-i-ni. Последнее слово имеет форму именительного падежа: alsuiše. Гласный исход основы этого слова, при образовании аблатива, отпал или подчинился переогласовке, ср. в именительном падеже: al-su-i-še-e (Corpus, 84, стк. 7), в аблативе: al-su-i-ši-ni (Corpus, 59, стк. 5). От той же основы образуется прилагательное al-su-i-ni, стоящее в именительном падеже 'великий'. В нем -ni выступает словообразующим суффиксом, так же как и -še в именах существительных: alsui-še 'величие', alsui-ni 'великий', ср. также: ŠARRU-ni ÂLU Pu-i-ni-al-ḥi AMÊLU bu-ra aš-tú-bi me-ši-ni ri-i 'a-al-du-bi me-e-še ^mSARDU-ri-e a-ri-e-de 'царя города Пуиниалхи я подчинил, данью обложил, дань Сардуру пусть дает' (Сард. лет. А, стк. 17—18). В этом тексте стоит слово меše 'дань' в именительном падеже и оно же в аблативе: meš-i-ni. В дательном падеже поставлено имя Сардура (Sarduri-e).

Приведенные данные могут служить основанием для выделения в биайнском языке особого инструментально-исходного падежа (аблатива) с его суффиксом -ini, -ni в единственном числе. Формы этого падежа во множественном числе не прослеживаются.

ПАРАДИГМА СКЛОНЕНИЯ ИМЕН

Та же парадигма склонения прослеживается в именах существительных, прилагательных и местоимениях. В прилагательных общность падежных окончаний объясняется согласованием определения с определяемым словом, ср.: alusini-ni alsuiši-ni 'властительным величием' (Сард. лет. F, стк. 3). От имени существительного alusi 'властитель, правитель, князь' образовано прилагательное alusini, поставленное в аблативе по согласованию с alsuiši-ni 'величием'. Ср. также в местоимениях: ini pulusi 'эта надпись' [оба слова стоят в именительном (неоформленном) падеже]; ini-li eḥani-li 'эти страны'

(и то и другое слово снабжены одним и тем же показателем множественного числа -li); aluše uliše tiulie 'кто другой скажет' (alu-še, uli-še стоят в эргативном падеже); aluše ulie inili dulie 'кто другому это сделает' (uli-e поставлено в дательном падеже, inil-li стоит с общим для всех имен показателем множественного числа -li 'эти — деяния').

Именительный падеж. Неоформленная основа слова. Падеж подлежащего при непереходном глаголе и прямого дополнения при переходном. Собственные имена, особо выделяемые в тексте, снабжаются суффиксом -ni. Во множественном числе именительный падеж получает показатель множественности -li.

Эргативный падеж. Окончание -š(e). Падеж подлежащего при переходном глаголе. Во множественном числе сохраняет ту же форму.

Родительный падеж. Окончание -ei, передающее дифтонгизированный звук, представляемый в письме также одиночными гласными -e, -i. Падеж определения и косвенного дополнения. Во множественном числе окончание -ue (-we).

Дательный падеж. Окончание -e, в графической передаче может совпадать с окончанием родительного падежа. В именах с гласным исходом -a падежное окончание отпадает. Падеж косвенного дополнения. Формы дательного падежа во множественном числе не ясны.

Направительный падеж. Полное его окончание -hidī, графически -gidī, чаще -edī, -idī, -dī. Падеж направленности действия на предмет. Во множественном числе сохраняется та же падежная форма. При перечне богов встречается особая форма множественного числа -ašte.

Местный падеж. Его окончание -a выделяется по единичным примерам и нуждается в уточнении.

Аблатив. Окончание -(i)ni. Падеж выступает в значениях инструментального, исходного и транслатива. Формы множественного числа не прослежены.

ОБРАЗЦЫ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН

Основа на -i (esi 'место' ebani 'страна')	Основа на -a	Основа на -e (meše 'дaнь')	Множеств. число
Им. Ҳaldi esi Ҳaldi-ni	Menua Menua-ni	meše	ebani-li
Эрг. Ҳaldi-š(e)	Menua-š(e)		ŠARRU ^{meš} -š(e)
Род. Ҳaldi-ei	Menua-i		ŠARRU ^{meš} -ue (eriela-ue)
	Biaina-e		Biaina-ue
Дат. Ҳaldi-e	Menua		
Напр. Ҳaldi-edi ebani-gidi ebani-edi Uelikuni-gidi	Mana-idi Biaina-idi Biaina-di		ŠARRU ^{meš} -di ILU ^{meš} -ašte Biaina-ašte
Мест. Ҳaldi-a (?), esi-a			
Абл. Ҳaldini-ni, esi-ni		meši-ni	

ОФОРМЛЕНИЕ ИМЕН И ГЛАГОЛОВ

Близость именных и глагольных форм в биайнском языке отмечалась неоднократно, но исследователи, шедшие в этом направлении, не выходили за пределы самого клинообразного письма и ограничивались сопоставлением именных и глагольных суффиксов в их графическом изображении. Анализа самих суффиксов не проводилось. По этому пути шел и я в своих халдоведных работах. Между тем многие из сравниваемых грамматических форм получают сходение лишь в графике.

Наиболее распространенными и в то же время выступающими в различных значениях оказываются суффиксы -ni, -li, -di. Первый из них оформляет: 1) именительный падеж собственных имен, особо выделяемых в текстах надписей: uštabi ^mMenua-ni 'выступил Менуа'; 2) аблатив: 'aaldubi meši-ni ri-i 'обложил данью'; 3) притяжательные построения имен, ср. во множественном числе: ⁴Haldi-ni-li BÂBU 'Халдовы ворота, ворота бога Халда'; 4) производные от имен прилагательные, ср.: alusi-ni 'властительный, властный', образованное от имени существительного alusi 'правитель, властитель'; 5) переходный глагол в 3-м лице единственного числа аориста: karu-ni 'покорил-он'. Суффикс -li, равным образом, встречается в нескольких значениях: 1) окончания множественного числа имен в именительном падеже: ini-li ebanî-li 'эти страны'; 2) глагольного окончания во множественном числе: pupa-li 'пришли-они', zadu-li 'сделал-их'; 3) показателя времени (аспекта) в глаголах же, ср.: tiu-li 'скажет' (пермансив). Суффикс -di используется для выражения: 1) направительного падежа имен, ср.: MÂTU

Viaina-di 'в страну Биайну'; 2) 1-го лица в спряжении непереходного глагола в аористе: *ušta-di* 'выступил-я'.

Схождение приведенных именных и глагольных форм сводится в большинстве случаев к сходству, их передачи одними и теми же клинописными знаками. Лишь немногие именные и глагольные суффиксы оказываются действительно общими не только в их написании тождественными слоговыми знаками. Таковы объектный суффикс *-ni* и показатель множественности *-li*. Все остальные совпадения объясняются теми затруднениями в передаче фонетических оттенков, с которыми встретился писец, пользовавшийся ограниченным составом знаков силлабарного письма, заимствованного из семитического источника и не всегда отвечавшего произношению живой несемитической речи.

Общим для имени и глагола оказывается показатель множественности *-li*, выступающий в именительном падеже имен существительных, прилагательных и местоимений: *ini-li ebani-li* 'эти страны' (Кологран, стк. 2); *inani-li arniušini-li I MU zadubi* 'те деяния в один год я совершил' (Сард. лет. Е, стк. 35). Оформляя действующее лицо в непереходных глаголах и предмет действия в переходных, этот суффикс используется в том же значении и в глагольных окончаниях аориста, где он выступает в 3-м лице множественного числа непереходного глагола и в том же числе предмета действия переходного глагола, ср. в непереходных глаголах: *nuna-li ^mIšruinini | ^mSAR-dureḫe ... ^mMenua ^mIšruiniḫe* 'пришли-они Ишпуин сын Сардура ... Менуа сын Ишпуина' (Келишин, стк. 2—5). В переходных глаголах тот же суффикс, обозначая множественность объекта, выступает при 1-м действующем лице единственного числа и 3-м действующем лице множественного числа: *^mRusaše ^mSARdurihiniše alie ieše ini-li ebani-li ... bura aštu-li* 'Руса сын Сардура говорит: я эти страны ... в подчинение привел-их' (Кологран, стк. 1—3); *^mArgištiše ali ... zadu-li arnišini-li DAN. NU ištini* 'Аргишти говорит ... [я] завершил-их деяния могущественные здесь' (Арин-Берд, стк. 7—9, Кар.-Бл. II, стр. 52). При 3-м действующем лице множественного числа:

^mIšpuiniše ... ^mMenuaše ... ini-li BÂBU^{meš} za-tu-li 'Ишпуин ... Менуа ... эти ворота сделали-они-их' (Corpus, 18, стк. 32—33); ikukani šali šišhini kieidanu-li AMĒLU ħuradinie-li MÂTU Eriahiniedi (MÂTU) ebani ħa-itu ÂLU^{meš} ŠARÂPU ħarħarš-itu-li 'в тот самый год третий [я] повел-их войска в страну Эриахи. Страну захватили-они, города сожгли, разрушили-они-их' (Сард. лет. В, стк. 26—32).

В переходных глаголах множественность объекта действия, при 3-м лице субъекта единственного числа, обычно передается суффиксом -ali. Тем самым глагольное окончание здесь уже расходится с именным: ini pulusi ^mMenuaše ^mIšpuiniĥiniše kugu-ni iu ^dĤaldini-li BÂBU šidištu-ali 'эту надпись Менуа сын Ишпуина начертал-ее, когда Халдовы ворота воздвиг-их' (Corpus, 56, стк. 2—7).

Суффикс -li оказывается, таким образом, общим для имен и глаголов лишь в трех случаях его использования, как-то: в именительном падеже имен (ebani-li 'страны'), в окончании 3-го лица множественного числа непереходного глагола (pu-pa-li 'пришли-они') и в объектной суффиксации переходного глагола при субъекте в 1-м лице единственного числа и 3-м лице множественного (zadu-li 'сделал-я-их', ħarħarš-itu-li 'разрушили-они-их'). Здесь выступает один и тот же суффикс множественного числа -li, оформляющий имена, лишённые падежных окончаний (именительный падеж) и согласуемые с ними в числе глаголы. Такое согласование происходит со словами, поставленными в именительном падеже, поэтому при переходных глаголах тот же суффикс получает объектное значение, сочетаясь со стоящим в этом падеже прямым дополнением эргативного строя предложения. При непереходных глаголах он же сохраняет субъектное значение, согласуясь с подлежащим. Во всех этих случаях выступает одна и та же грамматическая форма. Этим и ограничиваются схождения именных и вербальных построений на -li. Даже при 3-м лице единственного числа субъекта показатель множественности объекта в глаголе уже выделяется своею вербальной формой -ali: ^mMenuaše ... ^dĤaldini-li BÂBU-li šidištu-ali.

‘Менуа... Халдовы ворота воздвиг-их’ (Corpus, 66, стк. 2—4).

Что касается формы пермансива (-lie, -li), то она имеет совершенно иное происхождение, чем указанные выше показатели множественного числа (-li), и, очевидно, отличалась от них своим произношением. В пермансиве суффикс -li не связан ни с числом субъекта, ни с числом объекта ср. при единственном числе объекта и субъекта: aluše ini DUB. TE tu-lie ‘кто эту надпись уничтожит’; при множественном числе объекта; aluše aiπie ini-li du-lie ‘кто для кого-либо эти [поступки] совершит’; при множественном числе субъекта: ^dHal-di-še ^dADAD-še ^dŠAMAŠ-še ILU^{mes}-še ... ulu-lie ‘бог Халд, бог грозы, бог солнца, боги ... низвергнут’ (Corpus, 38, стк. 7—9). Здесь суффикс -li (-lie) выступает показателем времени (аспекта), а не лица и не числа. Кроме того, он же получает в своем изображении клинописными знаками различные написания: -li, -lie, -liie, ср.: a-lu-še ú-li-še ti-u-li (Corpus, 34, стк. 9); a-lu-še ú-li-še ti-ú-li-e (Corpus, 87-a, стк. 13); a-lu-še ú-li-še ti-ú-li-i-e (Corpus, 87-b, стк. 13) ‘кто другой скажет’.

Такими разными сочетаниями клинописных знаков передается одно и то же произношение данного суффикса, получающего различные написания иногда в одном и том же слове одного и того же контекста. В глаголах данный суффикс выступает в своей более полной форме -li-i-e, где второй знак -i уточняет огласовку предыдущего слогового знака -li, конечное же -e тем самым выделяется. Получается чтение -li-e, которое иногда в этом виде и передается в письме, ср.: ti-ú-li-e во втором примере. Обособленно стоит, казалось бы, начертание того же суффикса, сходное с показателем множественного числа, одним слоговым знаком -li, но и оно не противоречит проведенному анализу звукового состава данного временного показателя, так как сочетание двух гласных -ie образует дифтонг -ue, который мог в письме передаваться одним гласным -i, читавшимся с тем же дифтонгизированном звуком -ue. Такая передача дифтонгов одним гласным прослеживается в биайнской письменности по многим

другим примерам, ср.: *ku-ú-i-gu-ú-ni* (Corpus, 95, стк. 6,20), *ku-ú-gu-ú-ni* (Corpus, 56, стк. 5), *ku-gu-i-ú-ni* (Corpus, 93, стк. 15), и сокращенно: *ku-gu-ni* (Corpus, 92, стк. 5), в чтении во всех случаях *kuyhuni* с одним и тем же значением 'начертал'; *e-ba-ni-ú-ki-e-di*, *e-ba-ni-ú-ki-di* (Сард. лет. E, стк. 18,24) 'в страну-мою', в чтении везде *ebaniukyedi*; в пермансиве глаголов: *ti-ú-li-i-e*, *ti-ú-li-e*, *ti-ú-li* 'скажет', в чтении *tii-lue*. Наличие здесь дифтонга *-ue* подтверждается сопоставлением всех трех различных написаний одной и той же грамматической формы.

Таким образом, показатель пермансива *-lie*, *-li*, в чтении обоих написаний *-lue*, не имеет ничего общего с показателем множественного числа *-li* и может лишь графически совпадать с ним, когда передается одним слоговым знаком *-li*; ср. *a-lu-še a-i-ni-e-i i-ni-li du-li* 'кто для кого-либо эти [поступки] совершит' (Corpus, 34, стк. 8—9). Тут *ini-li du-li* 'эти совершит' получают одинаковое оформление. Ср. далее: *a-lu-še a-i-ni-i i-ni-li du-li-e* (Corpus, 38, стк. 5); *a-lu-še a-i-ni-e-i i-ni-li du-li-i-e* (Corpus, 87-b, стк. 11—12), где в тех же самых окончаниях получается расхождение и в графике: *ini-li du-lie*.

Следовательно, суффикс *-li* в именах и глаголах передает одну и ту же грамматическую форму, выступая показателем множественного числа в именительном падеже имен и в аористе глагола.

Еще более широкое совпадение в графике совершенно различных значений получает суффикс *-ni*. Одну общую для имен и глаголов грамматическую форму можно было бы усмотреть только в объектном показателе аориста переходного глагола *-ni* 'его', выступающем, возможно, также и в именных построениях в том же значении объектного показателя. Наиболее убедительным примером может служить отрывок из формулы проклятия: *aluš-ni tulie aluše pitulie* (Corpus, 29, стк. 6). В этом тексте имеется слоговой знак *-ni*, который может быть присоединен как к предшествующему местоимению, так и к последующему глаголу: *a-lu-uš-ni tu-li-e a-lu-še pi-tu-li-e*. Последнее отпадает, так как в заклинательных текстах

постоянно встречается глагол *tulie* без каких-либо префиксальных придатков. Присоединение же знака *-ni* к местоимению *aluše* оправдывается тем, что оно стоит в эргативном падеже, читавшемся одним согласным *-š*, ср.: ^dHal-diš-me ŠARRU-tuḥi aruni 'бог Халд-мне' царство даровал' (Сард. лет. G, стк. 2). В параллель к Hal-diš-me 'Халд мне' можно привести также и форму *aluš-ni* 'кто-его (ее)':¹ *aluš-ni tulie aluše pitulie* 'кто-его (ее) сотрет, кто повредит'.

Такая интерпретация данного текста оправдывается сопоставлением его с другими, как-то: *aluše ini DUB. TE pitulie aluše tulie* 'кто эту надпись повредит, кто сотрет' (Corpus, 31, стк. 22—23); *aluše ini DUB. TE tulie aluše pitulie* 'кто эту надпись сотрет, кто повредит' (Corpus, 34, стк. 7—8). Последний пример вскрывает значение *-ni* в разбираемом тексте: *aluš-ni tulie aluše pitulie*, где вместо *aluše ini DUB. TE* 'кто эту надпись' поставлено *aluš-ni* 'кто-ее', то есть 'эту надпись', о которой и идет речь в предыдущей строке: *DUB. TE terubi* 'надпись сделал' (стк. 5). Здесь можно видеть объектное значение суффикса *-ni* также и при именных формах. Другим, менее убедительным, примером может служить сочетание того же суффикса *-ni* со словом *mei*, если ему придавать значение соединительного союза 'и': *mei-ni* ^dHal-diše ^dADAD ^dŠAMAŠ *kulitu-ni* 'и-его бог Халд, бог грозы, бог солнца изничтожат-его' (Corpus, 13 об., стк. 30—31).

Остальные обычно приводимые примеры отпадают. Так, в тексте *aluše tini-ni tulie masie tini teli* 'кто имя-его сотрет, свое имя поставит' (Звартноц, стк. 38—40), слово *tini-ni*, получившее перевод 'имя-его', снабжено суффиксом, сближающимся по своему значению с притяжательными, а не объективными, каким тот же суффикс ясно выступает в вербальных формах: *karu-ni* 'покорил-его', *karu-ni MĀTU Etiunini* 'покорил-ее страну Этиуни' (Ник. VI, стк. 2). Приводятся еще такие формы, как *maḥini*, объясняемые как образованные от основы местоимения *ma* 'он' (ср.: *ma-sie* 'свое'), с добавлением двух аналогич-

¹ См.: *Caucasica*, VIII, стр. 132—143; ср.: *Corpus*, 29, где *-ni* отнесено к глаголу.

ных суффиксов -*ni*, толкуемых как двойной винительный падеж.¹

Предполагаемые окончания винительного падежа на -*ni* (*man-i-ni* и др.), объектные по своему содержанию, сопоставляются с объектным глагольным окончанием -*ni*: *karu-ni* 'покорил-его'. Что в аористе переходного глагола -*ni* означает объект в его единственном числе, в отличие от множественного числа -*ali*, -*li*, в этом сомнения не возникает, но сопоставлять его с окончанием аккузатива не приходится, так как при эргативном строе предложения в биайнском языке винительный падеж отсутствует, в его функции используется именительный падеж. Следовательно, тут -*ni* не может иметь одного только объектного содержания. Между тем все рассуждения о связи вербальных и именных форм на -*ni* строятся на отождествлении глагольного суффикса с окончанием винительного падежа.

В этих построениях глагола и имен выступают значительные расхождения в значениях графически одинаково передаваемых суффиксов, может быть даже и одинаково произносимых. Так, в приведенном выше примере *karu-ni MÂTU Etiuni-ni* 'покорил я страну Этиуни' содержатся окончания имени и глагола, одинаково передаваемые слоговым знаком -*ni*. Название страны образовано от основы *Etiuni*, ср. в именительном падеже *Etiuni-edi: uštadi MÂTU Etiuni-edi* 'я выступил в страну Этиуни' (Сард. лет. А, стк. 13). К этой основе добавлен суффикс -*ni*, не имеющий специального объектного значения, так как название страны стоит в именительном падеже. Оно только в этом положении могло бы получать объектный показатель, так как именительный падеж при переходном глаголе оформляет прямое дополнение: *karu-ni MÂTU Etiuni-ni*. Но этот же именительный падеж, с тем же суффиксом -*ni*, оформляет также и действующее лицо, ср. при непереходном глаголе: *uštabe* ^m*Menua-ni* 'выступил Менуа' (Corpus, 31, стк. 6—7).

Суффикс -*ni* здесь, в именах, оттеняет особо значимые наименования, поставленные в именительном падеже. Следова-

¹ Caucasian, VII, стр. 56; VIII, стр. 132—133.

тельно он, сам по себе, не является падежным окончанием, тогда как в глаголе окончание *-ni* передает единственное число предмета действия, выступая личным показателем в объектном строе глагольного спряжения (окончание 3-го лица единственного числа), ср. в единственном числе: *karu-ni MÂTU Qumaḥaḥali MÂTU-ni tequ-ni* ^mSAR *duri-kai* 'покорил-ее страну Кумух, поверг-ее пред Сардуром' (Сард. лет. E, стк. 36—37); во множественном числе объекта: *karu-ali IV ŠARRU*^{meš} 'покорил-их четырех царей' (там же D, стк. 47). Таким образом, в данных построениях выступают грамматические формы, хотя и одинаково передаваемые, но совершенно различные по своему содержанию.

Еще значительнее расхождение между тем же глагольным суффиксом *-ni* и его именными параллелями поссессивного значения. В глаголах суффикс *-ni* везде остается объектным показателем и никогда не получает содержания притяжательного, тогда как в именах, напротив, он же широко применяется именно в последнем значении, обращаясь даже в словообразовательный суффикс имен прилагательных (ср.: *alusi* 'властитель', *alusi-ni* 'властительный, властный'). Кроме того, притяжательный суффикс в именах имеет ряд разночтений и сходится с глагольным лишь в своем усеченном начертании, восходя к иной, более сложной основе, которая иногда сокращается в письме до однослогового *-ni*, тогда как глагольный объектный показатель *-ni* иных вариантов в своем написании не получает. Отсюда можно прийти к выводу, что *-ni* в глагольных окончаниях и оно же в притяжательном оформлении имен совершенно различного происхождения.

Притяжательная суффиксация в именах, в отличие от глагольного *-ni*, выделяется более полной формой *-ini*, которая ясно выступает в основах на *-a*, ср.: ^mMenua-*ini*, в родительном падеже ^mMenua-*ini-ei* 'Менуевой' (Corpus, 57, стк. 1). По отдельным, реже встречающимся написаниям притяжательных суффиксов их можно свести к еще более полной форме с начальным спирантом *-h*¹ (*-hini*), который, за отсутствием соответствующего клинописного знака, передается заднеязыч-

ным -g, графически -gini, ср.: giššur-gini-kaini, где от существительного giššuri условно переводимого словом 'войско', образована притяжательная форма с послелогом -kai 'перед' — 'перед тем, что относится к войску, перед воинством, перед воинами' (Сард. лет. F, стк. 26).

Таким образом, притяжательный суффикс -hini, -ini, -ni отличается от глагольного суффикса -ni не только по своему содержанию, но и по форме. С глагольными сближаются, и то только в графике, те притяжательные суффиксы, которые присоединяются к именам на -i, ср. во множественном числе: Haldi-ni-li BĀVU 'Халдовы ворота'; но и тут гласный исход основы на -i не лишает возможности чтения суффикса -ini, давшего в письме слияние гласных (Hal-di-ini).

Из всего сказанного следует, что глагольный объектный показатель -ni (ср.: karu-ni 'покорил-его') сближается с именными формами только при использовании в именах энклитического объектного же показателя (ср. -aluš-ni 'кто-его'), с притяжательными же формами расходится не только по своему содержанию, но и в самом чтении, что получило свое отражение также и в графике.

Другой суффикс, выступающий как в именах, так и в глаголах, -di, обязан своим схождением чисто графическим особенностям клинописи. Суффикс -di в именах служит окончанием направительного падежа единственного и множественного чисел и чаще передается в письме с гласным -e/i; в начале (-edi, -idi). Стечение огласовок суффикса и основы слова могло образовывать дифтонгизированный звук, изображаемый в письме как парными гласными, так и первым из них, что при гласном исходе основ на -a приводит к написанию с полной передачей стекающихся звуков (... a-idi), равно как и одним гласным -a (... a-di), читавшихся одинаково -audi, ср.: ^aHaldi-edi 'к Халду', MĀTU Mana-idi 'в страну Мана', MĀTU Biaina-idi 'в страну Биайна', но также и MĀTU Biaina-di в том же значении. Можно полагать, что все приведенные различные написания одного и того же падежного окончания -edi, -idi, -di передают одинаковое произношение данного

суффикса, имевшего в начале спирантизованный звук *-hidi*, который, выступая в написании некоторых имен, представлен знаками *-gi-di*, ср.: *e-ba-ni-gi-di* (Сард. лет. А, стк. 5), при более часто встречающемся *a-ba-ni-e-di* 'в страну' (там же Е, стк. 49); *MĀTU U-e-li-ku-ni-gi-di* 'в страну Уеликуни' (там же F, стк. 17), ср.: *uš-ta-a-di MĀTU Iš-te-lu-a-ni-gi-di MĀTU Qa-di-a-i-ni-e-di*, 'выступил я в страну Иштулуани, в страну Кадиани', где названия обеих стран стоят в направительном падеже, окончание которого передается в одном случае суффиксом *gidi*, в другом *-edi* (там же F, стк. 13—14).

Можно полагать, что окончания направительного падежа имен восходят к полной форме *-hidi*, графически изображаемой различными сочетаниями клинописных знаков, тогда как окончание 1-го лица непереходного глагола *-di* выступает в одной только этой форме, никогда не получая начального гласного, и потому никаких дифтонгов с конечным гласным глагольной основы образовать не может. Слоговая форма *-di* глагольного суффикса сохраняется полностью. Отсюда легко прийти к выводу, что *-di* в глаголах и оно же в именах сходятся только в их графической передаче.

Тождественными остаются энклитические местоименные окончания, выступающие в одном и том же значении как в именных, так и в глагольных построениях, например, местоимение *-me* 'мне', ср.: *iu Ḫaldiš-me ŠARRU-tuḫi aruni* 'когда бог Халд-мне царство даровал' (Сард. лет. G, стк. 2); *aru-me meše* 'принес-мне дань' (там же Е, стк. 54). Основа одного и того же глагола *aru* 'давать, даровать, приносить' в первом примере стоит с объектным показателем *aru-ni* 'дал-его', во втором примере с энклитическим местоимением *aru-me* 'дал-мне', выступающим также в собственном имени *Ḫaldiš-me* первого примера: 'Халд-мне'. Общность у имен и глаголов суффикса *-ni* с его объектным содержанием у тех и у других (*aluš-ni* 'кто-его', *aru-ni* 'дал-его') и отнесение данного суффикса к числу энклитических местоимений нуждается в дополнительном исследовании.

Говорить о широко развитых схождениях в глагольной и именной суффиксации оказывается, при таких условиях, преждевременным. Наоборот, в их суффиксах прослеживаются значительные расхождения. Окончание 3-го лица единственного числа непереходного глагола (-bi, -be) повторяется в формах 1-го лица единственного числа переходного глагола (объектного спряжения), но не имеет себе соответствий в словоизменительной морфологии имен. Равным образом, окончание 3-го лица субъекта множественного числа переходного глагола -itu параллелей в именных образованиях не имеет. Окончание 1-го лица множественного числа субъекта переходного глагола -še продолжает оставаться неустановленным, поэтому утверждать о схождениях его с окончанием эргативного падежа -š(e) и словообразовательным суффиксом имен существительных -še пока не представляется возможным. Объектный показатель глагола -ni и его именные соответствия, после их более детального анализа, могут быть отнесены к разным основам: 1) -ni в оформлении 3-го лица единственного числа переходного глагола включается в число объектных показателей; 2) -ni в притяжательном оформлении имен восходит к полной форме притяжательной суффиксации -ini, -hini; 3) -ni в словообразовании прилагательных может быть объединено с притяжательными суффиксами; 4) -ni в именительном падеже и оно же в аблативе выделяются из числа предыдущих и остаются по своему происхождению неясными. Окончание 1-го лица единственного числа непереходного глагола -di лишь графически совпадает с одним из написаний окончания направительного падежа, имеющего, в отличие от глагола, ряд разночтений: -di, -edi, -idi, -gidi.

Общими для имен и глаголов грамматическими формами остаются показатель множественности и энклитические местоимения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Список сокращений	7
Графические приемы в передаче фонетических особенностей при написании имен и их грамматических форм	9
Имена существительные	73
Имена прилагательные	87
Числительные	97
Местоимения	99
Союзы и послелогии	111
Склонение имен	117
Парадигма склонения имен	136
Образцы склонения имен	138
Оформление имен и глаголов	139

ИВАН ИВАНОВИЧ МЕЦЦАНИНОВ

Грамматический строй Урартского языка

*Утверждено к печати
Институтом языкознания
Академии Наук СССР*

Редактор издательства *А. А. Зырин*
Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректоры *А. А. Гельфанд* и *Л. М. Романова*

Сдано в набор 25IV 1958 г. Подписано
к печати 1/IX 1958 г. РИСО АН СССР
№ 26—95 В. Формат бумаги 60×92¹/₁₆. Бум. л.
4³/₄. Печ. л. 9¹/₂ = 9¹/₂ усл. печ. л. Уч.-изд. л.
7.52. Изд. № 775. Тип. зак. № 640. М-36693.

Тираж 1200.

Цена 6 р. 50 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
(Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1)

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
(Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12)